ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

В ТЕМНОТЕ МЫ ВСЕ ОДИНАКОВЫ

РОМАН

ДЖУЛИЯ ХИБЕРЛИН

Готическая история об уязвимости и выживании.
PW

18+

В темноте мы все одинаковы

Джулия Хиберлин

Аннотация
Джулия Хиберлин. В темноте мы все одинаковы
Часть первая. Пропавшая
Часть вторая. Одетта
Пять лет спустя
Часть третья. Энджел
Часть четвертая. Правда
Часть пятая. Найденная
Благодарности

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Десять лет назад Труманелл Брэнсон бесследно исчезла, оставив после себя лишь кровавый отпечаток ладони на дверном косяке. Все в городке убеждены, что виноват ее старший брат Уайатт, хотя подозрения полиции на его счет не подтвердились. Однажды на обочине дороги, у поля, он находит девочку-подростка: немая, с розовым в блестках шарфиком, прикрывающим пустую глазницу, та «аккуратно обложилась одуванчиками по кругу, как делают в сказках, защищаясь от нечистой силы», и кого-то очень боится. Одетта Такер, самая молодая из местных полицейских, уверена, что сумеет и помочь найденышу, получившему прозвище Энджел (Ангел), и наконец раскрыть тайну случив-

шегося той ночью, когда исчезла Труманелл, подруга ее детства, – ночью, когда все изменилось…

Впервые на русском – новейший психотриллер Джулии Хиберлин, автора международных бестселлеров, переведенных на 20 языков. На основе романа компания Sister Pictures уже готовится снимать сериал.

Джулия Хиберлин
В темноте мы все одинаковы

Julia Heaberlin
WE ARE ALL THE SAME IN THE DARK
Copyright © 2020 by Julia Heaberlin
© Е. В. Матвеева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026 Издательство Азбука®
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

Деянире Монтемайор Мартинес
Дорогой подруге,
красавице, рожденной в другой стране,
гражданке Америки,
ангелу, посланному свыше
querida amiga
Immigrante hermosa
ciudadana estadounidense
ángel arriba

На могилу уходит часов восемь-десять, а потемну – и того больше. С напарником – часов пять-шесть. Все не как в кино. Лопатой не обойдешься. Нужна бензопила, корни рассекать. И кирка. Даже если камни не попадутся, так техасская глина ничуть не мягче. У меня всегда с собой рулетка и шест, потому как яма должна быть гораздо больше, чем кажется. И достаточно глубокая, чтобы ни бродяги, ни звери не учуяли запах разлагающегося трупа. Я и вниз прохожу с запасом. Так что, если хотите знать мое мнение, вряд ли дочку Брэнсона когда-нибудь найдут. В жизни не видел, чтоб кого-нибудь так искали. Обшарили каждую ферму. Каждый клочок земли вокруг озера. У копов была карта с цветной разметкой, по ней они и шли дюйм за дюймом, год за годом, пока всю местность не прочесали. И вот что я скажу: если девушку похоронили здесь, причем быстро, это сделал тот, кто хорошо знает местную почву. Может, фермер. Или тот, кто много убивал.

Альберт Дженкинс, 66 лет, могиль-

щик. Фрагмент интервью из документального телевизионного расследования

Часть первая
Пропавшая

1

От нее исходит очень нехорошая тайна. Чую по тому, как ноет застарелая трещина в руке, которую папаша сломал мне в детстве. А она никогда не ошибается.

Тычу носком ботинка, как зверюшку. Один глаз открывается и закрывается. Жива. Но возможно, на грани. Местное солнце так жарит, что сверчки громко молят о пощаде.

Господи, некогда мне с этим возиться!

Чертово дерьмище. Ну почему не собака? В зеркале заднего вида выглядела точно как сбитый пес. Я потому и развернулся. Нет, сперва-то Господь сказал мне: «Стой!» — а потом уж я в зеркале заметил, что прямо за колючей проволокой что-то лежит.

Я уже все продумал. Пса вы́хожу. Займет пустое место рядом, на котором пыхтел и радостно скалился Ченс, пока три месяца назад у него не выросла шишка на шее.

А тут такое. Загадочная девчонка с блестящими волосами. Вылитый пустынный ангел с подрезанными крыльями. Ей лет двенадцать-тринадцать. Десять. Черт, не разберешь. Малолетки нынче выглядят на пятнадцать, хотя я бы дал одиннадцать.

Лежит голыми ногами на прокаленной земле, в нескольких шагах от ограды из колючей проволоки, а по шоссе проносятся большегрузы, обдавая все вокруг волной жара. Губы алые, как у Белоснежки. На глазу шарфик с золотыми блестками, будто ей сделала перевязку принцесса. А может, она и *есть* принцесса. Или обычная девчонка, у которой не было с собой бинта.

Да, третья кружка пива за обедом явно была лишней.

Позади только выжженное солнцем пастбище. Крови на девчонке вроде нет. Уж точно не через колючку перелезла. Я здоровый мужик, так и то слюнявлю ранку на пальце. Нет, она явилась с того поля, будто из ниоткуда, по воле моего старого приятеля Господа Бога.

Он вручил ее судьбу мне в руки. Короткое платье промокло от пота. Руки раскинуты над головой. На щеке и в прорехе на плече — синяки. И такая тощая! Станет пихаться локтями и колен-

ками, я и не почувствую.

Неожиданно ее грудь вздымается и опускается, как у загнанного оленя. Все-таки скорее живая, чем мертвая. Она открывает глаз, который без шарфа, и снова крепко зажмуривается. Там, в кромешной внутренней темноте, решаются вопросы жизни и смерти. *Как лучше умереть? Изжариться на солнце и пойти на завтрак птицам? Или погибнуть от рук какого-то водилы*?

Волосы дыбом. Я не дурак. Знаю кучу доводов против. Девчонок используют как приманку. Впрочем, эта техасская дорога — сплошное голубое небо и земля, раскатанная в блин. Только что слышал, как один водила в придорожной закусочной доказывал другому, мол, местность тут гладкая, что столешница, значит Земля плоская и Дональд Трамп на самом деле строит стену, чтобы мы все не свалились в тартарары, хотя официально и утверждает, что против мигрантов.

Окидываю взглядом округу. Кроме нас — ни души.

Подхожу ближе. Моя тень накрывает девчонку.

Она резко привстает, собрав все силы.

Несмотря на блестящий шарф на глазу, теперь ей видна вся картина.

Амбал. С огромным грузовиком, в котором можно спрятать что угодно. А от пребывания за решеткой, даже совсем недолгого, не отмоешься.

«Здравомыслие и счастье — невозможное сочетание», — написано на бумажке, которую моя сестра, Труманелл, прилепила мне на руль. Труманелл сейчас увлекается Марком Твеном. Вечно обклеивает мне грузовик всякой жизнеутверждающей и духоподъемной хренью, чтобы не скучал в рейсе.

Девчонка не произносит ни слова. Не просит воды. Ничего. Солнце бликует на чертовом шарфике, так что лицо толком не разглядишь.

Срываю шарфик. Рот девчонки разверзается, подобно разлому в земле. Мимо проносится фура, заглушая крик. Так вот что скрывала повязка.

2

Один глаз сияет, как изумруд. Веко второго почти сомкнулось над ввалившейся глазницей, открываться там нечему. Я знаю, что это значит.

Папаша лишился глаза в детстве. В зависимости от настроения носил то повязку, то дешевый искусственный глаз, который выглядел так, будто его вырвали у кареглазого плюшевого медведя, жившего своей жизнью. С папашей было невоз-

можно чувствовать себя в безопасности, а тем более — жить своей жизнью. В возрасте восьми лет я пошутил на эту тему. Очень опрометчиво, так как папаша услышал.

Он любил напоминать нам с Труманелл, что большинство пиратов носили повязку не потому, что глаза не было, а чтобы приучиться вести бой на корабле и убивать противника непроглядной ночью. Так он давал нам понять, что прекрасно ориентируется в темноте.

Девчонкин глаз — доказательство, что Господь снова испытывает меня, это своего рода знамение.

Надо стараться смотреть на другую половину ее лица, где сияет «изумруд», полный ужаса.

— У меня отец без глаза был, — замечаю я небрежно. — Тут у многих чего-нибудь нет. Пальцев. Руки целиком, ноги. Сельхозтехника, война, хлопушки — оторвет что-нибудь, ну и живешь себе дальше. Здесь всем все равно. Папаша говорил, что жизнь с одним глазом закалила его дух.

На самом деле он утверждал, что, если пялиться в его «игрушечный» глаз, ослепнешь.

Я говорю, а в голове звучит голос Труманелл: «Не трогай. Ни в коем случае. На тебя перейдет». Законы непрухи мы знаем назубок, а от девчонки

так и веет этой заразой. Она подхватила ее от кого-то. Как бациллу, которая перескакивает с одного человека на другого в поисках смертельной раны, а если таковой нет, довольствуется тем, что попадется.

Еще не поздно уйти.

Здоровый глаз посверкивает, словно изумруд, источающий волшебную силу. В нем читается, что девчонка лучше рискнет и пойдет со здоровенным водилой, чем останется одна в вотчине гремучих змей и ястребов.

— Меня зовут Уайатт, — говорю я. — А тебя я буду называть Энджел[1], если не возражаешь. Подходящее имя. Твои волосы блестят. И руки у тебя были раскинуты так, будто ты хотела сделать «снежного ангела» в пыли. Ты правда этого хотела? — Я шучу, пытаясь успокоить девчонку, чтобы без лишнего шума затащить ее в машину.

В ответ ни слова, ни тени улыбки. Черт, она, может, ни одной снежинки в жизни не видала. Детишки в западном Техасе, бывает, и под дождик-то впервые попадают лет в пять.

Протянутую бутылку девчонка хватает и так жадно из нее пьет, что поперхивается. Жду, пока

---

[1] Notes: 1

От *англ.* angel (ангел). — *Здесь и далее примеч. перев.*

она откашляется, и сую ей кусок вяленой говядины, которым хотел приманить чертова пса.

Холодок снова пробирает руку. Стараюсь унять дрожь. В траве лежит еще кое-что, чего я сперва не разглядел.

Одуванчиков я не боюсь. Просто у меня с ними связана одна история. Девчонка аккуратно обложилась одуванчиками по кругу, как делают в сказках, защищаясь от нечистой силы. Ну или кто-то украсил ее будущую могилу, прежде чем бросить на обочине.

Возле ног девчонки охапка облетевших одуванчиков, уже подвядших на солнце. Опускаюсь на колени и пересчитываю их. Семнадцать загаданных желаний. Мой рекорд в нашем поле в наихудший день — пятьдесят три, только желание я загадывал всегда одно, самое заветное.

Да кто знает, о чем думает эта девчонка. Чего желает. Я знаю лишь, что стою одной ногой в ее одуванчиковой «могиле», и мне от этого не по себе.

Труманелл затевала игры с полевыми цветами, когда мы прятались в поле за домом. Отвлекала меня сказками, чтобы я не бросился с карманным ножиком на папашу, который чуть ли не каждый день бахвалился, что он вправе прихлопнуть нас,

как комаров.

Труманелл называла люпины осколками неба. Щекотала меня метелочками кастиллеи, говоря, мол, это индейские дети-призраки на закате раскрашивают их лепестки в оранжевый и желтый цвета. А стебли кукурузы — это стражи, которые охраняют нас ночью в поле. Ну и прочую подобную чепуху.

Я с десяти лет знал, что вся эта волшебная хрень — враки.

Кусочки разбившегося небосвода? Осколки сделаны не из красивых цветочков. А из стекла.

Но я привык прислушиваться ко всему, что подсказывает рука. И сейчас она говорит: «Уходи. Не то загремишь в тюрягу, хотя, может, там тебе и место».

Девчонка напоминает мне Труманелл. Она испытала такое, чего девочки испытывать не должны. Это читается в широко распахнутом зеленом глазу, которому приходится нести двойную нагрузку. Все еще надеется найти свой осколочек неба. И верит в магические круги: а вдруг сработает?

Хватит колебаться. На все Твоя воля, Господи. Я ступаю в круг из одуванчиков и подхватываю девчонку на руки. Она обмякает, как спящий

ребенок, и роняет голову на грудь. *Не забывай*, что она *и есть* ребенок.

Сестрица умудряется нудеть над ухом даже из дома в пятнадцати милях отсюда, параллельно моя посуду или читая одну из своих книг.

На полпути к машине девчонка медленно поднимает голову. Открывает алые губы. Язык воспален докрасна, поэтому я не ожидаю подвоха. Не замечаю, что у нее в руке. А она подносит к губам одуванчик и дует на него что есть мочи. Мне будто чихают пушинками прямо в лицо. Они попадают в нос, застревают в ресницах.

Наверняка это предупреждение, что она общается с высшими силами.

Зря потратила желание, дорогуша.

Господь слышит нас с тобой все время, а посмотри, где мы.

Открываю дверцу кабины, чтобы положить девчонку, и оттуда вылетает бумажка с цитатой от Труманелл, изречение какой-то ирландской старушки-писательницы.

«Судьба не парит, как орел, а шныряет, как крыса»[2].

Я отъезжаю, а в зеркале видно, как бумажка,

---

[2] Notes: 2

Высказывание Элизабет Боуэн (1899–1973), англо-ирландской писательницы, автора романов, сборников рассказов, эссе.

вспорхнув, застревает в колючей проволоке.

3

На крыльце виднеется силуэт Труманелл. Ждет нас. Девчонка снова безжизненно обмякла в моих руках; на шее сверкает золотистый шарф. В лучах пылающего солнца кажется, что она охвачена огнем. Глаза закрыты, так что и не скажешь, что с ними что-то не так.

Бабулин силуэт на крыльце служил верным знаком, что опасность миновала и можно возвращаться домой из поля. Но потом бабуля Пэт умерла, и все хозяйство легло на плечи Труманелл. Ей было десять.

Труманелл придерживает мне дверь, и я будто слышу, как в голове у нее тикает: «Откуда она? Почему не вызвал копов?» От беспокойства нежно-бархатистое лицо Труманелл идет мелкими морщинками точно так же, как когда она смотрела на меня сквозь прутья кроватки, которую смастерил папаша. Это было за четыре дня до ее пятилетия, значит мне только-только исполнилось два и мы оба были совсем крохами.

Труманелл тогда вскарабкалась на кроватку и успела зажать мне уши потными ладошками. Я услышал крик, но приглушенный, будто из плот-

но закрытого шкафа. По словам Труманелл, в тот день отец убил нашу мать. Ее кремировали без вскрытия. Труманелл всегда старалась отвести от меня беду руками.

Это они, ее руки, подсадили меня на сеновал, так что мои красные кроссовки в последний момент исчезли с последней ступеньки незамеченными. Ее руки чуть не выбили дух из страуса, который забежал с соседней фермы, разорвал нашего щенка и погнался за мной.

Они же пришили к шторам потайные карманы, чтобы хранить все доступное нам оружие.

Столовый нож, пистолет, вязальная спица, баллончик лизола. Я знал: Труманелл не допустит, чтобы мой тайник пустовал. Всякий раз, как я засовывал в него руку, там что-то было. Папаша иногда бил нас. Но чаще издевался морально.

Смекалка служила Труманелл дополнительным орудием. В девяти случаях из десяти ей удавалось перехитрить папашу. *Умница моя*. Так он называл ее после бутылки виски. Он дал ей имя одновременно и женское, и мужское, чтобы каждый день напоминать, что хотел еще одного сына, продолжателя рода. Я втайне звал ее Тру[3],

---

[3] Notes: 3
Созвучно *англ.* true — истина, реальность.

потому что такой она и была — настоящей.

Заношу Энджел в комнату, а Труманелл на ходу кладет свою волшебную ладонь ей на лоб. Проверяет, жива ли. Вздох — Энджел или мой — прокатывается по телу. Будто то было прикосновение самой Богоматери, подобное прохладной живительной влаге, врачующее любую боль. И ты покачиваешься на волнах: вода мягко омывает тебя со всех сторон, рыбки щекочут ступни, а солнце ласково греет лицо.

Кладу неподвижную Энджел на диван. Ее глаза по-прежнему закрыты. На обратной стороне левой подушки под ее головой — застарелое пятно крови, из-за которого шесть розовых цветков побурели, будто исключительно для них настала зима. Благодаря Труманелл дом сверкает чистотой, лишь эта подушка лежит на том же месте и не дает забыть о том страшном дне.

— Я называю ее Энджел, — говорю я.

— А вот и зря, — шепчет Труманелл.

Девчонка резко открывает глаза и тут же снова закрывает. Воздух будто наэлектризован ее страхом. Молодец, что не доверяет мне, сыну лжеца, такому же, как папаша, если не хуже.

В волосах застряли комочки земли и пушинки одуванчика. Солнце подсвечивает розовым за-

гнувшуюся прядь. Лиловый лак на ногтях почти облез.

Увидь она Труманелл — сразу бы успокоилась. Меня пусть хоть чертом считает, но Труманелл — хрупкая кареглазая шатенка, писаная красавица, ангел во плоти.

Сестра заправляет прядь волос за ухо. Признак, что она сильно нервничает.

И это я еще не говорил, что Энджел одноглазая, как папаша, не рассказал про круг из одуванчиков, про подсказки руки и непруху, которой девчонка дохнула на меня, как дымом от сигарет.

Лайла с темной челкой, шелковистой, как кукурузные рыльца, и скорбно поджатым ртом глядит на нас с портрета на стене. Папаша твердил нам, что один глаз у Лайлы — всевидящий. Мы видели, как она переводит взгляд. Я и сейчас вижу.

Не важно, что я уже взрослый и понимаю, что Лайла «оживает» благодаря углу зрения и игре света и тени и что папаша тщательно выстраивал обман. По его рассказам, Лайла — наша семнадцатилетняя кузина, которая в самый сочельник повесилась на алой ленте на дереве у старой

психбольницы близ Уичито-Фолс[4].

Каждый год 24 декабря папаша отвозил нас к тому дереву. Причем Труманелл непременно должна была повязать волосы алой лентой от свертка, который папаша клал на ее место за кухонным столом. Внутри всегда оказывалось что-нибудь ценное. Розовый кашемировый свитер, большой флакончик духов «Гуччи-Гилти»[5], сотовый телефон.

Труманелл смотрела снизу, а мне папаша приказывал залезть на дерево и завязать ленту петлей на самой высокой ветке. «Ваша жизнь — тонкая ленточка, которую я запросто оборву», — говорил он при этом.

Труманелл сидит на полу, по-детски скрестив ноги, и скручивает пальцем невидимый локон в плотный жгут. Папаша заставлял Труманелл собирать волосы в зализанный пучок. Однажды в четвертом классе он залепил ей выбившуюся прядь ошметком арахисового масла и велел так идти в школу.

Нелли — с маслом бутерброд нам варенья не

---

[4] Notes: 4

Уичито-Фолс — город в штате Техас.

[5] Notes: 5

Парфюмерная вода с цветочным ароматом, выпущенная известным итальянским Домом моды «Гуччи».

дает и поэтому умрет. Так дразнили ее мальчишки на спортплощадке, а в средних классах школы продолжали всячески дразнить за округлости, которые она не разрешала лапать.

В итоге Труманелл только выиграла. Парням она нравилась.

Эта прическа ей очень шла. Труманелл украшала пучок цветами и стразами, которые достались ей от бабули Пэт. Все девочки в школе начали собирать волосы в пучок, хотя никто из телезвезд такую прическу не носил. Вот как сильно все хотели походить на Тру, вот какой популярной она была.

Труманелл сейчас настоящая красавица: склонилась заботливо над Энджел, а волосы свободно спадают на лицо и плечи. Вот бы ей во всем такую же свободу. Не приходилось бы пересказывать, что происходит снаружи. Было бы так здорово ездить вместе на грузовике. Уж она бы не позволила мне подбирать то, что не следует. Но нет, старшая сестренка говорит, что будет ждать меня дома. Мы оба знаем, что на самом деле она ждет папашу. Десять лет, как все пошло наперекосяк. Значит, сейчас ей двадцать девять. А выглядит по-прежнему на девятнадцать.

На ногах с шести утра до восьми вечера — в та-

ком ритме она сейчас живет. Встает с рассветом, убирается там, где и так чисто, бродит по саду, собирает персики, напевает то Пэтси Клайн[6], то Бейонсе[7] и говорит, что все равно все будет хорошо.

Только Труманелл считает, что мою душу еще можно спасти. А я больше чем уверен, что нет. У нас с Господом Богом уговор. Наши беседы и испытания, которые Он мне посылает, — лишь способ скоротать время. Этот большой белый дом — мое чистилище.

Иногда я шутя спрашиваю Труманелл, мол, может, не ходить больше в рейсы, а устроить в доме музей? Она бы сидела на крылечке и продавала сладкий чай со льдом и бабулиным сахарно-коричным печеньем в пищевой пленке.

Можно брать входную плату, как на чертовом

---

[6] Notes: 6

Пэтси Клайн (Вирджиния Паттерсон Хенсли, 1932–1963) — легендарная американская кантри-певица, автор песен.

[7] Notes: 7

Бейонсе (Бейонсе Жизель Ноулз-Картер, р. 1981) — современная американская певица в стиле R'n'B, композитор, продюсер, танцовщица.

ранчо Линдона Б. Джонсона[8]: кирпичном доме посреди прерий, куда тридцать шестой президент приглашал гостей, будто в какой-нибудь Тадж-Махал.

Я бы брызнул чуть-чуть кроваво-алой краски на безжалостно белые стены, потому что недосказанность всегда действует сильнее.

Пусть работает разум, а не зрение. Так учил папаша. Я бы снова засадил поле пшеницей и рассказывал правду про Нелли — с маслом бутерброд соседским юнцам, которые выдумывают про нас всякие небылицы. Прихлебывают пиво на своих автомобильных сходках, орут на луну и пугают сами себя до усрачки, а потом подъезжают к воротам на пастбище и газуют со всей дури. Каждый год седьмого июня я затаиваюсь в доме и слушаю, как они скандируют:

Что в большом грузовике? Псих без винтиков в башке!

«Кружева шантилью», рожу покажи свою.

Десять лет прошло, а никто в городе до конца не представляет, что случилось в этом доме. Только

---

[8] Notes: 8

Библиотека и музей 36-го президента США Линдона Бейнса Джонсона (1908–1973) — одна из самых посещаемых достопримечательностей в городе Остин, штат Техас. Это ранчо называли техасским Белым домом, поскольку Джонсон в бытность президентом проводил там немалую часть времени и нередко принимал там высокопоставленных гостей.

и могут, что расшатывать ворота, исходить злобой и строить догадки.

Энджел на диване снова прикидывается мертвой. Труманелл так и сидит на полу и, позевывая, говорит, что готова *идти на боковую*, хотя день еще в разгаре.

Стук в дверь резко возвращает Энджел к жизни.

И тут она впервые видит мой пистолет.

Часть вторая
Одетта

Если уж что-то должно случиться, тебе остается только надеяться, что этого не произойдет.

Любимая цитата Одетты Такер из «Хладнокровного убийства»[9]

4

Издалека дом Брэнсона похож на Моби Дика, который всплывает из моря, — гигантский белый кашалот, распугавший всех в округе. Вообще-то, почти так и есть.

Предчувствие нехорошее. Оно и не бывает другим, когда я сюда приезжаю. Раз дом — кит-убийца, то прошлое — его акула-спутница, которая поджидает меня.

Десять лет назад здесь оглушительно гремело людское негодование. Машины, ружья и железо

---

[9] Notes: 9

«In Cold Blood» (1965) — документальный роман американского писателя Трумена Капоте, основанный на истории реального преступления — убийства четырех членов семьи Каттер в штате Канзас в 1959 г. Перевод М. Гальпериной.

против камня, стекла и глины. Двести с лишним человек, которых никто не звал, перелезли через ворота и ворвались на ферму. Деды, отцы, братья, дяди, врачи, юристы, фермеры, учителя, сантехники.

Они искали тело девятнадцатилетней Труманелл с лопатами, кирками и металлодетекторами. Выбили окна прикладами, порвали оградительную ленту, изрубили пшеницу и раскопали землю так, что крысы и мыши, лишенные укрытий, не знали, куда деться на поле, напоминавшем постапокалиптический лунный пейзаж, изрытый кратерами.

В то время отец Труманелл, Фрэнк Брэнсон, также пропавший, значился первым в списке подозреваемых. Его сын Уайатт — вторым. Прошло двадцать дней с тех пор, как исчезла Труманелл. Местные копы, сильно уступавшие по численности разъяренным горожанам, встали перед выбором: открыть огонь по тем, с кем сидишь рядом в церкви, или отойти в сторону и смотреть, как уничтожается место преступления.

Руководил ими мой отец. По его приказу полиция отступила и позволила толпе вершить самосуд. После того как мародеры угомонились, ночью налетела сильнейшая гроза. Ямы

превратились в грязевые пруды. Обрывки оградительной ленты разлетелись на много миль, застряли в верхушках деревьев, словно хаотично разбросанные желтые флажки, указывающие Труманелл, любимице города, путь домой.

До сих пор каждую весну я замечаю клочки желтого полиэтилена в гнездах птиц и камышах и думаю, не лента ли это из дома Брэнсонов. Может, это личное послание мне от Труманелл, а не просто пустая пачка из-под драже «Эм-энд-эмс», как в тот раз, когда я залезла на старый дуб проверить?

Вдавливаю педаль в пол, поднимая за собой облако красной пыли. По рации будто выступает комик, работающий в жанре черного юмора: «Белка не пускает женщину в дом. Мужчина по адресу: Хэлсолл, 3262, заявляет, что жена наносит ему побои его любимой бейсбольной битой».

Никто не спрашивает, почему я одна в страхе мчусь по бескрайней прерии, где редкие деревья похожи на мачты одиноких парусников, думая о том, что папа — легендарный шеф здешней полиции — велел мне не возвращаться в эту техасскую дыру, кроме как для того, чтобы развеять его прах. *Не пытайся узнать правду о Труманелл. Время ответов на некоторые вопросы еще не пришло…*

И все же я вернулась. Пять лет назад захоронила его прах рядом с мамой на кладбище Святой Троицы, что на окраине города, и вступила в ряды местной полиции вслед за отцом и дедом. Перевезла сюда своего новоиспеченного мужа, чикагского адвоката по имени Финн (в честь Гекльберри Финна), который согласился пять лет пожить в моем родном городе. Он знал, как мучает меня все, что связано с седьмым июня 2005 года — черным днем в моем календаре. И понимал, что ночь исчезновения Труманелл неразрывно связана с моей жизнью.

Соседи не удивились, когда к дому подъехали грузчики и, вместо того чтобы забрать вещи отца, принялись выгружать мои. Местные часто возвращались, особенно те, кто клялся, что нипочем не вернется. Техас — сладкий яд, впитанный с молоком матери: чем старше становишься и чем дальше убегаешь, тем больше его концентрация в крови.

К тому же у меня есть и собственная история в этом городе. Мне говорили, что я особенная, храбрая девочка, с тех самых пор, как я в три года забралась на стремянку и поймала в пластмассовую миску бешеную летучую мышь, которая намеревалась покусать мою одиннадцатиме-

сячную двоюродную сестру Мэгги. Никогда не забуду, как она с хохотом показывала пальчиком на смерть, кружащую вокруг ее головы.

На самом деле я *не* храбрая. И к геройству не особо склонна. Просто одно пугает меня сильнее, чем другое.

Я больше боялась за двоюродную сестру, чем упасть со стремянки, казавшейся небоскребом. Не стать копом, как папа, было страшнее, чем стать. Оставить все как есть — невыносимее, чем ввязаться в дело по уши и довести его до конца.

А сегодня я больше боялась, что все пойдет не так, если взять с собой напарника, считающего Уайатта Брэнсона психом, которого давным-давно надо было изолировать от общества. Хотя нет никаких доказательств, что это Уайатт убил сестру и отца. Хотя в ту ночь его нашли далеко от дома, у озера, и он был не в себе. Хотя делом Брэнсона занимался мой собственный отец, и он вплоть до своей смерти утверждал, что Уайатт невиновен.

Объезжаю грузовик Уайатта, твердя себе, что это снова ложная тревога. С тех пор как по телевизору показали нашумевшее документальное расследование, снятое к десятой годовщине событий, количество вызовов утроилось.

А все потому, что бывший агент ФБР с наполовину затемненным лицом, сидя в своем бархатном кресле-качалке, во всеуслышание заявил, мол, он подозревает, что Уайатт — убийца, причем серийный, и замышляет новое преступление.

Затем — вжух! — и в кадре взволнованные, открытые лица трех пергидрольных блондинок и одной рыженькой, позирующих на мотоциклах. Фанатки, которые преследуют Уайатта в рейсах и выкладывают в Сеть его местонахождение. Одна из них утверждала, что видела, как Уайатт покупал «подозрительное голубое платье» в «Уолмарте»[10] в пригороде Бомонта[11]. Рыжая (самая симпатичная) откинула волосы и показала красные отметины. Якобы Уайатт схватил ее за шею во время интимной встречи в туалете на стоянке. «Никогда больше не пересплю со знаменитостью, — заявила она, пока камера скользила все глубже в декольте. — Секс был классный, но я думала, что умру».

Фильм снимали оскароносный режиссер и знаменитый журналист и все равно все исказили.

---

[10] Notes: 10

Walmart — крупнейшая американская компания, управляющая сетью розничной и оптовой торговли; основана в 1962 г.

[11] Notes: 11

Бомонт — город на юго-востоке штата Техас.

Абсолютно всё.

Надеюсь, звонивший аноним тоже ошибся. Втопить в пол меня заставила одна простая фраза:

Уайатт Брэнсон притащил к себе девочку.

Свежая краска на доме Брэнсонов режет глаз белизной и на жаре липнет — не досохла за три недели. Поле будто гладко выбрито, как лицо жениха в день свадьбы. Уайатт теперь скашивает всю траву подчистую.

Приоткрываю стекло, замедляю скорость и слушаю шорох шин по гравию. Больше никаких звуков. Июль всегда жаркий и совершенно безветренный. Грусть сжимает сердце — от земли будто исходит тихая скорбь по всем умершим созданиям.

Я решила не включать ни мигалку, ни сирену.

Каждый год седьмого июня Уайатт «по настоянию Труманелл» красит весь дом: стены, ставни, щеколды, колонны… Хотя сам же говорит, что никакой белой краски не хватит, чтобы замазать все, что происходило в этом доме.

Покрасочный ритуал знаменует начало лета. Город вновь принимается оплакивать свою пропавшую любимицу. Не желая общаться с Уайаттом лично, владелец магазина «Хозтовары у Дикки», как по расписанию, оставляет снаружи

двадцать один галлон краски «Кружева шантильи» с сорокапроцентной скидкой, а также три валика и две кисти в подарок.

Уайатт говорит, что Труманелл каждый год просматривает все образцы краски, которые он приносит домой, но неизменно выбирает «Кружева».

Не «Свадебную фату» — слишком грустно для той, кто лишь воображала себя невестой, идя вдоль рядов кукурузы в венке из маргариток. Не «Жемчужно-белую», потому что она слышала шум волн только в морской раковине, непонятно откуда взявшейся среди прерий. Не «Лилию» — ведь лилия напоминает Труманелл про аромат цветов на похоронах бабули Пэт. Не «Лунный свет», потому что луна не всегда была на нашей стороне, когда мы прятались в поле. И не «Костяной белый», поскольку при этих словах снова слышит, как хрустнула рука брата.

Распахиваю дверцу машины, не стараясь действовать тихо — Уайатт уже наверняка знает, что я здесь. Когда мне было шестнадцать, он говорил, что услышит даже взмах моих ресниц. Рассказывал, что у мотыльков, похожих на разлетевшиеся обрывки бумаги, лучший слух на земле. И у него — тоже. Уайатт умел сочинять.

Но сегодня я ему верю. Он слышит, как я моргаю, судорожно сглатываю, ступаю на рассохшееся крыльцо.

Поля пустые. У амбара тихо. Уайатт не обрабатывал землю и не занимался разведением скота и лошадей по меньшей мере лет пять.

С виду совершенно обычные детали пейзажа для меня — тревожные звоночки.

Платье, развевающееся одиноко на веревке для белья (хотя бы не голубое).

Шланг, обмотанный вокруг огромного баллона с гербицидом от сорняков с рисунком одуванчика.

Банки из-под краски, составленные в неестественно ровную пирамиду на крыльце.

Розовые бальзамины — любимые цветы Труманелл — в ящике перед домом.

Тяжелые шторы, которые висят на окнах со времен моего детства, плотно задернуты.

Осторожно дергаю москитную дверь. Заперта.

Бесконечно белая тишина.

Какой была бы моя жизнь, если бы не та летучая мышь?

Ведь тогда я поверила, что, если постараться, можно все наладить.

И все еще верю. Даже после 7 июня 2005 года.

Стучу в дверь.

5

Барабаню в дверь целую минуту, и наконец появляется Уайатт. Мускулистая фигура заслоняет собой все пространство. На нем повседневная «форма»: белая футболка, выцветшие «левайсы» и старые ботинки, потрепавшиеся от дождя, пыли и навоза. Сквозь сетку видно револьвер. Нацеленный мне в голову.

Внутрь дома не заглянуть. Уайатт не торопится открыть щеколду на сетчатой двери, изъеденной осами. Там как раз сидит одна, с головкой в черных пятнышках, похожих на татуировки со слезой у отбывающих срок за убийство. С детства знаю, что осы и заключенные с такими метками — гораздо злее остальных.

— Одетта, какой сюрприз! — Лицо Уайатта кривится в усмешке. — За добавкой пожаловала?

— Опусти пушку. Я делаю свою работу. Поступил сигнал, надо его проверить. Не я, так кто-то другой. Тебе же лучше, чтобы это была я.

Уайатт молчит, по-прежнему ухмыляясь. В нем всегда чувствовалось первобытное начало — одновременно и агрессора, и защитника, и, когда не знаешь, кто он на этот раз и опасен ли,

становится тревожно. Я прекрасно понимаю, что полицейская форма сглаживает различия, придает бесполость. Однако его взгляд все равно медленно скользит по мне: русые волосы, потемневшие от пота, собраны в хвост, черный лак на ногтях правой руки, замершей на пистолете у бедра, серый силиконовый муляж обручального кольца на левой руке — Финн настаивает, чтобы я носила его на службе, раз постоянно забываю блестящий золотой оригинал на туалетном столике.

— Да уж, лучше ты, — соглашается Уайатт, затыкая пистолет за пояс.

— Сперва проясним. То, что произошло в прошлом месяце, было ошибкой. — Слова сами вылетают изо рта. — Это не повторится. Никогда.

— А ты думала, я про какую добавку? У меня пара кусков персикового пирога еще осталась.

— Это было ошибкой.

— Я понял с первого раза. Так долго ехала, чтобы сказать мне об этом? Как там Гекльберри, кстати?

Открываю рот и тут же закрываю. Не собираюсь говорить, что Финн собрал сумку и уехал от меня на прошлой неделе, за два дня до окончания обещанного пятилетнего срока.

— У тебя в машине видели девушку, когда ты

ехал по городу, — твердо продолжаю я. — Есть в доме девушка, Уайатт? — Я кошусь на подсохшее платье, похожее на мятое пугало.

— Ревнуешь?

Уайатт отпирает щеколду и выходит ко мне, захлопнув за собой дверь. Он крепок до непрошибаемости, а в позе читается та же готовность рвануть вперед по свистку, как в старших классах, когда он был раннинбеком в команде по американскому футболу.

Львиный Глаз. Так бабушка окрестила Уайатта, впервые увидев его, восьмилетнего, в церкви, где он просидел всю службу, буравя взглядом мой затылок. И сказала *держаться подальше от этого мальчишки*. Бабушка всю жизнь давала каждому прозвища из двух слов, как индейский вождь.

Всем, кроме меня, потому что я — загадка. Получаю шанс в безнадежной ситуации. Проявляю неожиданную смелость. Я так боролась за то, чтобы прийти в этот мир, что родилась с фингалом. Мама, любившая «Лебединое озеро», поцеловала синяк и назвала меня Одеттой в честь несчастного лебедя, предопределив мою судьбу.

Возможно, бабушка знала подходящее мне прозвище, просто не хотела наслать проклятие на единственную внучку, а потому предоставила

городу право назвать меня Бэтгерл.

К тому времени, как мне исполнилось десять, мама с бабушкой умерли от рака груди, оставив меня на попечение братству копов техасского городка и их жен. Все они, как и мой отец, теперь покоятся в разных концах кладбища, а мы с Уайаттом играем в противоборство на крыльце, хотя нас связывает их невидимая сила.

— Что собираешься делать, Одетта? — бросает Уайатт с вызовом.

Чувствует мою нерешительность. Папа велел никогда не возвращаться в этот город, а сам оставил мне негласное наследство в виде Уайатта.

Оса с жужжанием устремляется ко мне. Отшатываюсь и цепляю ногой пирамиду из банок. Уайатт хватает меня за руку, не давая упасть, а я смотрю в его глаза, от взгляда которых у большинства возникает желание бежать прочь. Многие считают, что он не просто способен на убийство, а убивал. По меньшей мере дважды, а может, и двадцать раз. Я же думаю, что убить он бы мог, но ни разу этого не делал.

— Если подобрал кого-то на дороге, просто скажи, — прошу я. — Беглянка искала, где бы прикорнуть на автозаправке? Так ничего страшного. Или, может, в очередной раз насплетничали?

Если да, впусти меня в дом, чтобы я отчиталась, что все проверила. Посветила фонариком в подвале. Пусть я буду первым и последним гостем здесь сегодня.

Пальцы Уайатта впиваются мне в руку. Он раздумывает, давая мне понять: в наших состязаниях умов последнее слово всегда остается за ним.

— Давай докажем, что все ошибаются, Уайатт. Впусти меня, — упрашиваю я.

На его лице появляется бесхитростное выражение, которое гипнотизировало меня с шестнадцати лет.

— Заходи, Одетта. Поздоровайся с Труманелл.

Кивнув, переступаю порог, хотя Труманелл десять лет числится пропавшей без вести.

6

На диване виднеется чей-то силуэт, и на какой-то абсурдный миг мне кажется, что это Труманелл.

Глаза с трудом привыкают к полумраку комнаты, напрочь лишенной солнечного света. Задеваю штору — ту самую, в которой раньше были спрятаны железный рожок для обуви и баночка острого перца. «Оружие», — пояснял

Уайатт, когда нам было шестнадцать.

— Включи свет! — приказываю я.

Черт. Девушка есть. А я надеялась, что это очередная разводка. На девушке тоненький короткий сарафан, такой грязный, что непонятно, какого он цвета. Лицо закрыто руками.

Машинально отшатываюсь от Уайатта.

Первая мысль: она совсем юная, еще подросток.

Не хочу верить, что он что-то с ней сделал. Просто не хочу. Но она, должно быть, до смерти напугана этим хичкоковским[12] антуражем. Дом в чистом поле. Человек, разговаривающий с призраком.

Я регулярно проведываю Уайатта из-за его душевного состояния. Потому же горожане подбрасывают копам анонимные письма и звонят в участок, как только завидят белый пикап «шевроле-сильверадо» там, где, по их мнению, ему не место. И по этой же причине Уайатт сразу становится подозреваемым, если какая-нибудь девчонка старше тринадцати задерживается

---

[12] Notes: 12

Альфред Хичкок (1899–1980) — британский и американский кинорежиссер, продюсер, сценарист, который в своих фильмах в жанре саспенс мастерски использовал визуальные образы для создания атмосферы напряженности и страха.

после установленного родителями часа, потому что уединилась с парнем и с унцией травки.

Иногда я думаю, что городок отпустил бы Труманелл, если бы Уайатт перестал с ней разговаривать. Подхожу чуть ближе. Девочка сильнее вжимается в диван и крепко обхватывает подушку обеими руками.

Лицо плохо видно, и я не могу понять, местная она или я ее видела на одной из фотографий пропавших техасских девочек на заставке моего компьютера. Я проверяю список каждое утро, как делал отец, в поисках несуществующей связи с Труманелл. Вряд ли Труманелл стала жертвой маньяка, который поджидал своих жертв в кукурузных полях, — зачем серийному убийце прихватывать папашу девушки? Фрэнк Брэнсон тоже пропал без вести, как и его дочь.

Отшвыриваю ногой книгу на полу. Стихи. На кофейном столике разбросана мелочь. Фрэнк Брэнсон обычно подбрасывал монетку за бутылкой виски и принимал решения в зависимости от того, что выпадет. Я видела, как Уайатт делает то же самое.

Всем в этой комнате досталось от жизни. Уайатту. Девочке. Мне самой. Труманелл, идущей по нескончаемой дороге в ореоле из пыли и легенд.

— Не знаю, что здесь происходит, Уайатт, но встань там. — Я показываю Уайатту пистолетом, чтобы подошел ближе. — Рядом с синим креслом бабули Пэт. И Лайлой.

Сколько я помню, Лайла с ее пронзительной и трагичной красотой всегда была единственной фотографией в этой комнате. Уайатт поведал мне ее историю в шестнадцать лет. Тогда она показалась мне скорее романтичной, нежели мрачной. Я размышляла, почему она выбрала именно алую ленту, а не голубую, зеленую или желтую. И только потом задумалась, как это возможно с точки зрения физики, чтобы лента не оборвалась до того, как сломать человеку шею.

Год назад я убедила Уайатта снять Лайлу и вынуть из рамы. Карандашная надпись на обороте гласила, что девушку звали Элис Доулинг, а в родстве Брэнсонов никаких Доулингов нет. Фрэнк Брэнсон выудил ее из корзины с подержанным барахлом и превратил в одну из своих лживых легенд.

Несмотря на это, Уайатт вернул Лайлу на место. И она продолжает быть молчаливым свидетелем всего, что происходит в доме, в то время как портрет Труманелл почему-то отсутствует.

Уайатт так и не приблизился к лестнице ни

на шаг.

Стены гостиной внезапно обретают четкость, будто на них с жужжанием наводится невидимая камера. Там и тут приклеены бумажные обрывки, исписанные твердым наклонным почерком Уайатта, — мудрые изречения, которые ему каждый день нашептывает Труманелл.

Каждый раз, переступая порог этого дома, я вижу все больше цитатного мусора. В один прекрасный день «труманеллизмы», словно плющ, поползут на столы, стулья, пол, вверх по лестнице и вылезут из окон.

Перевожу взгляд с девочки на Уайатта с Лайлой. На любом другом я бы защелкнула наручники, как только увидела девочку на диване. Вызвала бы напарника. Не была бы одиноким копом, стоящим посреди комнаты и пытающимся принять решение.

За всем этим скрывается очень долгая история. Огромное чувство вины.

И конечно, моя большая ошибка. Совершенная три недели и два дня назад. Поэтому Уайатт теперь стоит тут, как истинный хозяин положения, а я направляю на него пистолет.

Та часть меня, которая ищет оправданий, говорит, что, если бы не существовало сотовых

телефонов, если бы Финн обнял меня и позвал спать, если бы накал эмоций в телешоу не дошел до такой степени, что муж *семь раз* просил жену, с которой прожил шестьдесят четыре года, уменьшить громкость, и если бы техасский зной не выжег к чертям весь здравый смысл из воздуха, до бара бы дело не дошло.

Я бы не осушила пять рюмок текилы.

Уайатт не вышел бы из угловой кабинки и, проходя мимо, не задел бы мое голое плечо.

Случайно? Намеренно?

Имеет ли значение тот факт, что день с самого начала был полон антиромантики?

В шесть утра нас с напарником вызвали в дом, где муж избил жену до потери сознания за то, что та проверила сообщения в своем телефоне во время секса.

А несколько часов спустя я вынимала пистолет из трясущейся руки восьмидесятисемилетнего старика, чья жена все так же ровно сидела на выцветшем диване, не понимая, почему у нее в плече дырка от пули.

Мы с напарником убавили телевизор и жарились в этой гостиной при сорока градусах, пока симпатичные девушки на экране открывали шкатулки с денежными призами, которые нико-

му не выиграть.

Когда я наконец вернулась домой, мне хотелось оказаться в самом холодном месте на планете или хотя бы в объятиях мужа. Оказалось, это одно и то же.

— Не знал, что тебя удивляет людская природа, — заметил Финн, лежа в постели и глядя, как я снимаю форму. — Мы убиваем без разбору — так было и так будет. Близких и чужих, сестер, братьев, жен, детей, закадычных друзей, соседей, крыс, змей. Палим из окон авто и охотничьих засидок ради забавы или минутной славы, оттого что на бампере написано: «Республиканец на ноль процентов» или чертов телевизор орет слишком громко. Хотел бы я сказать, что завтра будет по-другому, но нет, ничего не изменится. — Он отвернулся и закрыл глаза.

Финн — хороший парень. Я вышла за него главным образом потому, что, когда он лгал, у него на лбу пульсировала жилка. Так что он никогда не лгал.

Не то чтобы я была с ним не согласна. Но в тот момент мне не хотелось слышать, что все безнадежно. Не нужны были нравоучения от трезвомыслящего юриста, у которого тоже был паршивый день.

Поэтому я пошла в бар.

Уайатт задел меня, проходя мимо.

Я схватила его за руку, едва он успел открыть дверцу своего пикапа.

В тот миг, когда Уайатт вошел в меня на парковке, я ощутила давно желанную боль.

* * *

Сейчас Уайатт массирует руку, за которую я его схватила. Это ее сломал папаша, когда стаскивал его с трактора в десять лет. Уайатт говорит, что с тех пор рука дает ему подсказки.

А растирает он ее, потому что нервничает. Я знаю об Уайатте гораздо больше, чем хотелось бы. Столько оснований считать его невиновным, несмотря на то что на диване дрожит незнакомая девочка, а у меня к горлу подступает тошнота.

— Я нашел ее на обочине, — говорит Уайатт. — Она загадывала желания на одуванчиках, наверное хотела, чтобы ее нашли. Вот и вся история. Понятия не имею, как она там оказалась. Может, в бегах?

При этих словах девочка вскидывает голову. Я вижу опущенное веко, прищур, алую полоску. Изо всех сил стискиваю зубы, стараясь оставаться невозмутимой, потому что этого ожидала бы на

ее месте.

Сердце неожиданно замирает. Сжимаю покрепче пистолет, все еще направленный на Уайатта, и поворачиваюсь к девочке:

— Все будет хорошо, милая. Как тебя зовут?

— Удачи, — говорит Уайатт. — Она ни слова не сказала. Я называю ее Энджел.

— Уайатт. Не отходи от Лайлы.

— Да ладно тебе, Одетта. — Уайатт делает шаг, сокращая пространство между нами. — Ты меня не пристрелишь. Тут и без оружия можно все уладить. Ты же знаешь, что будет, если вызвать подмогу. Я окажусь за решеткой. Всколыхнется все, что едва улеглось после дерьмовой документалки про Тру.

Волосы девочки растрепаны. Она босиком. *Почему сразу не сообщил в полицию? Прикасался к ней?* Все эти вопросы следовало бы себе задать, если бы на месте Уайатта был незнакомец.

— Я ее забираю, — говорю я официальным тоном.

— Нельзя отдавать ее в лапы системы.

— Я найду ее родственников. Это моя работа.

— Разве по ее виду похоже, что они хорошие люди? Ты поступишь как девушка, которую я знаю? Или как все остальные копы? Ей надо глаз

лечить. Думаешь, социальные службы с радостью этим займутся? Дети в приюте ее разорвут. Попай. Дурной глаз. Черная Борода[13]. Отца как только не обзывали.

Замолчи. Сейчас же. Я отмахиваюсь от воспоминания о глазах Фрэнка Брэнсона: безжизненном карем и коварном сине-ледяном. Он заслуживал все обидные прозвища до единого.

Фрэнк мог себе позволить протез, идеально подобранный по цвету, такой, который не вываливался бы из глазницы, вместо дешевой подделки, которая была немногим лучше игрушечной стекляшки. Но отец Уайатта был больной тварью.

Однажды в кафе он убедил четырехлетнего Уайатта, что является плодом его воображения, а все потому, что клубничный коктейль официантка Уайатту принесла, а про отцову выпивку забыла.

Фрэнк Брэнсон получал удовольствие, издеваясь над неокрепшими умами тех, кто оказался в его власти.

---

[13] Notes: 13

Моряк Попай (*букв.* Пучеглаз) — созданный американским художником-карикатуристом Элзи Крайслером Сегаром в 1929 г. персонаж американских комиксов и мультфильмов. Черная Борода — прозвище Эдварда Тича, жестокого английского пирата, промышлявшего в Карибском море в 1716–1718 гг.; он послужил прототипом капитана Флинта из романа «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона.

У Энджел тоже неокрепший ум.

Уайатт — сын своего отца.

Утверждает, что подобрал эту одноглазую девочку в зарослях одуванчиков, а сам их ненавидит и истребляет на своем участке со злостью, переходящей в одержимость. Он ненавидел отца. Ненавидит этот город. Иногда даже меня.

— Где Труманелл? — спрашиваю я.

— Да вон сидит на лестнице.

Девочка впервые за все это время издает звук, похожий на мышиный писк.

Отрываю взгляд от лестницы. Зря спросила о Труманелл. Надо поддерживать нормальность для девочки. *Для Уайатта.*

— Покажи ей, что у вас есть нечто общее, — командует Уайатт. — Я с радостью отдам ее тебе и даже помогу увезти, если покажешь, что тоже кое-чего лишилась. Что ты не такая, как все. Я верю в тебя, Одетта. Не будь как остальные.

Девочка настороженно выпрямляется, не сводя взгляда с моего пистолета. Уайатт не встал лицом к стене с Лайлой, как я велела, но в качестве уступки поднял руки и теперь похож на кота, который открывает живот перед большой собакой, зная, что ситуация под контролем.

— Покажешь или нет? — спрашивает он.

Я многозначительно смотрю на него и убираю пистолет в кобуру.

Потом сажусь к девочке на диван и ободряюще улыбаюсь. Задираю плотную форменную штанину на левой ноге. Отстегиваю чехол. Стягиваю носок.

Энджел молча склоняется над протезом и проводит по нему пальцем.

Я не должна ничего чувствовать, но почему-то вздрагиваю.

7

В шестнадцать у меня были две ноги из плоти и крови. Я обвивала ими Уайатта за талию, и мы лежали так, глядя на ночное небо с луной, похожей на большую блестящую монету. Двое влюбленных в кузове грузовика.

В ночь исчезновения Труманелл я в последний раз бежала на двух ногах, спасая свою жизнь.

Вечером 7 июня 2005 года мы с Уайаттом должны были играть в скрэббл. Я даже отметила у себя в календаре, что это наше сорок шестое свидание. Мне все время не дает покоя мысль: насколько же это в духе вежливого Юга — прийти в чей-то дом, о тайнах и чудовищах которого прекрасно знаешь, и делать вид, что нет большей проблемы,

чем засчитывается ли слово «пасиб», составленное из букв на доске, и лучший ли это лимонный пирог на свете.

В тот вечер я так и не попала в дом. В ответ на мой стук Уайатт приоткрыл дверь на щель и велел мне бежать, ни о чем не спрашивая. Я успела заметить панику на его лице и темный седан в тени на подъездной дорожке.

Я не слышала ни криков, ни выстрелов. Воздух казался густым и зловещим, будто вот-вот случится или уже случилось нечто ужасное. Запрыгнув в машину, я попыталась позвонить отцу, но связь в том районе была отвратительная.

Спустя час меня нашел водитель, проезжавший в двух милях от дома Брэнсонов. Пикап в кювете, нога сломана, радио трещит, кровь льется на траву.

Думаю, Уайатт спас меня той ночью, приказав бежать. Он же считает, что сломал мне жизнь. Себе так точно.

В то время, когда хирург резал мне ногу, Уайатта нашли у озера. В невменяемом состоянии он бродил по берегу и бормотал какую-то бессмыслицу. Говорили, что этот факт вкупе с пятнами крови возле дома явно указывал на то, что Труманелл и Фрэнк Брэнсон мертвы, а убил их Уайатт.

Но доказать ничего не могли.

Как ему удалось избавиться от двух трупов и убрать все следы за такое короткое время? Зачем ему убивать свою обожаемую сестру? Эти вопросы вежливо задавал мой отец всем горожанам, которые звонили нам домой на протяжении нескольких лет, возмущались, твердили, что он-то должен что-то знать, раз первый прибыл на место преступления, а его *бедняжке*-дочери удалось уйти оттуда живой.

Отец умел так повернуть разговор, что в итоге они с собеседником приходили к выводу, устраивающему обоих: Уайатт — самый хитрый раннинбек в истории города, а Фрэнк Брэнсон — тот еще сукин сын. С этим было не поспорить.

Бабушка дала отцу прозвище Строго-на-север, но я думаю, она ошибалась. Внутренний компас отца мог показать любое направление.

Спустя десять лет Уайатт по-прежнему на свободе, все такой же хитрый, и упорно молчит о том дне. Фрэнк Брэнсон по-прежнему оскверняет землю тем или иным способом.

Я натягиваю носок. Опускаю штанину. Говорят, мне повезло, что ногу пришлось отнять до колена, а не выше. Не знаю, успокаивал ли девочку кто-нибудь тем, что она потеряла один глаз, а не два.

Кем бы она ни была, меня кое-что настораживает. Не отсутствующий глаз, а здоровый, который изо всех сил старается не выдать никаких эмоций. С ней будет непросто. И она никак не облегчит мне задачу.

Уайатт снова потирает руку.

Резко встаю, поднимаю девочку на руки.

— Одетта?

— Мы уходим. Сиди в доме, пока не вернусь. Если выйдешь, у меня не останется выбора.

— Она ходит не хуже тебя, — говорит Уайатт. — Не ведись на ее вид.

Ему явно невыносимо смотреть, как я сама ее несу. Распахиваю дверь и кладу девочку на заднее сиденье. Уайатт стоит на крыльце; его долговязый силуэт кажется пятном на фоне всей этой белизны.

Отъезжаю на две мили и только тогда жму на тормоз и делаю глубокий вдох.

Я не стала заявлять о возможном похищении или пропаже человека. Не сообщила в больницу, чтобы девочку могли осмотрели врачи. Не изъяла никаких улик из дома и грузовика. Не обозначила возможное место преступления.

Понятия не имею, как все повернется, если я не заявлю о найденной девочке, но точно знаю,

что будет, если я это сделаю. Горожане наконец привяжут Уайатта к столбу, сложат костер и бросят зажженную спичку. Будут говорить, что этого и следовало ожидать, мол, надо же, *ровно в десятилетнюю годовщину*, и что даже если эта девушка — первая после Труманелл и Уайатт к ней не прикоснулся, его психическое состояние может еще ухудшиться. *Он же разговаривает с призраком!*

В конце концов Уайатта либо будут судить за убийство Труманелл, либо снова отправят в психиатрическую лечебницу. А он говорил, что тогда покончит с собой. Однажды он уже чуть было не полоснул себе рыбацким ножом по запястью, сидя на той же диванной подушке, в которую две минуты назад упиралась ногами Энджел. Потом сказал мне, что Труманелл убедила его подождать.

А Энджел, попав в лапы системы, навсегда останется одноглазой девочкой, которая спаслась от ужасного Уайатта Брэнсона.

Телевизионщики уедут, а люди из девочкиного прошлого будут знать, где ее искать. Сутенер, мать-наркоманка, приемная мать, использующая ребенка для вымогательства денег у государства, торговец людьми, переправляющий подростков

через границу, да тысяча прочих видов охотников за людьми, в существование которых невозможно поверить, пока не услышишь о них из уст всех этих девочек и мальчиков.

Беру телефон, лежащий на сиденье, и набираю номер.

Четыре гудка.

— У меня тут девочка, — говорю я. — Скоро приеду.

* * *

Беглянка молчит. Я тоже. Выключаю рацию, выставляю таймер телефона на десять минут и устраиваюсь поудобнее, давая девочке понять, что мы никуда не едем. Подстраиваю зеркало заднего вида так, чтобы хорошо видеть заднее сиденье.

Пять минут: она садится.

Шесть — подается вперед и проводит рукой по дверце без ручки. Семь минут — проделывает то же самое с другой стороной. Восемь — принимается не спеша потягивать воду из бутылки, стоявшей в держателе для стаканов, будто может сколь угодно долго сидеть в полицейской машине и смотреть из окна на корову, жующую траву.

Начинаю испытывать к ней уважение. У де-

вочки есть выдержка. Она проницательнее большинства подростков, которые оказываются на заднем сиденье моей машины.

Худенькая, такая же, какой была я, но не от недоедания. Отчетливые мускулы на ногах означают, что она, скорее всего, быстро бегает. Ей лет тринадцать, может чуть больше. Не думаю, что Уайатт ей что-то сделал. Ее до дрожи пугал не он, а невидимая Труманелл.

Спустя десять минут я говорю:

— Молчание — сила. Я понимаю, почему ты молчишь. Но мне понадобится небольшая помощь, прежде чем мы поедем дальше. Уайатт прикасался к тебе? Сделал тебе больно? Кивни, если да. Мне нужна правда. Я буду действовать на основании твоих слов. Не дам тебя в обиду. Обещаю.

Сзади ни малейшего движения.

Я сжимаю руль.

— О'кей, поняла. Вот как мы поступим. Можешь молчать следующие сорок восемь часов. За это время решишь, доверять мне или нет. Я буду обращаться с тобой как с любой испуганной беглянкой, которая попадает ко мне в машину. Накормлю, одену и *спрячу*. Ты не станешь пытаться обокрасть людей, которые будут помогать

тебе в эти сорок восемь часов. Отнесешься к ним с уважением. Не сбежишь. Взамен за это время ты заговоришь и расскажешь мне, кто ты и что случилось. А я решу, что делать дальше. У тебя будет право голоса, если решишь им воспользоваться. Но наш уговор потеряет силу, если окажется, что ты в базе пропавших детей и у тебя есть законные родители или другие родственники.

Плавно трогаюсь и еду на низкой скорости, твердо решив действовать по плану. И продолжаю говорить:

— В пяти милях отсюда — стоянка дальнобойщиков, куда раз в месяц приезжает мобильная лаборатория. Девочки приходят туда показать документы и сдать слюну на анализ. За это им дают четыре тамале[14] или чизбургер и банку «Доктора Пеппера», не задавая никаких вопросов. Все потому, что даже эти девочки понимают: лучше иметь образец ДНК в личном деле, чтобы их смогли идентифицировать в случае смерти. Все: копы, сотрудники лаборатории, сами девочки — понимают, что однажды им перестанет везти. То, что тебя нашел Уайатт Брэнсон, возможно, твоя

[14] Notes: 14

Тамале — мексиканское блюдо: тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными или банановыми листьями, и приготовленное на пару. Может содержать начинку.

самая большая удача в жизни. Но так считают не все, и у него могут быть неприятности. Если будут спрашивать, ты его никогда не видела. Это *я* нашла тебя на шоссе.

Никаких признаков, что меня услышали. Ни улыбки, ни кивка. Ни признаков облегчения и надежды, ни циничного ответа.

Следующий ход за девочкой. Большинство ее товарок уже бы заговорили: попросили бы рассказать про ножной протез с имитацией кожи и накрашенными ногтями, который они углядели в багажнике, когда я доставала плед, заехать в «Макдональдс» за чизбургером или в аптеку за тестом на беременность, одолжить пятьдесят баксов на ночлег в мотеле. Все это я делала.

Компания из трех мексиканских девчушек, которые однажды сидели на заднем сиденье, поедая ванильное мороженое в вафельных рожках, заявили, что имен у них нет. Они называли себя *Hadas de la Carretera* — «Дорожные феи». Эти девочки считали, что их жизнь будет более значимой и *важной*, если личности растворятся в мифах, образуя непрерывную цепь из тех, чьи останки никогда не найдут, и тех, кому еще только предстоит родиться и бродить по дорогам, подражая предшественницам.

Этому не будет конца. Так сказали «дорожные феи», перепачканные ванильным мороженым. Мой муж и эти храбрые девочки с циничным взглядом на жизнь прекрасно поняли бы друг друга.

Не знаю, сохранит ли девочка мой секрет про Уайатта. Я не вправе просить, чтобы она его защищала, но у меня нет выбора. Предпринимаю еще одну попытку объясниться:

— Сестра Уайатта… ушла из жизни… трагически. Он все еще пытается свыкнуться с потерей. С горем. Но я не считаю его сумасшедшим. Вот, скажем, я потеряла ногу, но я не инвалид. Ты лишилась глаза — и тоже не инвалид. Так и с Уайаттом. И со всеми, кто выжил в тяжелых обстоятельствах. Если принять случившееся, станет намного легче жить.

Ответа я и не ожидала. Я постоянно делюсь с девочками на заднем сиденье выжимками из жизненной философии, в которую по большей части верю сама.

Говорю им, что надо собраться с силами, быть уверенными, защищать себя. Не нянчусь с теми, кому лучше выживать самостоятельно, нежели в государственной системе, которая сломит их дух. Вне моей машины секундное замешательство

может стоить им жизни.

Я кружу по пыльным сельским дорогам, пока окончательно не убеждаюсь, что за нами никто не едет.

8

Девочка бредет впереди: голова опущена, босые ноги обгорели на солнце. Тоненький подол рваного сарафана развевается на ветру, не прикрывая колен. Вокруг дымка из пыли, стук молотков и рев механизмов — идет строительство нового жилого комплекса, кирпичный остов которого значительно подрос.

Прошу свою подопечную идти чуть быстрее, пока какой-нибудь рабочий в оранжевой каске не обернулся и не запомнил дом, копа и неряшливо одетую девочку-подростка, весь вид которой говорит о том, что она идет куда-то не по своей воле.

Я привозила сюда девочек и раньше, в основном ночью, когда на улице пусто, как в заброшенном павильоне для киносъемок. Предыдущие две спаслись от сутенеров, продающих подростков в сексуальное рабство. Их накачали наркотиками, завернули в ковры, переправили через американскую границу и продавали, как игрушки на полуфинале техасского ковбойского турнира, где

сам воздух пропитан тестостероном.

Этот приют не государственный и нигде не значится. Не какой-нибудь ангар, где беглянки находят временное пристанище, не лагерь с амбалами-охранниками и постоянным подвозом китайской еды.

Обычный одноэтажный дом на новой улице, местонахождение которой пока еще сбивает с толку гугл-карты.

Моя двоюродная сестра Магдалина, сокращенно Мэгги, открывает дверь после первого стука. Одной рукой она держит малышку, глаза которой сияют так же, как у мамы в тот день, когда я спасла ее от летучей мыши. Про Мэгги всегда говорили, что ей сопутствует Божье благословение и удача, что над ней кружат ангелы, а не летучие мыши, что так и должно быть, раз тебя назвали в честь святой.

На самом деле плохое случалось и с моей двоюродной сестрой.

Спустя два дня после того, как Мэгги исполнилось двенадцать, ее мать наглоталась таблеток и чуть не умерла. Когда я лишилась ноги, Мэгги переживала так, будто сама потеряла конечность. Ее старшая дочурка Лола родилась глубоко недоношенной с десятипроцентным шансом

на выживание. Нет, моя двоюродная сестра не заговорена от бед. Так просто кажется из-за ее доброты и жизнестойкости.

Мэгги пропускает нас в дом, запирает дверь на замок и на цепочку и включает охранную сигнализацию. Подобные действия днем — знак того, что дом отличается от остальных.

Мэгги оценивающе оглядывает девочку рядом со мной, а та — свою новую территорию. Тонировочная пленка на окнах, которая не дает увидеть, что происходит внутри. Пластмассовые малышовые игрушки и грудничковые прибамбасы, кучка маленькой, почти кукольной одежды на стирку, пирамида из пачек подгузников. Голая малышка, с визгом наматывающая круги в заднем дворике и машущая руками, как птичка — крылышками. Включенный телевизор, на экране которого мультяшная акула преследует мультяшную рыбку.

Чуть дальше, на кухонном столе, ноутбук, испускающий голубое свечение. Стопки папок, фотографий, тетрадей и книг — Мэгги настолько глубоко погрузилась в тему незаконного пересечения границы детьми, что теперь учится в юридической онлайн-школе.

Взгляд останавливается на огромных крыльях ангела, вырезанных из дерева, над диваном.

Мэгги, сторонница минимализма, повесила их только потому, что это был щедрый подарок свекрови на свадьбу. Они и дали кодовое название этому неофициальному приюту, номер телефона которого передают друг другу шепотом: *Cielo* или Небеса, в зависимости от того, по какую сторону границы ты родился.

В Мэгги все гармонично. Невысокая, с короткой стрижкой и не кротким нравом, который обычно проявляется, только когда нужно кого-то защитить. Она моя сестра, соратница и лучшая подруга. Мы выручали друга множество раз во всевозможных ситуациях: мы шутя спорим, у кого комплекс спасателя больше (у нее), кто кому задолжал помощь (я) и наследственная ли у нас черта — спасать других (да).

Наши отцы были столь слаженным тандемом, что в городе их называли не разлей вода. Мой проработал в полиции тридцать девять лет, пока в один из дней, сидя за рабочим столом, не уронил голову на руки, после чего уже больше не поднялся. Отец же Мэгги по-прежнему окунает в воду грешников, будучи пастором старейшей баптистской церкви города. Он настороженно относится к тому, что его внучки видят верениц заблудших душ, хотя Мэгги выросла в точно

таком же доме.

— Прошу прощения за беспорядок, — извиняется Мэгги. — У меня в работе три дела, и еще к экзамену готовлюсь. Род вырубился после дежурства в неотложке. — Она поворачивается к девочке. — Привет, милая. Добро пожаловать. Пусть тебя все это не смущает. Я добропорядочная студентка юридической школы и не всегда пахну детской отрыжкой. Я тебе помогу. А мой муж хорошо готовит. Если он когда-нибудь вообще проснется, то приготовит нам ужин… Вот дерьмо! — Мэгги вздрагивает от визга на заднем дворике и бормочет: — В буквальном смысле. У Лолы новый бзик. Снимает с себя все и какает в траве. Это все равно что не давать пьяному эльфу самоубиться.

— А новая няня где? — спрашиваю я.

— День рождения отмечает. Да и ее обязанности не включают беготню по двору с совком для какашек и заботу об этой вот милашке, которая вдруг решила, что дневной сон ей не нужен. Род каждую ночь спит на самом краю кровати, свесив руку в колыбельку, потому что Беатрис обязательно надо держаться за кого-нибудь, иначе она глаз не сомкнет. Хотя бы за палец, можно даже на ноге, и попробуй только его убрать. На днях Род

на полном серьезе спросил, не знаю ли я, где можно достать ручной протез, но только теплый, как настоящая рука. — Мэгги протягивает Беатрис не мне, а девочке. — Подержишь чуть-чуть? — Это намеренный жест, поскольку Мэгги убеждена, что малыши творят чудеса.

Мы обе знаем, что хуже всего: ставить испуганную девочку в центр внимания. *Надо продемонстрировать доверие. И не засыпать ее с ходу вопросами.*

И все равно меня удивляет, как умело и естественно девочка пристраивает Беатрис к себе на бедро, будто та — недостающая частичка пазла.

— Лола! Иди сюда, сейчас же! — Мэгги раздвигает стеклянную дверь веранды.

— У тебя хорошо получается, — говорю я девочке, которая мягко покачивает довольную Беатрис. — Как мне представить тебя моей двоюродной сестре? Надо же как-то тебя называть, кроме как «девочка».

Чуть поколебавшись, она показывает пальцем на китчевые крылья над диваном.

— А, хорошо. Будем звать тебя Энджел, — говорю я. *И ты не разговариваешь.*

Из коридора показывается Род в мятой медицинской форме и проводит рукой по шевелюре,

уже седеющей в тридцать с небольшим.

Наверное, его разбудило то, что происходит на заднем дворе. Радостный визг. Крики Мэгги. Вынужденная игра в догонялки. Теперь с применением садового шланга.

— Все время говорю Мэгги, чтобы не реагировала, не обращала внимания на поведение Лолы, — говорит Род, — но она уверена, что какашки во дворе и привычка ругаться, как пьяный матрос в обличье светловолосой малышки, — это не просто период такой и, если не пресечь это сейчас, Лола скоро сядет в техасскую детскую тюрьму. — Он улыбается Энджел. — Одетта, познакомь нас.

— Род, это Энджел. Энджел, это Род.

— Привет, Энджел. Добро пожаловать в наш цирк. Надолго к нам?

— На ночь, может, на две, — отвечаю я. — Говорить не хочет. Пока.

— Молчание — золото. Слышала, Беатрис? Молчание — *золото*. Пойдешь к папочке? — Он берет дочь на руки. — Энджел, располагайся в спальне прямо по коридору, третья дверь налево. Белье только что сменили. Беруши в ящике тумбочки, советую ночью ими воспользоваться. Там отдельная ванная. Можешь принять душ перед

ужином и взять любую одежду в шкафу. Потом я взгляну на твой глаз. Просто немножко осмотрю, хорошо?

Это первое упоминание глаза Энджел, но оно звучит так буднично, будто сюда каждый день приходят одноглазые девочки.

— Ты проснулся. Слава богу!

В дом возвращается слегка запыхавшаяся Мэгги. На руках у нее Лола, похожая в пляжном полотенце на розовое бурито. Лола разглядывает лицо Энджел, ковыряя в носу и обсасывая большой палец.

— У тебя глаз зеленый, — говорит она Энджел, убирая палец изо рта. — Как арти-чок. И брокли. Шпи-на. Тур-неп. Ок-ра.

— Шпинат. Турнепс, — поправляет ее Род. — Няня-вегетарианка пытается заставить Лолу есть меньше оранжевых фруктов и овощей и больше зеленых, но она их почти всегда выплевывает.

— От капусты животик болит, — утверждает Лола. — У нее вкус говен…

— Ладно, Лола, — перебивает ее отец. — Пойдем поможешь. Будешь главной по макаронам с сыром.

— Всегда после смены в неотложке всеми командует, — поясняет Мэгги Энджел, как только

Род выходит из комнаты. — Но я напоминаю себе, что, если он не будет командовать там, люди умрут, а переключиться дома трудно.

Спустя несколько минут мы с Мэгги сидим у нее на кровати. Из комнаты Энджел доносится тихий шум душа. Мэгги, как обычно, внимательно слушает мой рассказ и круглым почерком делает заметки в блокноте. Имя «Энджел» на верху страницы подчеркнуто трижды.

Только листки для заметок превосходят по количеству число подгузников в этом доме.

В комнате Энджел включается фен. Мэгги кладет листок на тумбочку и закрывает ручку колпачком.

— С радостью помогу, чем смогу. Попрошу Рода тщательно ее осмотреть, ну, насколько она позволит. Согласна, что глаз — важнее всего. Интересно, в каком возрасте она его лишилась. Наверное, это было крайне травматично. Тебе тяжело говорить о… таком? Будоражит воспоминания?

— Все нормально, Мэг.

Она кладет руку мне на плечо:

— Пожалуйста, *перестань* выгораживать Уайатта. Ты же видела фильм. В городе до сих пор все только его и обсуждают. Вспомни девушку,

которая заявила, что он фактически изнасиловал ее в грязном туалете. Местную девочку и ее пугающее сходство с Труманелл. Откуда ты знаешь, что́ Уайатт сделал бы с Энджел, если бы ты не подоспела?

Нет смысла оспаривать факты, которые остались у всех в памяти после просмотра документального фильма. Размалеванные «модели» годами преследовали Уайатта. А девушка сказала то, что велела мать, которая к тому же заставила ее похудеть на семь килограммов, чтобы та предстала на общенациональном телевидении в образе дрожащей жертвы.

Мэгги нервно открывает и закрывает колпачком авторучку.

— Слушай, мы обсуждали это раньше. Нет смысла его защищать. Ты одержима делом Труманелл с тех пор, как вернулась. Но прошло пять лет, а ты так и не приблизилась к разгадке. Может, и ладно. Чем дольше я живу, чем больше залипаю в «Нетфликсе» и читаю нашумевших романов, тем больше склоняюсь к мысли, что значение концовки преувеличено. Знать начало и середину вполне достаточно. Ответы ничего не изменят. Не наладят твои отношения с отцом. Что до Уайатта… признай хотя бы, что он причиняет боль

тебе и Финну.

— Финн уехал. Пять дней назад.

Мэгги обнимает меня за плечи:

— Ох, милая.

Я не могу сказать ей про секс с Уайаттом. Не выдержу разочарования в ее глазах, уже уставших и опухших после ночных кормлений. Она захочет узнать, зачем я это сделала. Мне и самой до сих пор неясно. Я откашливаюсь.

— Расскажу позже. Я правда очень ценю твою помощь с Энджел. Она тут ненадолго. Просто не хочу оставлять ее одну у себя или в участке, пока я занимаюсь ее делом. Каждый раз, когда привожу сюда девочку, переживаю, что это выльется во что-то нехорошее. Но перестать, кажется, не могу.

— Эта девочка должна быть здесь. Как и другие. А жизнь — это *риск*. Мои близкие могут выйти завтра на улицу, и на них упадет строительный кран. Предпочитаю верить, что зло сюда не явится. И пока что за все благодарна. Верь, Одетта. — Мэгги шутя пихает меня в руку. — Имя Божье не хули. — Она тычет пальцем мне в руку. — Ну же, это был наш лучший плакат. — Она снова тычет пальцем мне в руку. (Краткое пояснение: у нас с Мэгги в детстве была обязанность

писать какие-нибудь поучительные изречения на доске объявлений у входа в церковь ее отца.)

— Не-а. Лучший плакат был: «А ты усердный член?» — возражаю я.

— Мы же не знали, что его неправильно поймут.

— Угу, конечно. Особенно после того, как какой-то хрен нарисовал на нем хрен.

— Тогда на воскресной службе был аншлаг. Ох и рассердился же отец. До сих пор чешусь, как вспомню, что за наказание он нам придумал. Выполоть сад у всех старушек-прихожанок.

— Нас искусали все комары и мошки в городе. «Каждый укус — это укус дьявола».

— «И знак того, что кровь грешников сладка», — заканчивает Мэгги. — У отца всегда наготове какое-нибудь нравоучение. По-прежнему знает кучу способов, как вселить в ребенка страх перед Богом. Лоле сказал, что Бог ведет счет ее ругательствам и потом передаст список Санта-Клаусу.

— А мне по-прежнему после каждого укуса мошки думается, что я попаду в ад.

— Давно видела моего отца? Он всегда интересуется, как там его любимая племянница.

— Вообще-то, он заезжал ко мне на прошлой неделе после того, как навестил твою маму в Сан-

ни-Хилс. Спросил, как работа. Сказал, что только копам и священникам известны все тайны города и что он беспокоится за меня. Наверное, ты ему что-то сказала.

Сзади слышится шорох. Мы обе оборачиваемся к двери. Вечер воспоминаний окончен. В проеме стоит Энджел: волосы гладкие, блестящие и немного темнее, чем казалось. На глазу повязан голубой шелковый шарфик. Топик лавандового цвета не скрывает загорелых плеч. Джинсы сидят мешковато, и она подвернула их снизу. На ногах черные «найки», как две угольные глыбы, которые придают ей устойчивость. У Мэгги куча таких кроссовок всевозможных размеров.

Застывшая в двери Энджел — смущенный и милый ребенок. Загадочный. Испуганный. Будто тот, кто за ней гонится, где-то рядом. Сдерживаю порыв ее обнять. Обойти дом с пистолетом.

— Давайте ужинать, — говорю я.

Спустя час ухожу, перешагнув через спящих девочек на полу гостиной. Малышка спит на спине, раскинув руки. Энджел, свернувшаяся калачиком на полу возле диванной подушки, держит ее за пятку. Голова Лолы лежит на коленях у Энджел. Мультяшная рыбка все так же удирает от акулы.

— Не чувствуй себя ответственной за Труманелл

с Уайаттом, за меня и даже за эту девочку, — полушепотом говорит Мэгги. — Этот город должен был спасти Труманелл. Наши отцы должны были ее спасти. Ведь все знали, что в доме творится что-то неладное. Даже я, хотя была маленькой. Ты тоже была еще ребенком. Дело в людях, которым стало скучно жить и захотелось кому-то что-то доказать, и в бывшем бойфренде, про которого всегда, всю жизнь думалось: «В тихом омуте черти водятся». Ты ничего не должна ни ему, ни этому городу. — Помолчав, Мэгги добавляет: — Я боюсь за тебя. Пожалуйста, будь осторожна.

— Разве я только что не прослушала пламенную речь о необходимости рисковать?

Я заключаю Мэгги в крепкие объятия. Не хочу, чтобы она видела мое лицо, потому что никто больше не умеет так точно читать мысли по его выражению. А думаю я о том, что есть большая разница между просчитанным риском, о котором говорит Мэгги, и дерганьем черта за хвост. Пять лет поисков и топтания на месте, и все ради чего?

Энджел вскидывает голову.

Интересно, много ли она слышала из нашего разговора, если вообще спала.

За ужином ее взгляд был непроницаемым.

Теперь же в глазу, как в глубоком зеленом озере, плещутся страх и мольба. Она и не представляет, как сильно она растревожила мои чувства к Уайатту. И воодушевила на дальнейшие поиски Труманелл.

— Я вернусь, — шепчу я ей. — Обещаю.

9

Уайатт отсасывает кровь из ранки на большом пальце.

— Порез закровил, — ворчит он.

Стою, уставившись на ровное поле, и думаю, не этим ли пальцем он оставил синяк на шее девушки из теледокументалки. По дороге я спросила его об этом напрямую. Он ответил, что не ожидал услышать от меня подобную хрень.

Уайатт не солгал про Энджел и одуванчики. Вот они, увядшие цветы, выложенные аккуратным овалом и напоминающие крошечных куколок с пушистыми шевелюрами. Меня пробирает дрожь, что странно для открытого пространства в июле, пусть даже солнце наполовину село. Контур «магического круга» нарушен отпечатком подошвы. Прикидываю на глаз, не от ботинка ли Уайатта.

Пастбище, небо, проволока. Пастбище, небо,

проволока. Напишите эти три слова сто тысяч раз, и станет ясно, что чувствуешь на этом отрезке техасской автомагистрали, который фермеры-старожилы называют Плоское Брюхо, а дальнобойщики — Сонное шоссе, потому что он вгоняет их в транс.

Тем не менее Уайатт довольно быстро скомандовал остановиться.

Сказал, мне повезло, что Труманелл пометила нужное место. Выскочил из грузовика и достал из колючей проволоки клочок бумаги. Без объяснений сунул его в карман, а потом раздвинул особо острую проволоку с двойным витком. Он сто раз проделывал это для меня, но сейчас я впервые задумалась: вернусь ли?

Ранка больше не кровит, и теперь он потирает руку. Нервничает. Оглядываюсь на дорогу — ревущее, неистовое море большегрузов. До него не меньше полусотни ярдов. Чудо, что Уайатт вообще заметил Энджел. Не странное ли везение?

Энджел не раздвинула бы проволоку сама и не подлезла бы под нее, не изранившись. Нужны годы практики. И что-нибудь поплотнее тоненького сарафана. Значит, пришла с другого конца поля. Или ее принесли.

Взгляд останавливается на одинокой рощице

в западной части поля. Возможно, на нас смотрят деревья. И телеграфные столбы. В наши дни техасские фермеры следят за пастбищами с помощью дронов и камер ночного видения, подобно охране стоянок у торговых центров.

Владельцы ранчо знают, что весь этот зной, небо и пустынные пространства сводят с ума даже самых стойких, — все живое под этим солнцем ищет место, где можно оторваться. Койоты, охотящиеся на жеребят, фрики с пулеметами, молодежь, жаждущая выпить, потрахаться и поиграть в «завали корову»[15].

На одной из камер может быть Энджел.

— Брось мне ключи. — Уайатт нетерпеливо протягивает руку. — Пойду в машину. Я сделал, как ты просила. Привез тебя сюда. Что так смотришь? Думаешь, смоюсь?

Неохотно кидаю ключи. Не знаю, что хуже — осматривать местность в одиночку или с Уайаттом, стоящим над душой.

— Возможно, ждать придется долго, — говорю я.

---

[15] Notes: 15

В Америке существует городская легенда, что деревенские за отсутствием других развлечений якобы проводят время в такой забаве: подкрадываются к спящей стоя корове и сильно толкают ее, чтобы упала.

— Десять лет это делаю. С чего бы перестать?

Провожаю взглядом его огромную фигуру, пока она наконец не оказывается по другую сторону ограды.

Затем достаю телефон и принимаюсь фотографировать.

На экране круг из одуванчиков кажется очертаниями небольшой могилы. Муравьи спускаются в черные земляные трещины, будто шахтеры в забой. Внимательно рассматриваю отпечаток подошвы. Затем отступаю и делаю панорамный снимок заграждения и поля.

Обыскиваю квадрат за квадратом и постепенно захожу в густую траву, столь высокую, что оживает одна из детских фобий: потеряться в траве, как в море, только здесь вместо воды безжалостное солнце.

Насекомые неистово трут лапками о крылья, издавая пронзительный стрекот. У меня на ноге начинает трещать цикада; я содрогаюсь, как тогда, когда мальчишка впервые засунул мне такую за шиворот. Смахиваю цикаду и раздвигаю траву до корней, выискивая то, что одновременно хочу и боюсь обнаружить.

Рюкзак, туфля, телефон, искусственный глаз Энджел с серийным номером, отпечаток пальца,

по которому можно установить, откуда она. Невидящие глаза в разлагающейся человеческой плоти, мутные, как небо, что смотрит на них сверху. Любой признак того, что Уайатт наткнулся на место убийства. Или сделал его таковым.

Выбираюсь из травы. Нужно не меньше сотни копов, чтобы как следует все обыскать в удушливом зное под тлеющим небом. Оглядываюсь на пикап, жалея, что выбрала для тонировки стекол слишком темный цвет. Наружу прорывается грохот хард-рока. Уайатт всегда любил врубить кондиционер и музыку на полную мощность.

Мне не по себе оттого, что он все это время ни в чем не идет мне навстречу. Нарушил мое распоряжение оставаться в доме. Его пикапа не было на месте. Я подумала, что Уайатт скрылся. Спустя полчаса я нашла его на западном пастбище, где он ремонтировал столбик ограды, и еще пятнадцать минут уговаривала сесть в машину. Он явно был не рад, что я вообще стою на его земле. И сейчас всем видом показывает, что и здесь он тоже находиться не хочет.

Небо вот-вот оставит меня без света. Раздумываю, не лучше ли вернуться в машину. Потом иду к деревьям, огибая одуванчики. Уайатт играл с Труманелл в игры с полевыми цветами. Неужели

разыграл одну перед девочкой?

С одуванчиками у него проблема. Точнее, у меня, если быть объективным копом. Уайатт никогда не объяснял, почему испытывает к ним такое отвращение. Сейчас этот факт говорит скорее в его пользу. Преодолел отвращение, чтобы спасти девочку.

За дубами какое-то движение. Ворона терзает что-то на земле. Всегда побаивалась ворон, еще с тех пор, как отец сказал, что они запоминают лица.

Отсюда не слышно музыку Уайатта, но культя пульсирует будто в такт с ней.

Живот сводит от мысли, что за дубами может быть еще девочка, которой повезло меньше. Достаю пистолет. Ускоряю шаг.

Немного не дойдя до деревьев, выдаю ужин на землю.

За дубами не человеческие останки.

Две вороны. Одна дохлая. Другая с ней совокупляется.

Я слышала, что вороны спариваются с мертвыми сородичами. Вечные извращенцы, как и люди. Древние египтяне оставляли самых красивых и высокородных покойниц разлагаться на солнце перед захоронением, чтобы никто над ними не

надругался.

Объяснения этому нет.

Целюсь в машущие крылья. Выстрел. От грохота насекомые замолкают. Когда они опомнятся, их будет ждать кровавый пир.

Осторожно пробираюсь обратно. В середине одуванчикового круга неуклюже опускаюсь на колени и делаю то, чего не делала десять лет, с тех самых пор, как Бог не до конца внял мольбе шестнадцатилетней девочки о помощи на ночной дороге.

Молюсь.

О том, чтобы Труманелл не оставили гнить в поле, как древнеегипетскую царицу.

И о том, чтобы первой выйти на преследователя Энджел, если он есть.

Солнце аккуратно улеглось в свою нору. Очертания машины еле видны в темноте. Колючая проволока будто исчезла. Запыхавшись, останавливаюсь прямо возле крошечных шипов.

Дьявольское вервие. Так дядя в своих проповедях называл колючую проволоку — коварное зло, почти невидимое, пока на него не наткнешься. Освенцим, Дахау, Бухенвальд — самые красноречивые свидетельства людской склонности к пороку.

Легко преодолеваю проволочную преграду. Она и близко не сравнится с теми, на которых я испытывала искусственную ногу. Никто не ожидает от меня проворства — преимущества для копа. В девяти случаях из десяти преступники целятся в протез. Но чтобы на самом деле меня ранить, надо целиться в здоровую ногу. Без нее — игра окончена.

Уайатта не видно в окне. Шоссе, по которому еще час назад все отчаянно куда-то спешили, уже засыпает.

— Ты кого убила? — доносится из темноты.

Хватаюсь за пистолет. Уайатт вышел из машины. Стоит рядом со мной. Лица в темноте не видно. Но я едва ли не чувствую вкус его мятной жвачки.

— Боже мой, Уайатт, — говорю я дрожащим голосом. — Предупреждать надо. Птицу я убила. Очень злую.

— Как скажешь, — отзывается Уайатт. — Ты коп. Копы решают всё. Поехали. Труманелл будет волноваться. Я не предупредил, что уеду так надолго.

Лучше бы не говорил ничего, кроме «Поехали». Имя Труманелл упало в пустоту, как бездумно зажженная спичка.

— Ты издеваешься? — говорю я тихо, еле сдерживаясь, чтобы не заорать.

— То есть? Это *ты* издеваешься!

– *Прикалываешься надо мной?* Насчет этого места, одуванчиков, Труманелл? Ты что, серьезно веришь, что она присутствует наяву? Собирает цветы, моет посуду, ходит с распущенными волосами, поет Адель, вольная как птица, цитирует чертова Шекспира и мистера Роджерса[16], чтобы ты не покончил с собой и не ушел к ней?

— Не назвал бы я ее вольной птицей, — помолчав, говорит Уайатт.

В темноте вскрикивает пересмешник. Перепутал день с ночью. Или предупреждает остальных птиц, что рядом убийца.

Уайатт подходит ближе. Пространство будто схлопывается по сторонам. Остается лишь расстояние между нами. Меня поражает его лицо, как и всегда.

Я вижу тень Труманелл. Тот самый взгляд, который делает тебя королевой городка независимо от твоего происхождения.

---

[16] Notes: 16

Адель (Адель Лори Блу Эдкинс, р. 1988) — британская певица и автор песен. *Фред Макфили Роджерс* (1928–2003) — американский телеведущий, кукольник, сценарист и пресвитерианский проповедник. Ведущий детской телепрограммы «По соседству с мистером Роджерсом» (1968–2001).

— Спроси то, что всегда хотела, — говорит Уайатт. — Я убил Тру или нет.

И тут он исчезает в ослепительном белом свете.

10

Невесть откуда взявшаяся фура рвет разметку и проносится слишком близко; волной воздуха меня отшвыривает, словно бумажную куклу. Уайатт подхватывает меня на краю обочины. И я уже не впервые осознаю, что мне страшно и в его объятиях, и без них.

Когда знаешь парня с детства — это связь на каком-то глубинном уровне. В голове мелькают картинки из прошлого, будто они — последнее, что я вижу в жизни. Серьезное личико Уайатта на фотографии нашей детсадовской группы. Записка, которую Уайатт-подросток вручил мне на похоронах моей матери. А вот он распевает «Лондонских оборотней»[17] за рулем грузовика и «О,

[17] Notes: 17

«Werewolves of London» — песня американского автора-исполнителя Уоррена Зивона (1947–2003) с его альбома «Excitable Boy» (1978).

благодать!»[18] в церкви, одинаково не попадая в ноты. Прыжок и победный пас на футбольном поле. Мы вдвоем в озере: мои ногти сияют бирюзовым лаком на его мокрой коже.

Фура давно умчалась, не ведая о том, что чуть не подтолкнула меня к окончательному поражению. Я все так же стою, зарывшись лицом в плечо Уайатта. Его рука гладит меня по спине, опускается на бедро. Старое, хорошо знакомое чувство, что мы одни в целом мире. Вина, желание, адреналин сливаются в гремучую смесь. Из-под кожи будто рвутся сотни пчел.

Уайатт отстраняется первым. Велит *сесть в машину* и *вдохнуть поглубже*. Говорит, что сам поведет. Резко выворачивает на шоссе, а я не понимаю, когда успела стать человеком, который допустил мысль: раз мы целовались детьми, то это не будет считаться изменой, что все уже предрешено где-то во времени и пространстве. Почему позволила вспышке страха вернуть нас к прежнему распределению ролей, в котором всем рулит Уайатт?

Он гонит вперед, обхватив руль сверху од-

---

[18] Notes: 18

«Amazing Grace» — христианский гимн, написанный английским поэтом, священнослужителем, работорговцем, а впоследствии — аболиционистом Джоном Ньютоном (1725–1807) и изданный в 1779 г.

ной рукой и врубив попсовую песню, которую терпеть не может. Это означает, что обсуждать случившееся мы не будем. Уайатт всегда был немногословен, разговорчивость в нем просыпается, лишь когда он что-то замышляет. Как-то раз сказал, что «лишние слова скрывают ложь».

Я опускаю стекло и погружаюсь в созерцание бегущей дороги, которая однажды чуть не поглотила меня целиком.

Мне снова шестнадцать. Ноги здоровые. Трава щекочет колени.

Набираю в рот побольше воздуха и дую что есть силы. Сотни пушинок-вертолетиков взмывают в воздух, готовые расплодиться повсюду, как кролики. Уайатт не смотрит на меня, а, как всегда, настороженно оглядывает окрестности.

Осталась одна неподдающаяся пушинка, как последний несговорчивый присяжный в суде. Хочу, чтобы Уайатт любил меня всегда. Дую снова, хотя уже проиграла.

Пушинка дрожит. Но не отрывается. Ответ ясен. Желание не исполнится.

Тут Уайатт оборачивается, видит пушинку и сердито выхватывает у меня стебель.

Так и не знаю почему.

Снова принимаюсь смотреть в окно — не хочу

ничего вспоминать.

В свете фар окна в доме Брэнсонов кажутся непроницаемо-черными прогалами глаз. Уайатт глушит мотор, выскальзывает из машины и закрывает дверцу. Пытаюсь в полутьме разглядеть, куда он идет. Свет в доме не загорается.

Вздрагиваю от резкого стука в окно. Уайатт. Он держит что-то в руке и жестикулирует.

Хочет, чтобы я опустила стекло. Опускаю наполовину.

Уайатт просовывает мне бумажный пакет:

— Энджел оставила. Давай попрощаемся, Одетта. Окончательно.

— Что за хрень у тебя с одуванчиками? — вырывается у меня.

— Прощай, Одетта. — Уайатт растворяется в темноте.

В ярости распахиваю дверцу. *Не ему* решать.

— Ты убил Труманелл? — ору я. — И отца? *Что ты собирался сделать с Энджел?*

Ответа я не ожидаю. Перебираюсь на водительское место и захлопываю дверцу. Звук отдается в животе, как когда мы хлопали дверьми, ссорясь по гораздо менее значительным поводам, чем убийство.

Сжимаю руль. Мотор не завожу. Жду, когда в

доме загорится свет, потому что так поступают воспитанные жители маленьких городков, подвозя кого-нибудь домой.

Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Все та же чернота.

С ним все нормально?

А со мной?

Беру пакет с пассажирского сиденья. Достаю оттуда шарф. Дешевые пайетки поблескивают, словно раскаленные угольки.

Золотые блестки. Каждая четвертая отвалилась. Вспоминаю Энджел с голубым шарфом, стоящую в дверях у Мэгги. Я знаю, почему она его повязала, и от этого больно.

Этот шарфик — как те мини-юбки, которые я так никогда и не надела. Нащупываю этикетку на обратной стороне из черного полиэстера. Стерлась до нечитаемости. А что я ожидала найти? Имя, написанное маркером? Адрес?

Окна дома наконец-то вспыхивают желтым, одно за другим. Минута, две — и оба этажа залиты светом, будто некое происшествие перебудило всех обитателей. Каждый коп знает: слишком много света — тоже тревожный знак.

Уайатт обошел все комнаты? Повключал везде свет? Звал Труманелл? Думаю о том, что замкну-

тый мальчишка, делавший вид, будто не живет в постоянном ужасе, стал столь же загадочным мужчиной, который лишился всего, включая меня, возможно и разума, а ведь ничего из этого не должно было случиться.

Щеки пылают; душа полна решимости.

Я больше не пассажир в его жизни.

Я — водитель в своей.

Что бы там ни думал Уайатт, наша история не закончена.

11

Мои пальцы на мгновение задерживаются на лице Труманелл.

У местных копов есть негласный ритуал — заходя в участок, слегка провести рукой по ее портрету, будто пропавшая любимица города приносит удачу.

Как моя бабушка прозвала Труманелл? *Костяной Фарфор.* Нос, скулы, шея, плечи словно высечены изящным резцом. Поэтому Труманелл выглядела столь поразительно с высоким пучком, в то время как для нас, остальных, что симпатичных, что нет, забрать волосы наверх означало подчеркнуть недостатки. Кривоватый нос, сглаженный подбородок, уши как у клоуна,

назревающий прыщ, юношескую тоску.

Костяной Фарфор. Иногда мне снится, что кости Труманелл свалены в ящик, словно битые миски и блюдца, и зарыты так глубоко, что мы их никогда не найдем. В больнице, после укола морфина, я видела во сне, что отец выкопал ее «фарфоровый» череп: мы пили из него кофе на кухне и земля хрустела на зубах, как горький кофейный жмых.

Портрет Труманелл на стене — увеличенный снимок из протокола о ее задержании. Нестандартный вариант для объявления о пропавшем человеке. Но мне нравится. Фотография красивая и нетривиальная: легкая торжествующая улыбка, распущенные волосы, корона школьной королевы красоты сдвинута набок. Обычно в полиции Техаса задержанных фотографируют без короны, будь она хоть бриллиантовая, хоть с надписью «МАГА»[19]. Но это же Труманелл, для нее сделали исключение.

По городской традиции, которой более шестидесяти лет, школьная королева красоты гуляет на

---

[19] Notes: 19

MAGA (Make America Great Again — «Вернем Америке былое величие!») — предвыборный лозунг и политическое движение, ставшее популярным во время первой предвыборной кампании Дональда Трампа.

вечеринках, машет рукой «подданным» с заднего сиденья пикапа и правит в своей короне со стразами до рассвета. В ней Труманелл и была, когда, согласно полицейскому отчету, отдававшему должное ее усилиям, около трех ночи чуть ли не до полусмерти избила юнца. В одиночку помешала футбольному лайнбекеру из выпускного класса изнасиловать худенькую девятиклассницу на послематчевой вечеринке у озера.

Это одна из тех историй, которые в городке любят пересказывать приезжим, наряду с легендой обо мне, трехлетней Бэттерл. Такую же сенсацию раздули бы и из новости про одноглазую девочку на обочине, если бы я это допустила.

Труманелл дали три недели общественных работ, да и то потому, что побила парня основательно. Тому уже исполнилось восемнадцать, так что его судили как взрослого и отправили в Хантсвилл[20] по соглашению о признании вины после того, как еще три жертвы рассказали о нападении своим отцам. В нашем городке девочки — любимицы отцов, так что сыновьям иногда приходится очень туго.

На стекле, за которым Труманелл улыбается с

---

[20] Notes: 20
Известная тюрьма в городе Хантсвилл, штат Техас.

фотографии, тысячи следов ДНК: в участке считается, что протирать его — не к добру. Ни один же из образцов, отправленных в лабораторию по ее делу, не дал результатов.

— Эй, Труманелл, — тихо говорю я. — Мы знаем, ты боролась.

В участке непривычно тихо. Дежурная по прозвищу Мамаша Разрешите, почти не глядя на меня, бурчит: «Привет!» У шефа темно и дверь закрыта. Дешевые настенные часы с крупными цифрами показывают 10:07. Все либо в патруле, либо дома с семьей. Даже Расти, в паре с которым я обычно работаю.

Иду в дальний угол, к своему рабочему месту. Только над одним из восьми столов висит портрет отца. Загорелое лицо. Белая бейсболка с эмблемой Стетсонского университета[21]. На груди — медаль «За доблесть»[22]. В мой первый день на работе папины коллеги встретили меня в этом кабинете с дешевым тортом из «Уолмарта» и глянцевыми воздушными шариками с изобра-

---

[21] Notes: 21

Stetson University — частный университет в штате Флорида.

[22] Notes: 22

Высшая государственная награда, вручаемая сотрудникам правоохранительных органов США за проявление исключительного мужества в ситуации, связанной с риском для жизни.

жением Бэтмена, привязанными розовой лентой к ножке папиного стола. Шариков с Бэтгерл в продаже не оказалось.

Портрет повесили исключительно для меня. Сказали, что ничего на столе не трогали, прямо как на месте преступления. Не сдвинули ни листочка. Я, разумеется, не поверила ни на секунду.

Отец не испытывал желания быть боссом и формально им не был, но все знали, что именно за ним остается последнее слово, особенно в деле Брэнсона. Он решал, что́ сообщить общественности, ФБР и прессе, а что унести с собой в могилу.

Бросаю пакет с шарфиком Энджел на наш с папой стол, рядом с прозрачной запечатанной упаковкой с бутылкой, из которой она пила у меня в машине.

И сажусь за работу под присмотром отца.

Вбиваю в поиск всевозможные комбинации, но база данных упорно выдает, что за последние пятнадцать лет в Штатах не пропадала одноглазая девочка.

Неправда, потому что одна такая сейчас спит в доме моей кузины. Результаты, конечно, точны ровно настолько, насколько постарались копы с одной стороны и жаждущие кого-то найти

— с другой. Коллегам я по большей части верю. Остальным — нет. Интуиция подсказывает, что те, от кого сбежала Энджел, предпочли бы найти ее первыми или не найти вовсе.

Убираю из поиска «один глаз отсутствует», оставив только краткое описание внешности: белая, рост 160, черные волосы, вес от 40 до 50 кг, а возраст и год пропажи не заполняю. Программа выдает десять тысяч девочек. Сужаю район поисков до Техаса и получаю тысячу. Указываю только последний год. Восемьдесят две. Ни одна не похожа на Энджел. Охват далеко не полный, но я продолжаю.

Владелец участка, где обнаружена Энджел, находится легко, но ничего не проясняет. Корпорация из Саудовской Аравии. Ничего подозрительного. Права на добычу воды и нефти в Техасе достаются тому, кто больше даст на аукционе. Однако будет почти невозможно получить съемку с камер наблюдения, если они в том поле вообще есть.

Гуглю «искусственный глаз», «врач по стеклянным глазам». Наконец мои дилетантские попытки вознаграждаются новостной статьей под заголовком «Глазной Гудини» про офтальмолога-протезиста из Далласа. Так называется

тот, кто создает глазные протезы посложнее, чем стеклянная имитация.

Чувствую острую необходимость помочь этой молчащей, загадочной девочке, а также узнать, почему она оказалась в поле. Оставляю голосовое сообщение своей протезистке, чей номер у меня в быстром наборе уже десять лет, на случай если разболтается винтик в голове или ноге. Умоляю ее использовать все связи и договориться о приеме для Энджел.

Повинуясь импульсу, открываю почту и пишу шефу короткую записку: извиняюсь, что не предупредила заранее, и прошу неделю отпуска, чтобы разобраться с ногой (ложь). Ему неудобно спрашивать о том, что я скрываю под форменными брюками, так что подробностями он не интересуется. Сомневаюсь, что его взгляд хоть раз опускался ниже моего пояса.

Скорее всего, ничего из этого не выйдет, но я ставлю в копию адрес моего напарника, Расти, чтобы не доставал в отъезде. Он постоянно подозревает, будто я от него что-то утаиваю, и в этот раз будет прав. Пишу отчет об Энджел и найденной улике. Загружаю фото поля с телефона. Нажимаю на «сохранить», а на «отправить» — нет. Прячу отчет в папке.

Минутная стрелка настенных часов уже совершила два полных оборота. Полночь. А я все еще на взводе. Ничего необычного.

В нерабочее время я постепенно перебрала все старые зацепки по делу Труманелл, и каждый раз — тупик, хлопанье двери, снисходительный взгляд на мою ногу и фраза «ты принимаешь все слишком близко к сердцу, детка».

И в обычной жизни, и в профессиональной я давным-давно перестала придерживаться общепринятых правил. Особенно меня заинтересовал вопрос спасения таких девочек, как Энджел, которые оказываются на перепутье в округе, где, возможно, скрывается убийца.

Отцу бы это не понравилось.

Пальцы скользят по серебряной цепочке на шее к простому кусочку железа, который раньше прятался в волосках на отцовской груди. Большинство копов носит медальон с архангелом Михаилом или крест, мой же отец выбрал нечто другое.

Я верю, что вещи обретают сердце. Как этот ключ.

Срываю с себя цепочку. Вставляю ключ в замок выдвижного ящика — кроме него, отец никогда и ничего не запирал.

И как всегда, надеюсь найти что-то, чего не заметила раньше.

12

Первой достаю из ящика ополовиненную бутылку водки «Тито»[23]. Откручиваю крышечку и делаю глоток — уже в который раз. Затем вытаскиваю дешевую рубашечную коробку. На крышке нарисован уродливый мультяшный Санта-Клаус, который когда-то, много лет назад, злобно ухмылялся из-под рождественской елки у нас дома.

Ставлю коробку и бутылку на стол.

Вот и все, что отец хранил под замком. Когда я впервые выдвинула ящик на третий день работы, то ожидала найти там нечто ужасное. «Фарфоровый» череп Труманелл. Признание отца или Уайатта, испачканное кровью и грязью. Одного взгляда на него хватило бы, чтобы мое сердце не выдержало.

Когда любишь скрытного мужчину, чувствуешь себя как на качелях. Такой никогда не расскажет всего. Постоянно приходится гадать, правда ли

---

[23] Notes: 23

Кукурузная водка «Тито» — оригинальный американский спиртной напиток, который производят в Техасе. Назван в честь его создателя, бизнесмена Тито Бевериджа.

крошечное алое пятнышко на рубашке — от спагетти, что были на ужин. Но затем он спасает птенца, выпавшего из гнезда. Тонущего ребенка.

И все. Ты веришь, что это соус, а не кровь.

Открываю коробку с Сантой и перебираю письма и записки, которые мой отец счел нужным сохранить за те шестьдесят два года, что прожил на этом свете. Аккуратно выкладываю все на стол, словно материалы дела, к которому я возвращаюсь снова и снова.

Пустые угрозы от реднеков в духе «Я всем покажу» и «Ты у меня узнаешь». Бурные изъявления благодарности от матерей и бабушек, предпочитающих открытки с крупными фото люпинов или портретами лошадей.

Записка с извинениями, которые я неумело вывела печатными буквами в первом классе. Мой рисунок на День отца, где отец выше нашей лошади, а пистолет — больше его головы.

Фото, на котором молодой папа целует маму перед Эмпайр-стейт-билдинг.

Коробочка с медалью «За доблесть». Статья из «Даллас морнинг ньюс», где его хвалят за то, что он задержал двоих подозреваемых в тяжком убийстве, которые по пути из Теннесси заехали в наш городок съесть по гамбургеру.

Пачка «Лаки страйк» без одной сигареты.

Серия из пяти датированных снимков, сделанных в разные годы. Я убираю золотистую скрепку.

На всех изображениях дядя окунает отца в озеро. Нет, не в детстве из шалости, а в сознательном взрослом возрасте.

Дядино белое облачение посерело от воды. Ключ на голой груди отца висит прямо под красным солнечным бликом в форме треугольника, напоминающим клеймо.

Каждый раз после того, как отцу приходилось стрелять в кого-то на поражение, он просил дядю провести обряд очищения от грехов. Я сама была свидетелем двух таких омовений. Отец хотел, чтобы младший брат, которого он когда-то из вредности держал под водой, пока тот не начинал задыхаться, теперь таким же образом спас его душу.

Эти фотографии кажутся мне хронологическим свидетельством того, как зло постепенно подтачивало отца изнутри: мышцы становились все более вялыми, живот расплывался как квашня, волосы седели — невидимая рука готовилась сжать его сердце.

Дядя же и произнес надгробную речь на по-

хоронах отца. На кладбище он положил руки мне на плечи. По моим щекам текли слезы, и я видела только бисеринки пота на дядином носу. Розы на крышке гроба за его спиной сливались в сплошное желтое пятно, которое постепенно уменьшалось, как солнце в последние мгновения заката.

— Он прожил хорошую жизнь, — успокаивал дядя.

А что значит «хорошая жизнь»? Беру сигарету из пачки. Подношу ее к носу и вдыхаю запах отца. Зря. Дыхание перехватывает. Я снова стою в его любимом месте на берегу озера и задыхаюсь. Пепел из пригоршни, которую я только что развеяла, из-за ветра летит мне в лицо, застревает в горле.

Засовываю сигарету обратно в пачку. Папа любил то место. Там он обретал душевный покой, даже после того, как прошарил все озеро в поисках Труманелл. Там учил меня нырять с двумя ногами. И с одной.

«Не бойся достать до дна», — наставлял он меня в последний раз.

Я стояла на коленях на краю мостка, подняв руки над головой, будто в молитве.

Он думал, что нога дрожит от страха.

Да, я *боялась*.

Но не из-за отсутствия ноги. Я никогда особо не сомневалась, что сумею выплыть. Руки крепкие. И воля тоже.

Глядя в мутную воду, я думала, что, возможно, там лежит Труманелл и рыбы обкусывают ее красивые губы.

Меня вдруг пронзила мысль: что, если отец этому поспособствовал?

А потом я нырнула.

Несчастье в доме Брэнсонов. Такой анонимный вызов отец, по его словам, принял 7 июня 2005 года.

В участке он был один, записи разговора нет. Я читала протокол. Дом пуст, свет горит, следы крови ведут в поле. Папа запросил подмогу в 22:08, примерно через пять минут после прибытия на место.

Он обыскал дом и вышел в поле один, поскольку никто из Брэнсонов и коллег не появился. Его призыв утонул в хаосе ночи. Говорят, нет ничьей вины в том, что место преступления не кишело полицией еще два часа.

У всех копов и пожарных города была другая первостепенная задача: вытащить окровавленную, еле живую дочь товарища из перевернувше-

гося пикапа. Они отчаянно старались не выдать новость об аварии в эфир и сохранить жизнь моего отца такой, какой он ее знал, как можно дольше.

Эту историю я слышала десятки раз.

Теперь я знаю, что по пути в дом Брэнсонов отец проехал мимо меня, лежащей в темной канаве. Я истекала кровью, смиряясь с тем, что больше его не увижу, а он был одним из проблесков надежды — светом фар, промелькнувшим в зеркале заднего вида. Мы никогда об этом не говорили.

Только на четвертой неделе в больнице отец сказал мне, что Труманелл и Фрэнк Брэнсон пропали, и объяснил, почему Уайатт в психиатрическом отделении, а не у моего изголовья. Новость об Уайатте я приняла спокойно. Даже с облегчением. Мысль, что он увидит меня с культей, была невыносима. Я радовалась, что он жив, но не знала, хочу ли жить сама. Отец уверял, что Труманелл найдут.

Опиоидные обезболивающие тогда еще были моими лучшими друзьями, кнопкой, нажатие на которую по моему желанию размывало границы разума. Сейчас я думаю, что дверь к знанию о том, что случилось с Труманелл, захлопнулась еще до того, как я очнулась.

Для отца жить дальше означало не оглядываться на прошлое. Та ночь возвела между нами железную преграду. Смутно помню, как меня допрашивал агент ФБР, когда лекарства еще плавали у меня в крови, а отец кричал ему, чтобы *он убирался, она ничего не знает, нам нечего скрывать*.

Эта мысль возвращает меня к ящику стола. Зачем, ну *зачем* держать его под замком, если не запираешь даже дверь черного хода в доме, где спит твоя дочь?

Пора расчистить этот чертов *ящик*. Отмыть. Вытравить все запахи. Сложить в него ланч-бокс, тампоны, важные улики. Перестать искать там несуществующий папин ответ.

Захлопываю пустой ящик. Он выдвигается. Снова захлопываю. Опять выезжает.

Присмотревшись, замечаю возле замочной скважины царапинки, тонкие, как следы от коньков на льду.

13

На столе пляшет телефон — мигает и пищит. Еще раз. И еще. Что-то срочное. Или сообщения от Мэгги — она всегда присылает по три за раз, потому что пальцы не поспевают за мыслями.

Род осмотрел Энджел. Обезвоживание, несколько царапин, но все в порядке. Даже глаз. Травма старая. Все еще не говорит. Милая улыбка. Испугана ☹. Какой план?

Лола и Энджел сделали себе по пиратской повязке. С пайетками.

Что делаешь??? Беспокоюсь.

Набираю короткий ответ и неуклюже опускаюсь на пол. Между стеной и столом тесно, спина плотно прижата к стене, нога не слушается. Включаю фонарик в телефоне и направляю его на царапины. Определенно, попытка взлома. Действовали впопыхах, вероятно, потому, что вокруг всегда полно людей, которым по долгу службы положено проявлять любопытство. Царапин не было, когда я открывала папин тайник в прошлый раз. Месяцев пять назад? Полгода?

Осматриваю всю переднюю поверхность. Отчетливый отпечаток пальца. Возможно, мой.

Коп бы его стер. Как и любой, кто смотрит телевизор.

Задвинуть ящик до щелчка не получается. Ложусь на живот. Теперь все ясно. В пазу белеет

что-то крошечное, наверное одна из напоминалок, которые писал себе отец. Я дергаю — и бумажка отрывается.

На ней пять цифр: 3-5345. Выковыриваю оставшуюся часть. 3 — это половина восьмерки. В общей сложности десять цифр. Номер телефона? Имени нет. Направляю фонарик под столешницу. К ней что-то приклеено скотчем. Забытые запасные винтики?

Старый скотч прочно затвердел. Ломаю ноготь, пытаясь поддеть край. *Как я раньше не увидела?*

— Что за херней ты тут страдаешь?

Резко выпрямляюсь, сердце колотится. Мамаша Разрешите потягивает колу из одной банки, а вторую ставит мне на стол.

— Да обычной, — выдыхаю я. — Почти. Что-то с ящиком. Из пазов, что ли, выскочил. Спасибо за колу.

— Эта отцовская железяка — полный отстой. Я ведь говорила, скажи только слово, и я выбью тебе новый стол. Все уже старье поменяли. Ты на часы смотрела? Милая, тебе *двадцать шесть*, а не сорок. Давно пора домой, к мужу.

— Уже ухожу. Честно.

Дожидаюсь, когда Мамаша взгромоздится обратно на свой насест, и достаю из-под ноги ма-

ленький полиэтиленовый пакетик. Не винтики. Отец скрывал… *траву*? Я разочарована и немного растеряна. Открываю пакетик и принюхиваюсь к содержимому. Нечто бурое, измельченное. Пахнет затхлым. *Очень* старая трава.

Не все я про тебя знала, папа. Засовываю пакетик в карман, к бумажке с номером телефона. А что, возьму и покурю перед сном. Может, пообщаемся в каком-нибудь междумирье.

Культю сводит, внутри нарастает боль, которую обычно трудно унять. Вдавливаю пальцы в мышцу как можно сильнее.

На этот раз ящик задвигается. Надеюсь, только я нашла здесь нечто новое. Поднимаюсь с пола. Достаю из-под стола большой пластмассовый контейнер и складываю в него коробку с Сантой, водку, бумажный пакет с золотым шарфиком. Сбоку ставлю бутылку воды с ДНК Энджел, которые я аккуратно сняла с держателя для стаканов, предварительно надев латексные перчатки.

Никогда ничего не пейте в присутствии копа. И не говорите ни слова. По крайней мере, со вторым пунктом Энджел справилась.

Пью кока-колу, глядя в глаза Труманелл на противоположной стене. Я ежедневно смотрю на ее лицо и объявление о пропаже. Стоит поднять

взгляд от стола — там Труманелл. Обернуться — отец. Без меня они смотрят друг на друга.

Отсюда кажется, что Труманелл вполне могла бы быть актрисой из рекламы нового ромкома. Красивая девушка. Непослушная копна волос, корона, сдвинутая набок, загадочная улыбка.

Если бы не надпись кричащими крупными буквами: «МЫ НАЙДЕМ ТЕБЯ». Угроза убийце и обещание Труманелл.

3 слова.

20 000 объявлений.

7478 звонков.

406 свидетельств «очевидцев».

52 ДНК-экспертизы костей.

11 раскопанных участков.

Никому не хочется множить цифры, которые ни к чему не ведут.

Ключ все еще в замочной скважине, цепочка свисает с ящика.

Повинуясь порыву, снова надеваю ее, прикосновение холодного ключа обжигает, словно клеймо.

На выходе задерживаюсь возле фотографии Труманелл.

Прощаюсь и провожу пальцем по стеклу, будто заправляю прядь волос ей за ухо.

В пяти минутах от дома резко сворачиваю с дороги. Достаю из кармана пакетик и рассматриваю в свете фонаря. Я снова ребенок, загадывающий желание в поле. Солнце печет голову. В ушах звенит сердитый голос Уайатта. Руку жжет в том месте, по которому он хлопнул.

Мутит меня сейчас от изнеможения. Было бы сумасшествием думать иначе.

Эта измельченная бурая трава, которую отец прилепил к ящику, одуванчики?

14

Я будто вижу себя шестнадцатилетнюю. Энджел напряженно застыла в кресле протезиста. Унижение, беззащитность, злость и желание исчезнуть.

Пятнадцать минут ушло на то, чтобы уговорить ее снять солнцезащитные очки. Я прихватила их дома из комода, перед тем как забрать Энджел у Мэгги этим утром.

Крупные линзы «кошачий глаз», черепаховая оправа, темное стекло — идеально, чтобы скрыться за очками во время поездки на машине.

И как оказалось, надеть на себя типичную подростковую маску крутости. Именно это Энджел и сделала, как только увидела очки на пасса-

жирском сиденье. И как я раньше про них не вспомнила? В очках она заулыбалась.

Теперь же ее лицо снова ничем не защищено, пустая глазница подрагивает, а я — худший враг, который дразнит очками, как конфеткой.

Кто или что сделал ей так больно? Как? Зачем? Когда?

Наверное, ее сердце бьется в такт ноге, отстукивающей чечетку по кафельному полу.

Мне ужасно хочется сейчас же вытащить ее из этого кресла, пусть даже я сама ее туда и посадила.

Протезист обещает грандиозный результат. Преображение. Меня передернуло от этого слова. Мой протез подгоняли целый год — культя, заживая, уменьшалась, и я долгие месяцы мучительно училась снова ходить и бегать.

Как бы ни превозносили этого специалиста (один из пациентов назвал его «глазным Пикассо»), я в такое не верю. Хочется задрать штанину джинсов и сказать, мол, не парь мне мозги, все это я уже слышала.

Ты бирюза, которую изъян только украшает, сказала как-то тетка в очереди в продуктовом магазине, тыча мне в лицо своим кольцом.

Эмпуса — греческая полубогиня с медной ногой,

меняющая облик (преподаватель по истории, который подкатывал ко мне в колледже).

Кинцукурои — разбитая японская ваза, которая становится еще ценнее с трещинками, подчеркнутыми золотом (моя двоюродная сестра Мэгги).

Ну подумаешь, слегка покоцанная (Расти, напарник).

Я помалкиваю. Напоминаю себе, что протезист мягко и аккуратно сделал слепок глаза и участливо предупредил, что протез необходим, чтобы мышцы глаза не атрофировались. Нам повезло, что такой талантливый профессионал согласился принять Энджел на следующий же день.

Он сидит к ней так близко, что едва не касается ее лица, и всматривается в дымчатые зеленые глубины здорового глаза. Его взгляд невыносимо пристален. А Энджел напряжена и всем телом вжалась в спинку кресла.

Рядом с протезистом — палитра, сияющая красками. В одной его руке тонюсенькая кисточка, в другой — предмет, который, по его словам, преобразит Энджел: акриловая основа, которая подгоняется таким образом, чтобы протез в точности имитировал здоровый глаз. После росписи и обжига эта штуковина встанет на нужное место, как огромная непрозрачная контактная линза.

Что бы ни произошло с глазом Энджел, травма давняя. Оставшиеся мышцы и ткани сохранил довольно умелый хирург. Кто-то уже однажды позаботился о ней. Воспаления удалось избежать. Очевидно, она уже носила протез раньше, иначе глазная мышца не была бы в таком хорошем состоянии.

Но сейчас она вжалась в кресло, щеки пылают, и ничто в ее поведении не выдает, что процесс изготовления протеза ей знаком. Мне — точно нет.

Я думала, что новый глаз сделают круглым, как стеклянный шарик, что будет 3D-принтер и мощный компьютер с цветоподбором, а не человек с тоненькой кисточкой, который попросил нас называть его Тушар, а не доктор, потому что он — не врач.

Тушар откатывается на стуле и кладет кисточку.

— Энджел, тебе нужно отдохнуть. Прервемся ненадолго. — Он нарочито медленно моет руки над раковиной.

Вытирает их бумажным полотенцем. Комкает его и бросает в мусорную корзину.

Плечи Энджел расслабились. Тушар возвращается и кладет ладонь ей на руку.

Его глаза, под которыми разбегаются морщин-

ки, — совершенно одинаковые серо-голубые самоцветы, резко контрастирующие с карамельного цвета кожей и плоской шапкой седых волос. В каждом глазу сеточка красных сосудов. Когда мы пожимали друг другу руки при встрече, меня удивило, что у человека, который делает глазные протезы, свои глаза настолько красивые.

Он подносит руку к лицу. Одно веко опущено, как у Энджел. На ладони Тушара — голубая оболочка. Он дает нам возможность взглянуть на нее, потом возвращает на место. Моргает.

— Несчастный случай на охоте в шестнадцать лет. Ружье друга случайно выстрелило. Я собирался пойти в армию. Учился в академии Вест-Пойнт[24]. Мечта не сбылась. Я бы назвал это событие судьбоносным, поскольку в итоге стал помогать людям жить более счастливой жизнью, а не придумывать, как с ней покончить. — Он улыбается. — Ты доверяешь мне, Энджел? Вернемся к работе?

Энджел кивает. На этот раз она не съеживается в кресле, когда Тушар наклоняется к ней так близко, что наверняка чувствует ее дыхание на своей щеке. Он рисует, потом подносит заготовку

---

[24] Notes: 24

Престижная военная академия в городе Вест-Пойнт, штат Нью-Йорк; основана в 1802 г.

к глазу Энджел и снова рисует. Окунает кисточку в золотой, голубой, коричневый, бормоча, что зеленый — это не просто зеленый и синий — не просто синий. Все на земле сложнее, чем кажется.

Он очень мягко поинтересовался у Энджел, что с ней случилось, но ответа не получил и принялся рассказывать, мол, некоторые клиенты никому не признаются, что у них нет глаза: лучший баскетболист колледжа, который не хочет, чтобы соперники оборачивали это знание против него, подбираясь со слепой стороны, знаменитая актриса, чье лицо нам точно знакомо, королева красоты Техаса, ближневосточная принцесса, чей муж счел бы ее порченой и никогда не женился бы на ней, если бы узнал, что невеста наполовину слепая от рождения. Она приезжает в Техас каждые несколько лет «за покупками» и увозит с собой множество драгоценностей, включая новый красивый глаз золотисто-карего цвета. После четырех таких поездок и двадцати двух лет совместной жизни супруг по-прежнему ничего не подозревает.

— Энджел, как думаешь, попал бы я в мишень так же точно, как когда был лучшим стрелком в Вест-Пойнте? — спрашивает Тушар.

Энджел снова кивает.

— А вот и нет. *Теперь* я стреляю еще лучше. — Он откидывается на спинку стула. — Почти закончили. Ты имеешь право хранить свой секрет, Энджел. Только мы с тобой решаем. Не позволяй никому убеждать тебя в ином.

Я же ему поверила! А что теперь? Какой опрометчивый и контрпродуктивный совет! Мы же поговорили заранее с глазу на глаз, он точно знает: надо, чтобы Энджел открылась мне, а не молчала дальше. Как может взрослый ответственный человек советовать подростку замкнуться в себе от стыда и утаивать жизненно важный факт?

Это во мне говорит коп. Но одновременно я — девочка в том кресле.

Если бы тебе дали ногу, которая по ощущениям и внешне была бы совсем как настоящая, разве ты не скрыла бы правду? Не была бы счастливее, если бы о тебе судили не по тому, что ты калека?

Тушар отъезжает на стуле.

— Закончили. Сходи пообедай. А когда вернешься, новый глаз будет готов. — Он улыбается Энджел. — А, еще кое-что. Иногда я рисую что-нибудь личное на внутреннем уголке протеза, что-то крошечное. Секретик. Его не увидит никто,

кроме тебя, да и то когда будешь вынимать протез. Буква, слово, животное — что угодно. Сделать тебе такое? Нечто вроде подписи на картине?

Я предупреждала его, что Энджел не разговаривает.

И не сомневаюсь, что идея покажется ей ребяческой.

— Одуванчик, — отвечает она.

15

Одно тихое слово, произнесенное со слегка протяжным выговором.

Я сохраняю непроницаемое выражение лица. Стараюсь сполна ощутить всю странность происходящего.

Одуванчики в поле, где нашли Энджел, погубленные ради загадывания желаний. Бурая измельченная трава в пакетике из папиного стола. Желтые цветы и пушинки-семена, которые Уайатт уничтожает по весне с почти религиозным фанатизмом. *Все это как-то связано?*

Как только за нами закрывается дверь кабинета, Энджел выхватывает у меня солнцезащитные очки. Не говорит ничего в лифте, на улице, в машине, явно давая понять, что вновь вернулась к молчанке.

По крайней мере один факт становится понятен благодаря этому слову. Энджел не из Нью-Джерси.

Она кивает с облегчением, когда я не давлю на нее, а предлагаю взять по бургеру в автовыдаче и поесть в машине. Пока я не узнаю, чего именно она боится, лучше избегать открытых пространств.

Энджел наслаждается каждым кусочком бургера. Мэгги сказала, что после завтрака ее вырвало — так сильно она нервничала перед приемом. Показываю ей на себе, что у нее на губах осталась горчица, и она вытирает ее тыльной стороной руки.

Нерешительно наклоняюсь и салфеткой убираю остаток горчицы с щеки. Энджел не сопротивляется.

Мне хочется обнять ее за плечи. Задать тысячу вопросов. Умолять ответить.

Но и это уже прогресс.

Я чуть было не испугалась.

Энджел растянулась на полу, прижав ладонь к больному глазу. Очки с треснутой линзой валяются далеко под стулом. Виновницы — две одинаковые малышки с короткими светлыми кудряшками. Они играли в догонялки и броси-

лись Энджел под ноги со слепой стороны, когда она входила в приемную.

Быстро подбираю очки и протягиваю их Энджел. Она торопливо их надевает.

Женщина лет тридцати с небольшим, тоже в солнцезащитных очках, отшвыривает журнал и с извиняющейся улыбкой вскакивает с места.

— Лиза, Рене! Говорила вам, прекращайте. Девочки, попросите прощения! А потом *сядьте на место*. — Она достает кошелек. — Я заплачу за очки.

— Не надо, — отказываюсь я. — Они нечаянно.

Энджел опустилась на стул в дальнем углу, пытаясь прийти в себя. Двойняшки устроились на стульях напротив и взялись за руки.

— Мы просим прощения, — говорит одна малышка, потом трогает себя пальчиком под глазом и спрашивает: — *Что с тобой случилось?*

— Рене! — Мать по-прежнему прячет глаза за темными линзами очков. — Помнишь, что мы говорили о *личном пространстве*?!

Девочки не отходят от Энджел.

Энджел медленно опускает очки на переносицу, чтобы малышки увидели глаз. Я знаю, что она делает, потому что сама проделывала то же самое — эпатажно отстегивала протез, являя грубую,

уродливую правду незнакомцу, который на это напросился. Энджел хочет преподать девочкам урок вежливости. И правильно.

Только это не срабатывает. Сестрички совсем не удивлены. Пристроив очки на колено, Энджел наклоняется к девочкам почти так же близко, как Тушар, когда расписывал глаз.

Энджел поняла все раньше меня. Пациентка — не мать, которая достает из сумочки пачку двадцатидолларовых купюр.

Энджел касается девочкиной щеки под красивым карим глазом, будто беззвучно задавая тот же вопрос: *Что с тобой случилось?*

— Мячик от пинг-понга, — отвечает вторая сестричка. — Я попала мячиком.

Энджел снова сидит в кресле Тушара, слегка откинув голову. На этот раз от нее исходит еще большее напряжение, хотя куда уж больше. Тушар устанавливает протез на место. Мысленно обращаюсь к Богу, который не всегда отвечал на мои молитвы: *Пожалуйста, пусть все получится.* Тушар говорит и говорит.

Сосуды сделаны из тончайших красных шелковых нитей и при обжиге впечатаны в акрил.

Поворачивай голову, когда смотришь на что-то. Так люди будут думать, что искусственный

глаз тоже двигается.

Протез на месте. Энджел часто моргает. Тушар ставит перед ней зеркало и закрывает мне обзор. Энджел не двигается, кажется, целую вечность.

Потом поворачивается, и я смотрю в два одинаковых зеленых омута с солнечными искорками, на лицо, с виду незнакомое не только потому, что глаза два, но и потому, что оно сияет от радости. С удивлением понимаю, что ее глаза напоминают… озеро.

— Это… чудо, — произношу я, запинаясь.

— Не чудо, — поправляет меня Тушар. — Красивая иллюзия.

Энджел зачарована своим отражением в зеркале. Минуты проходят в молчании.

Всхлип. Она бросается обнимать Тушара. Меня. Все вытирают слезы.

— На киносъемках режиссер бы сейчас возвел глаза к небу и вырезал сцену, мол, слишком наигранно, — говорит Тушар. — Но это не игра, это *жизнь*. И так каждый раз.

Далее он проводит получасовой инструктаж и вкладывает визитку в ладонь Энджел.

— Никто не заметит разницы, если сама не скажешь. Догадываюсь, что с прошлым протезом было не так. Но все же бдительности не теряй.

Не забывай компенсировать потерю бокового зрения слева. Ты ведь понимаешь, что опасность повсюду. Тележка в супермаркете, невесть откуда взявшаяся машина, чей-то локоть… Смотри на тени. Малышам, которые сидят в этом кресле, я говорю, что большинство людей тени пугают. Но с такими, как мы, — разговаривают. Спасают жизнь.

Этому человеку не известно ничего о прошлом Энджел, но он знает достаточно. И понимает, что глаз — не просто красивая иллюзия. А маскировка. Если кто-то выслеживает одноглазую девочку, то теперь найти ее станет гораздо сложнее.

16

В три года я впервые увидела, как бабушка вытирает бурые следы с пола на кухне, будто это кетчуп, а не кровь с места преступления, которую папа принес домой на ботинках.

В семь лет — узнала, что преступник, которого отец помог упечь за решетку, вышел по условно-досрочному и в тот же день спрятал под нашим крыльцом самодельную бомбу. В десять я научилась взводить курок. А однажды в тринадцать лет была дома одна и, услышав шум, держала на прицеле входную дверь, пока не вошел папа.

Глушу мотор и опускаю стекло. Дом утопает в сумеречных тенях раскидистого старого дуба, на который в детстве лазили папа с дядей задолго до нас с Мэгги. Единственный фонарь освещает флаг Техаса с большой белой звездой на красно-бело-синем фоне. *Легко нарисовать, и всем нравится*. Так всегда говорил отец. Флаг висит над крыльцом этого дома с тех пор, как я, еще малышкой, научилась ему салютовать.

Мой родной дом известен всем как Синий не потому, что выкрашен в такой цвет (на самом деле он бледно-желтый), а потому, что в нем жили четыре поколения копов. Он стал моим после смерти папы. Мысль о продаже была невыносима, хотя мне и без всяких объявлений трижды предлагали за него деньги.

Пять лет назад я попросила мужа оставить частную адвокатскую практику в Чикаго и начать совместную жизнь здесь, и он уступил. А сейчас собираюсь с духом, чтобы войти в дом. Папы нет. Финна тоже. На кухонном столе, где раньше стояли их тарелки, теперь злобно ухмыляется Санта с картонной коробки.

Из кухонного окна на дорожку лился бы теплый свет, если бы Финн был дома. Он бы разложил содержимое коробки с Сантой на кухонном столе и

предался воспоминаниям. Потягивал бы любимое местное пиво с одним из остроумных названий: «Секс в каноэ»[25] или «Кровь с медом»[26].

Потом посмотрел бы на меня и спросил: «На сегодня у тебя все с работой?» Захотел бы заняться любовью без железяк: протеза и ключа. Он терпеть не мог, когда это крошечное холодное напоминание о моем отце ударялось об его грудь.

Финн вскрыл бы тот пакетик из ящика, и мы бы попытались словить кайф от содержимого, чем бы оно ни было. Он включил бы *Black Eyed Peas*[27] и сказал, мол, а пусть в дыме растворится все: Труманелл, Уайатт, папа, Энджел с одним глазом и город, что превращает девушек в окаменевшие мифы.

Но нет, остался только дом, который давит на меня тяжестью своего прошлого и пустотой. Велит довести дело до конца. Разгадать все тайны. Будто говорит: «Финн ушел, и тебе больше нечего

---

[25] Notes: 25

Шутка из «Шоу Монти Пайтона»: «Американское пиво — что секс в каноэ: и там и там воды нахлебаешься».

[26] Notes: 26

Пиво «Кровь с медом» на кожуре красного апельсина-королька и на меду.

[27] Notes: 27

Black Eyed Peas — американская хип-хоп-группа, образованная в 1995 г. и ставшая особенно популярной после прихода в нее певицы Ферги в 2002-м.

терять».

До дедушки и отца в этом доме вырастил пятерых детей первый шериф городка. В прихожей висит его портрет: угрюмый человек, который, похоже, и спал в форме. Он давно лежит на Уайторнском кладбище в пяти милях от города. Как и все остальные, кто рос под этой крышей, кроме нас с дядей. Я назначена последней обитательницей Синего дома. Дядя разорвал путы, уйдя из дома и став пастором.

Правильно, что не привезла Энджел сюда. Это было бы эгоистично. Когда я уходила, она снова свернулась калачиком на диване у Мэгги рядом с Лолой, которая положила на нее руку. Мы отметили новенький глаз пиццей, виноградной газировкой и бесформенными капкейками, в создании которых поучаствовала Лола.

Эта сценка на диване олицетворяла *безопасность*. Счастье. В Синем доме иногда ощущалось счастье. Но безопасность — никогда. В дверь могли постучать глубокой ночью. Папа всем открывал в полосатом халате, тапочках и с пистолетом.

Если он выходил на крыльцо и закрывал за собой дверь, я понимала: дело плохо.

Телефон на сиденье рядом оживает и принима-

ется настойчиво мигать.

Впервые не хватаю его сразу же. Пропускаю звонок. Вновь откидываюсь на сиденье и погружаюсь в сожаления, не понимая, что я за человек такой.

Финн шел на компромиссы. По утрам ел хлопья в мрачном соседстве с репродукцией «Тайной вечери» на кухонной стене. Каждый раз ранился ржавой бабулиной овощечисткой. Занимался любовью на шаткой старой кровати, которую терпеть не мог и которая требовала большой осторожности, потому что от нее тряслось старое мутное зеркало на стене.

Уайатт бы сделал так, чтобы зеркало упало и разбилось, а не пытался бы примириться с его существованием. Не обращался бы со мной как с хрустальной вазой. Вытряс бы из меня все общие секреты, которые мы храним от других и друг от друга.

Я не говорю, что хотеть такого правильно и что я хочу. Но кажется, мне это нужно.

Рядом мигает экран телефона.

Распахиваю дверь, и свет от телефона прорезает темноту коридора.

На экране слово «Г… нюк». Напарник.

Подношу телефон к уху:

— Привет, Расти.

— Ты где была? Мы арестовали Уайатта Брэнсона.

— Когда? — Я замираю в дверях.

— Пять… шесть часов назад. Тебя зовет.

— А почему ты тогда не позвонил?

— Ты ему нянька, что ли? Я думал, ты в *отпуске*. И пять часов назад он не просил тебя позвать. Бухой был.

— Ты арестовал его за хулиганство? Или за вождение в нетрезвом?

— Да, но вышло случайно. Он следил за Лиззи Рэймонд, когда та шла домой с тренировки по чирлидингу. Да ты девчонку знаешь: вылитая Труманелл Брэнсон при определенном освещении. Еще в документалке снималась. На этот раз с ней была подружка, так что есть свидетель. Только заходи с черного хода. На месте поймешь почему.

17

У полицейского участка ревет воинствующая толпа. Расти ведет меня к камере Уайатта, позвякивая ключами, — мы в унисон шагаем по белому плиточному полу. На самом деле никакой слаженности между нами нет. Мы оба знаем,

что, как только я переступлю порог камеры, это станет точкой невозврата, шагом за черту, и пути назад может не быть.

Расти всегда высказывался предельно ясно. Он убежден, что Уайатт — ходячее зло: смазливый Тед Банди[28], рыщущий повсюду в поисках жертв, Перри Смит[29], устроивший резню в идиллическом фермерском доме, таинственный Джек-потрошитель, торжествующе ухмыляющийся из могилы.

— Уайатт Брэнсон — дальновидный сукин сын, — сказал Расти пять лет назад во время нашего первого совместного дежурства. — Возомнил себя бродвейским гастролером (далековато отъехал из чертова Нью-Йорка) и надеется, что шоу будет длиться вечно. Ждать я умею. Знай: с делом Брэнсона я разберусь и лавочку ему прикрою. — Расти обожает изъясняться пространными метафорами.

Наша с отцом безоговорочная поддержка Уай-

---

[28] Notes: 28

Тед Банди (Теодор Роберт Банди, 1946–1989) — американский серийный убийца, действовавший в 1970-е гг. Его жертвами становились девочки и молодые девушки, точное число которых неизвестно.

[29] Notes: 29

Перри Эдвард Смит (1928–1965) — американский серийный убийца, приговоренный к смертной казни за убийство семьи из четырех человек.

атта ни для кого не была секретом. Закономерно было бы ожидать, что я и Расти не сработаемся и наши пути в итоге разойдутся. Однако оказалось, что только он вызвался пойти ко мне в напарники. Никто больше не хотел работать с одноногой неопытной *девчонкой*.

Спустя несколько лет, после нескольких рюмок текилы, я спросила Расти, не потому ли он меня выбрал, что рассчитывал с моей помощью прославиться.

— Думаешь, все ответы по делу Труманелл здесь. — Я постучала себя по виску, чуть не промахнувшись спьяну. — Поэтому согласился работать с калекой. И выбрал меня.

— Я тебя выбрал, потому что ты мгновенно звереешь, когда нужно, — протянул он. — И симпатичная. Полезные штуки в коповском арсенале.

Нет, разумеется, он устроил мне предварительную проверку. Пригласил на свой участок и наблюдал, как я дырявлю мишень из шести пистолетов, которые он передо мной выложил.

Потом сказал, мол, он слышал, что у меня олимпийский беговой протез, как у Оскара Писто-

риуса[30], и предложил вместе пробежать десять миль вокруг участка. На финише, согнувшись пополам и пытаясь отдышаться, он отчитал меня за то, что давала ему поблажку.

— Я знаю, на что ты способна. Никогда не играй в поддавки. А если уж пытаешься обдурить кого-то типа меня, так хоть постарайся. Папа тебя этому не научил, что ли?

Уайатт ссутулился на скамье в тесной камере. Внутри дружные вопли протеста звучат еще резче и громче, усиленные эхом. Жители городка точно знают, как спроектирована тюрьма. Ненавистники Уайатта собрались на углу здания, как можно ближе к его камере.

Расти распахивает дверь. Уайатт все так же сидит, опустив голову и беззвучно шевеля губами. Расти, наверное, думает, что Уайатт прикидывается. Но я-то знаю. Молящийся Уайатт притягивал девушек как магнит. Не было никого сексуальнее, чем парень, который может уложить любого придурка на лопатки и при этом не считает себя

[30] Notes: 30

Оскар Писториус (р. 1986) — южноафриканский паралимпийский бегун на протезах вместо обеих ног, шестикратный чемпион летних Паралимпийских игр. Использовал специальные протезы из карбонового волокна, которые давали ему преимущество перед остальными бегунами. В 2016 г. был признан виновным в непредумышленном убийстве своей подруги.

центром вселенной. Только в своей вере в невидимого, но всевидящего и всемогущего Господа Уайатт всегда оставался искренним.

— Как я уже сказал, тебя попросил позвать, а дальше — молчок, — говорит Расти. — Давай только недолго. — Он наклоняется к моему уху. — Помни, что ты коп. И что *девушки гибнут*.

«Девушки» во множественном числе, потому что в воображении моего напарника Уайатт горстями раскидывает вокруг человеческие кости.

Вентиляция в потолке гонит воздух, похожий на горькую холодную тюрю. Растираю руки, чтобы унять дрожь. Мамаша Разрешите, которая отвечает за кондиционер, нарочно выкручивает его на максимум, используя все методы, чтобы действовать Уайатту на нервы. Для нее нет никого хуже, чем тот, кто обижает девушек. Мои коллеги, конечно же, не предложили Уайатту ни еды, ни воды, ни сходить в туалет. На ржавом писсуаре в углу камеры табличка, что он сломан, но это враки.

Уайатт поднимает голову и кивает на камеру, мигающую зеленым.

— На нас смотрят, — подтверждаю я.

Выглядываю в коридор. Пустой. Три соседние камеры — тоже. Двери в обоих концах коридора

закрыты.

Поворачиваюсь к камере затылком:

— Аудиозапись не работает уже два месяца. Так что я буду говорить. А ты — слушать. Это Нэнси Рэймонд позвонила в полицию после того, как ее дочь Лиззи вернулась домой из школы. Лиззи я знаю. Она нянчится с детьми моих соседей. Я только что прочла ее показания. Давала она их неохотно, как и в документалке. Мать говорит, мол, дочка боится тебя разозлить и исчезнуть вслед за Труманелл.

Ноль реакции. Делаю глубокий вдох.

— Лиззи в показаниях говорит, *ей кажется*, что ты несколько раз следил за ней, но, возможно, она спутала тебя с каким-нибудь репортером. На этот раз есть свидетель. Ты подъехал к девочкам, когда они возвращались с тренировки. Спросил, по-прежнему ли фото Труманелл висит в раздевалке. Сказал Лиззи, что она настолько похожа на Труманелл, что ты поначалу *подумал*, что перед тобой — твоя сестра. Потом ты сфотографировал Лиззи без спроса. У полиции есть доказательство: твой телефон. Пока мы разговариваем, кто-то изучает твои поисковые запросы.

Даю Уайатту время осмыслить услышанное. На земле нет ни одного человека, которому не

хотелось бы скрыть некоторые свои поисковые запросы. Для копа мобильник — золотая жила, откуда по крупицам добывается информация, которой можно шантажировать. Человеку, связанному с расследованием, никогда и ни при каких обстоятельствах не стоит носить с собой телефон.

Загорелая кожа Уайатта кажется бледной в ярком люминесцентном свете. На лице — ноль эмоций. Я старалась говорить как можно спокойнее. Но внутри кипит ярость. Я хочу, чтобы и он, и те, кто смотрит это немое кино, гадали, на чьей я стороне.

— Да что, черт побери, с тобой не так, Уайатт? Напиваешься. Пугаешь до полусмерти девчонок. А с Лиззи ты как обошелся? Жестоко. Милая, застенчивая девочка, которую дразнят из-за сходства с Труманелл со средних классов школы. Всем известно, что она поэтому волосы обесцветила и линзы цветные носит. И подумывает сделать операцию на носу, хотя он у нее идеальный. Да мне, как и всем остальным копам в участке, не верится, что ты не искал ее специально, чтобы спровоцировать…

— Мне нужно было увидеть ее своими глазами, — перебивает меня Уайатт. — После фильма.

— Не говори. Ничего. Что бы там тебе ни было нужно, это самоубийство. За *каждым* твоим шагом следят. Мой напарник, Расти, собирается тебя допросить. Он тебе не друг, хотя скажет, что мы с ним — друзья. С ним будет еще один коп, который тоже тебе не друг, да ты и сам сразу поймешь. Решишь, что сто раз видел по телевизору игру в «хорошего-плохого полицейского» и с тобой этот номер не пройдет. Но *в реальности* не попасться очень трудно, Уайатт. Они сыграют на каждом нерве. Сломать можно любого. *Любого*. Тебе захочется все как следует объяснить, и тогда один из них сделает вид, что хорошо тебя понимает. *Не ведись.* — Я снова делаю глубокий вдох и шумно выдыхаю.

Удивительно, что в таком холоде еще не идет пар изо рта.

— «Я отказываюсь отвечать на вопросы без адвоката». Вот что ты им скажешь, вместо того чтобы дать в морду. Они постараются разбудить в тебе зверя. Им только подавай таких мускулистых подозреваемых. Они даже шутят между собой, перед тем как зайти в допросную, мол, *я пошел за сахаром*. А знаешь, кто придумал это выражение? Мой прадедушка, в честь Сахарного

Рэя Робинсона[31]. Фанатом его был. И сам тут свои боксерские навыки применял. — Я задумчиво перевожу взгляд на потолочную камеру.

Мне известно, где у нее слепая зона. *Но насколько сильно можно взбесить Расти?*

— Сдвинься на край. — Я хватаю Уайатта за руку. — Серьезно. Ладонь давай.

Уайатт медленно разгибает пальцы. У нас есть кусочек пространства, настолько крошечный, что моя нога упирается в колено Уайатта. Я пишу на его ладони шариковой ручкой, сначала слабо, потом — с нажимом, преодолевая изгибы и мозоли.

— Это сотовый моего мужа. Как ты знаешь, адвоката. Очень хорошего. Я позвонила ему, он едет, но будет здесь через час с лишним. Пока что тебе вменяют пьянство, нарушение общественного порядка и ненасильственные действия сексуального характера. Надеюсь, больше ничего не добавят. Родители девочки весьма расстроены, и у них много друзей в церкви, так что шумиха дальше не пойдет. Тебе лучше переночевать

---

[31] Notes: 31

Шугар Рэй Робинсон (Уокер Смит-младший, 1921–1989) — легендарный американский боксер-рекордсмен, изменивший стиль и технику современного бокса. Прозвище Сахарный ему дали за подвижный, как бы заигрывающий («сладкий как сахар») стиль ведения боя.

здесь, чтобы толпа выдохлась, а рано утром ходатайствовать об освобождении под залог.

Так советовал Финн.

Я не ожидала, что он пообещает приехать. Думала, пошлет коллегу. А позвонила, потому что в фирме ему несколько лет намекали, что неплохо бы засветиться в деле Брэнсона. *Каково это — быть женатым на участнице легенды? А заниматься сексом с одноногой?* Второй вопрос никто вслух не задавал, но он подразумевался. Я сочла, что звонок Финну — меньшее, что я могу сделать для него после своего ужасного поступка. Так у него будет возможность преподнести партнерам громкое дело, за которое любой техасский адвокат взялся бы совершенно бесплатно.

— Финн знает. О нас, — говорю я спокойно, глядя на плиточный пол.

Толпа скандирует все более оскорбительные лозунги. Я разбираю отдельные слова и фразы: «Лиззи», «убийца», «Спасите наших девочек!». Непохоже, чтобы кто-то выдохся. Снаружи собрались мстители худшего сорта. Они носят серебряные крестики на цепочке, кепки и футболки с надписью: «Живи правильно». До полуночи мастерят своим первоклашкам макеты форта Аламо из сахарных кубиков для школьного проекта,

отменяют круиз на День благодарения, чтобы принести индейку бабуле в больницу, тратят месячную зарплату на операцию для любимого пса. Любят Бога и семью столь же истово, сколь ненавидят чужих.

— Не знаю, выходит ли сейчас Труманелл за пределы ранчо, — говорю я тихо, — но здесь с ней не разговаривай. Это сильно осложнит выход под залог.

— Что ты сделала с Энджел? — сдавленно спрашивает Уайатт, неотрывно глядя мне в глаза.

В камеру нас по-прежнему не видно. Представляю, как Расти ерзает на стуле и чертыхается от вида пустой скамьи на экране.

Наклоняюсь ниже:

— Энджел вчера получила новый глаз. Блестящий, красивый. Это изменит ее жизнь. Но если кто-то спросит, ты не знаешь никого даже близко похожего. Никогда не подкатываешь к девушкам. Ходишь в рейсы. Чинишь забор. Ешь. Спишь.

Сквозь тонкую дверь, отделяющую диспетчерскую от камеры, доносится смех моего напарника. Нарочито громкий, предназначенный для особых случаев. Дружеское предупреждение, что время на исходе.

18

Мерю шагами крошечную камеру. Прошло еще пять минут, а Расти все нет. Никто так не умеет мариновать подозреваемого, как он.

Уже не впервые думаю, что меня Расти тоже маринует все эти годы.

Позволил мне так долго пробыть наедине с Уайаттом не просто так. Не из благодарности за все банки «Доктора Пеппера», которые я оставляла на его столе во время полуночных дежурств или за тот раз, когда я пристрелила нарика, который выскочил из ванной и приставил пистолет к его груди.

И Расти, и Уайатт отнимают у меня время, которое я могла бы потратить на спасение *живой* загадочной девочки. И все же я не могу просто уйти из этой камеры. Беру Уайатта за другую руку и на ней тоже пишу.

— Это телефон моей кузины Мэгги. Его знают всего несколько человек. Мы с ней постоянно на связи. Запомни номер. Плюнь и сотри. Не звони и не спрашивай меня напрямую. Не хочу, чтобы меня отстранили от расследования. Пока что я нужна Расти. Он считает, что я что-то знаю. И будет со мной работать.

Вместо того чтобы отпустить его ладонь, я сжимаю ее сильнее.

— Не могу объяснить, но когда позвонил Расти… моим единственным побуждением было защитить тебя. Это я и делаю. Если ты когда-нибудь меня любил, докажи, что я не ошиблась.

От этой фразы я вновь становлюсь шестнадцатилетней.

Зря.

По руке, которая сжимает ладонь Уайатта, пробегает холодок.

Стены камеры начинают кружиться и двоиться — белые квадратики пола, лицо Уайатта, бледное граффито, изображающее петлю висельника. Закрываю глаза. Тоже зря.

Непроизвольно, как и всегда, вспоминается та ночь.

Машина сделала всего один оборот, как железная кабинка карусели. И затормозила в темноте, окном уставившись на узкий полумесяц. Израненная нога застряла в зазубренных, как горные пики, осколках стекла. Я пыталась ее высвободить, но тело не слушалось. Я молилась в эту черную дыру, чтобы меня нашли. Но Бог был где-то далеко.

Когда меня осторожно занесли на носилках

в карету «скорой помощи», я была похожа на ледяную скульптуру, доставленную на банкет. Все знали: еще несколько часов — и я бы растворилась во времени, ушла навсегда. Все тело ощущалось заледеневшим, как сейчас рука.

Так помню все *я*.

На самом деле в небе была полная луна. Мне сказали, что грузовик перевернулся не один раз, а по меньшей мере три, нога застряла в разбитом окне и несколько раз ударилась о дорогу. По словам моего дяди, пастора, Бог все время был рядом, потому что ветеринар, которого вызвали на сложные роды у коровы, ехал медленно, высматривая нужный поворот. Он увидел машину в кювете, белеющее запястье в разбитом окне и наложил жгут мне на ногу, иначе я бы умерла. Нога оставалась в таком положении до тех пор, пока хирург не достал пилу.

Все сошлись в одном. Слез не было, совсем, но потом я случайно услышала, как врач в больнице прошептал: «Ампутация». Отец сказал, что если он попадет в ад, то там будет безостановочно проигрываться звук, который я издала в тот момент.

Сейчас же за окнами тюрьмы звучит «О, благодать!». Толпа выбрала воодушевляющую версию этой песни, и теперь она просачивается внутрь

сквозь каждую трещину в стенах.

Дядя рассказывал, что этот христианский гимн написал работорговец в 1700-е годы. Бóльшую часть своей жизни, а может, и всю этот человек вел себя отвратительно. Мы же восхищаемся этим гимном. Он спасает наши души. Мы поем его на похоронах. Здесь как и во всем остальном: под привязчивой мелодией скрывается неприглядная правда.

— Одетта, все нормально?

— Мне надо идти. — Я выдергиваю руку из ладони Уайатта.

Я уже вожусь с замком камеры, и тут Уайатт плюет на ладонь.

— Я твоего мужа ни разу не видел, но если он приедет меня защищать и не приставит мне пушку к голове, то такому человеку не стоит изменять на парковке, — протяжно говорит Уайатт.

В его голосе больше нет беспокойства.

Медленно поворачиваюсь, голова все еще слегка кружится. Уайатт растирает плевок на ладони, как я и просила. Чувственно. Иронично.

Уайатт будет стоять на своем и в присутствии Расти с Финном. И возможно, даже победит.

Я же точно проиграю. И лишусь одного из них. Или обоих.

— Давай проясним. — Мой голос глухо прорезает стылый воздух. — Финн не на твоей стороне. Но почему-то еще на моей.

19

Я лежу среди скомканных простыней; в полусне, под закрытыми веками будто проигрываются кадры кино.

Из-под рождественской елки скалится коробочный Санта.

На солнцепеке в стеклянном гробу лежит Труманелл — запястья и лодыжки крепко оплетены одуванчиками.

Я в парке ловлю крошечный красный мячик, в котором заключен голос Энджел.

Усилием воли задерживаюсь во сне и возвращаю себе контроль над ситуацией.

Затыкаю Санте рот ладонью. Разбиваю молотком стеклянный гроб и освобождаю Труманелл. Ловлю и проглатываю крошечный мячик, который дает мне способность говорить за Энджел.

Но слова не идут из горла, и я распахиваю глаза, задыхаясь. Где-то шумит вода. Душ. Но я осталась одна. Значит, в Синий дом кто-то вошел.

Я в постели и без протеза — максимально беззащитное состояние. Резко нахлынувшая паника,

которую невозможно объяснить тем, кто за считаные секунды может вскочить с кровати.

Не знаю, в приступе ли ярости Оскар Писториус всадил в свою подругу четыре пули через дверь ванной. Это известно лишь ему. Но один из аргументов защиты мне понятен: безногий человек проснулся посреди ночи и запаниковал.

Сквозь жалюзи пробивается рассвет. Я хватаю со стола пистолет. Сползаю с кровати и, опираясь на костыли, ковыляю мимо протеза, который бросила на пол вместе с формой, когда вернулась из участка каких-то несколько часов назад. Дверь ванной приоткрыта. Слегка толкаю ее локтем.

Финн стоит в душе, прислонившись к стене. Глаза закрыты, струи воды текут по лицу. В каком же неустойчивом состоянии мой ум и мой брак, если мне даже в голову не пришло, что это может быть он!

Финн проводит ладонью по мокрому лицу. Открывает глаза и, похоже, совсем не удивляется, увидев разъяренную жену с пистолетом. Он смотрит на меня сквозь стеклянную створку душевой кабины тем же пристальным взглядом, как когда я впервые при нем сняла с себя все, включая протез. Он мог выбрать любую другую девушку в баре, где мы встретились. Большинство из них

извивались на танцполе.

— Ты красивая, — сказал он мне в ту ночь. — Само совершенство.

Я кладу пистолет на край раковины, сердце все так же бешено стучит. Открываю дверцу душа и отбрасываю костыли. На мне старая футболка Финна с «Чикаго кабс»[32], которую я вытащила из грязного белья после его ухода. Он подхватывает меня, потому что я не оставила ему выбора.

Я обнимаю его, струя воды ослепляет, футболка прилипла к телу, как вторая кожа.

— Ты меня напугал.

— Должны быть правила, — бормочет он, прижимая меня к себе. — Я не останусь.

Я киваю.

— Ты его любишь? — Не дожидаясь ответа, Финн наклоняется и целует меня.

Спустя минуту мы, совершенно мокрые, падаем на кровать — размытый вихрь движений в старом зеркале, которое Финн ненавидит. Мы — звезды старого кино, которые выбрались из пенных волн бушующего океана и упали на песок. Юные влюбленные, убежавшие от дождя.

Финну никогда не нравилась эта фантазия.

---

[32] Notes: 32

Chicago Cubs — американский профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в городе Чикаго, штат Иллинойс.

Он знает, что под дождем я поскользнусь. И что не устою в волнах прибоя.

Он всегда понимал, что главное для меня и для таких, как я, — не упасть.

Долгое время он видел во мне совершенство, нечто такое, что страшно сломать. Я же считала себя чем-то сломанным и не нуждающимся в починке. Оба оказались не правы.

Финн стаскивает с меня мокрую футболку. Я притягиваю его голову к своей груди, вдыхаю знакомый мускусный запах его шампуня, и глаза начинает щипать от слез. Я боюсь, что мои несколько минут с другим мужчиной — глубоко въевшееся пятно.

Напористость и гнев Финна, мой стыд и молчаливая мольба, мои мокрые холодные волосы, шлепнувшие по лицу, жар его тела — все это создает электрическое напряжение, которое одновременно восхищает и пугает. В том, что сейчас происходит, нет ничего осторожного и сдержанного.

Но я же этого хочу?

Зеркало падает на пол и разбивается.

Для нас это либо хорошая примета, либо очень-очень плохая.

Меня будит нога.

В ней нож.

Воображаемый. Мой мозг навсегда запечатлел, как выглядела нога, которую отец забрал у хирурга и закопал, но где — никогда не говорил. Иногда, как сейчас, отсутствующая нога кажется более реальной, чем та, которую я могу потрогать. Прищурившись, гляжу на часы: 08:32 утра. Делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы слегка унять боль.

Аккуратно убираю руку Финна со своей талии — он поворачивается на бок, мыча что-то во сне и не желая просыпаться. А может, не готов посмотреть мне в глаза. У меня есть вопросы, на которые он имеет полное право не отвечать. *Что теперь будет с Уайаттом? А с нами?*

Когда я вышла из камеры шесть часов назад, Расти коротко кивнул. Габриэль — не особо приятный новичок — взгромоздился на стол Расти и следил за каждым моим шагом. В качестве прощального жеста Расти показал мне средний палец. Я же вместо ответа ненадолго приложила ладонь к лицу Труманелл на фотопортрете.

И Расти, и Габриэль были первыми в списке тех, кого я подозревала во взломе отцовского стола. Мне не давала покоя мысль, что кто-то из находящихся в кабинете забрал недостающую

частицу разгадки.

Полулежа в машине, я дождалась, когда фары Финновой «бэхи», прочертив дугу в темноте, замрут у задних ворот. Он скрылся в дверях участка, а я резко повернула в сторону дома.

В ноге пульсирует боль. Как же хочется вытащить этот несуществующий нож!

Раньше я считала, что Уайатт сочиняет, будто рука, которую ему сломал отец, «предчувствует» беду. Но это было до. Теперь же думаю: может, его рука и моя нога могли бы сообща подсказать, как действовать?

После исчезновения Труманелл я рассталась с Уайаттом. Доучивался он при реабилитационном отделении психиатрической больницы, выторговав эту возможность у адвокатов, копов и психиатров. Я навестила его дважды за два года. Он сидел в саду с аккуратными кустиками красного и белого бальзамина, а трава была ядовито-зеленая, а не буроватая, как родное поле.

— Это не я, — сказал он тогда.

— Знаю, — ответила я.

Он вернулся домой, а я уже училась в чикагском колледже: участвовала в зарубежных студенческих программах, проходила стажировки, пыталась быть цельным человеком, несмотря на

отсутствие ноги.

Уайатт красил дом краской «Кружева шантильи», разговаривал с Труманелл и спал с миловидной мексиканкой по имени София. У нее была татуировка в виде полумесяца, а еще она регулярно окуривала дом благовониями. По крайней мере, так София сама рассказывала в интервью «Даллас морнинг ньюс» на следующий день после того, как подростки выжгли на поле Уайатта такую огромную свастику, что о ней писали в соцсетях пассажиры «Американ эйрлайнз».

Я слушаю дыхание Финна, размеренное и успокаивающее, как гул сушильной машины. Безмолвно прошу прощения за то, что впустила Уайатта в нашу постель.

На комоде вибрирует телефон. *Номер скрыт.*

Хватаю его, не желая разбудить Финна.

— Алло? — говорю я тихо.

Секунды тикают. Я жду, затаив дыхание. Потому что чувствую: на другом конце — Труманелл.

Тишину прорезают тяжелые, прерывистые всхлипы.

Сквозь шум я разбираю лишь одно слово.

Ее имя.

20

— Кто это? — выдыхаю я.

Мой шепот уносится в пустоту. Повесили трубку. Слово «Труманелл» убило последнюю глупую надежду на то, что она жива.

Голос был мужским, причем незнакомым.

Сползаю на край матраса, по-прежнему стараясь не потревожить Финна.

По всхлипам тоже непонятно, кто это.

В полиции я узнала, что плач — почти такая же уникальная особенность человека, как голос и отпечаток пальца. Вопли, рев, причитания, скулеж, стоны, всхлипы — никогда не знаешь, какая его разновидность вырвется изо рта человека. Здоровенные мужики, разговаривающие басом, могут тоненько захныкать. Коротышки — издать звериный рев. Женщины особенно хорошо изображают разные виды плача.

Всхлипы в телефоне не тронули меня, не вызвали жалости и не показались фальшивыми. От них исходила угроза.

Раздумываю, не разбудить ли Финна. Но что он сделает? Хватаю костыли и обхожу осколки зеркала. Включаю душ и стою в горячей воде, пока телефонный плач не перестает крутиться в

голове. Минут двадцать стою нагишом у зеркала и прочесываю пальцами длинные локоны. Спокойно наношу светлый блеск для губ.

После потери ноги я научилась плакать по-другому. Тихо, чтобы папа не слышал. Девочкой я рассматривала культю в этом зеркале, и постепенно слез не осталось.

Я никогда не слышала, как плачет Финн. Отец говорил ему, что, если хочется плакать, нужно изо всех сил щипать себя за кожу между большим и указательным пальцем и мысленно перечислять названия планет Солнечной системы.

Как плачет Уайатт, я слышала лишь однажды — из-за двери реабилитационного центра, когда захлопнула ее за собой в последний раз.

Закрываю дверцу шкафа и опускаюсь на табуретку.

Труманелл — фантом.

Энджел жива.

Надо сосредоточиться.

Набираю старый знакомый номер. Встретимся у озера. Через два часа.

Начинаю процедуру пристегивания к ноге холодной титановой железки.

Далеко не впервые хочется, чтобы ощущения всегда были одинаковыми. Будто пристегиваешь

лыжи и скользишь по пухляку. И ускорить этот ритуал невозможно. Каждое утро один и тот же набор монотонных действий.

Нанести мазь, чтобы нигде не натирало. Натянуть на культю чехол, а поверх него — носок. Пристегнуть протез. Походить по ковру в прихожей, чтобы все село как надо.

Атмосферное давление, жара, холод, мозоли, утро или вечер, то, как мой мозг воспринимает боль и эмоции, — от всего этого и не только зависит, хорошим или плохим будет день. Говорят, когда-нибудь человеческая плоть и компьютерные технологии станут единым целым, что полностью изменит жизнь ампутантов. Явно не сегодня.

Финн все еще спит, лежа на животе, голый и беззащитный. Часть меня хочет провести пальцем вдоль его позвоночника, поцеловать гладкий белый изгиб бедра, обнять и не отпускать. Другая часть спихнула бы этого мужчину с безупречным телом с кровати и спросила, что он на самом деле тут делает. И зачем вообще *был* здесь.

Образованный. Справедливый. Обаятельный. Я слышала все эти эпитеты в адрес своего мужа. Он страшно удивил всех знакомых, бросив успешную практику в Чикаго и женившись на мне

— студентке последнего курса, девчонке на шесть лет младше, про которую его родители всем говорили, мол, «у нее есть физический недостаток».

Все произошло так быстро. Мы понежничали друг с другом в баре. Папа умер за рабочим столом. И вот я уже стою с Финном перед скучающим регистратором в мэрии Далласа и клянусь хранить верность супругу.

— Восемь минут, — бросила я Финну во время последней ссоры. — Каких-то восемь дурацких минут.

— Пять лет, — парировал он. — Пять чертовых лет брака. — А затем недоуменно спросил: — Ты что, время засекала? Вот тебе лайфхак: измена — это миг. Даже меньше.

Все слова тогда застряли в горле. «Я тебя люблю. Не уходи, прошу. Мне очень, очень жаль».

Что-то не дало мне их сказать. Какая-то непонятная нотка в его голосе. Глубокое разочарование оттого, что его вложения не окупились?

Я впервые подумала: вдруг Финн лгал в ту ночь, когда подсел ко мне в баре? И точно знал, что соблазняет не просто какую-то одноногую девушку, а ту самую — из кровавой техасской легенды?

Может он, подобно Расти, всегда хотел возвыситься за счет пропавшей девушки? И привлекла

его не я, а лежащий на мне отблеск чужой славы?

Я думала, Труманелл не имеет никакого отношения к моему браку, а Финн — мой решительный шаг в другую жизнь. А она, похоже, все время была рядом — невидимая подружка невесты, постоянно переписывающая наши брачные клятвы.

Ясно одно: истинные мотивы своего участия в деле Труманелл скрывали все. Папа. Уайатт. Расти.

Финн.

Я.

21

Провожу пальцем по истрепанному переплету бабушкиной поваренной книги Бетти Крокер[33]. Томик в красной обложке стоял на полке под кухонной раковиной, сколько я себя помню.

Бабушка называла ее «Красная книга», в кото-

---

[33] Notes: 33

Бетти Крокер — вымышленный персонаж, созданный в 1921 г. владельцами мукомольной компании «Washburn-Crosby», чтобы отвечать на письма американских домохозяек, интересовавшихся рецептами выпечки из новой муки. «Бетти» писала поваренные книги, выступала на радио и телевидении. Поваренная книга в красной обложке, впервые изданная в 1950 г., на протяжении всего XX в. оставалась кулинарным бестселлером и настольной книгой американских хозяек.

рой есть все, что нужно знать о том, как резать, варить, отбивать.

И еще говорила, мол, готовка — жестокое искусство.

Интересно, что бы она сказала про Красную книгу сейчас. И про меня заодно.

Надо поторопиться. У меня есть минут пятнадцать на книгу, а потом Финн придет за кофе. И час — до поездки на озеро.

Усаживаюсь на стул и открываю книгу.

На первой фотографии — малиновое варенье. Только не на бутерброде, а на розовой незастланной кровати Труманелл. Криминалисты сначала приняли его за кровь. Однако насчет пятна в ванной первого этажа не ошиблись. Вот оно, ярко-алое, на следующей фотографии.

Пролистываю газетные вырезки из материалов дела и тайком скопированные протоколы. Задерживаюсь на смешном стишке Труманелл, озаглавленном «Почему не болит голова у дятла?».

Дотрагиваюсь до трех полиэтиленовых пакетиков, скрепленных степлером.

В первом лежит помада оттенка «Снежная вишня», которую Труманелл передала мне в церкви, положив в блюдо для пожертвований; во

втором — заколка-невидимка и прядь каштановых волос, а в третьем, будто пыльца, рассыпаны крошечные золотые блестки.

Трехлетняя разница в возрасте — слишком много для близкой дружбы. И все же Труманелл незаметно сунула мне помаду. Я была девушкой ее брата — весомый статус.

В душе снова зашумела вода. Финн встал, надо поторопиться.

Открываю последние страницы с моими беспорядочными записями, своего рода дневником. Копирую с телефона GPS-координаты участка, на котором Уайатт нашел Энджел. Составляю список тех, кто мог взломать ящик стола. Записываю время и дату звонка, во время которого плакал мужчина.

Открепляю пришпиленный кнопкой под сиденьем стула пакетик из отцовского ящика. Пишу на нем маркером «неопознанный органический материал» и подклеиваю скотчем к странице. На полях рисую одуванчик, от которого вместо пушинок разлетаются вопросительные знаки.

Душ смолкает. Открывается и закрывается дверца шкафчика с аптечкой. Ставлю «книгу убийств» на полку строго вровень с остальными корешками.

Финн никогда не трогал эту поваренную книгу. Его представление о готовке сводится к тому, чтобы загуглить в телефоне «простой рецепт курицы с овощами». Он и не подозревает, что все эти пять лет питался в компании моего кровавого творчества.

В семнадцать лет я выдрала из книги страницы с рецептами и выбросила их в мусор. Бетти Крокер во время этого процесса по-матерински одобрительно улыбалась с внутренней стороны обложки. Я это оценила и портрет не тронула. Точно так же мило она улыбалась, когда я начала заполнять страницы нынешним мрачным содержимым.

На самом деле эта книга — никакое не доказательство. И скорее альбом с иллюстрациями многолетних душевных страданий, чем объективные заметки профессионала. Я никогда не показывала ее Финну, потому что знала: смотреть на меня прежними глазами он уже не сможет. И отцу тоже — боялась, что книга станет миной, на которой подорвемся мы оба.

Кофейник испускает предсмертный хрип. Пора на озеро. Но я хочу закрепить эту ночь прощальным поцелуем. Хочу, чтобы у нас все получилось. Мой брак для меня — темный лес. Впрочем, чу-

жие браки — тоже.

Чем дольше нет Финна, тем сильнее кухня на меня давит. Двуличная Бетти Крокер на полке. Санта, скалящийся с папиной коробки. Иисус на «Тайной вечере» на стене.

Меньшее, что я могу сделать для Финна, — убрать ненавистную ему картину. Снимаю ее с гвоздя и кладу на стол изображением вниз.

Финн не знает, что у меня с ней связана очень личная история. Отец всегда заставлял меня сидеть на этом стуле и смотреть на стену с этого ракурса, когда считал, что мне надо подумать над своим поведением.

За множество часов, проведенных таким образом, я запомнила каждый мазок на этой фреске да Винчи, вплоть до солонки, опрокинутой Иудой, отчего рассыпанная соль стала считаться дурной приметой.

Одна из наиболее запоминающихся проповедей дяди называлась «Демон и соль». Он внушал нам, что, если просыпать соль, ее шорох будит демона, спящего на левом плече. И надо его ослепить, бросив в него щепотку соли. Главное — не перепутать, на каком плече он сидит. И не промахнуться.

Я до сих пор машинально бросаю несколько

крупинок соли через левое плечо. И не единожды попадала Финну в глаз.

Отец называл да Винчи величайшим детективом. Говорил, что язык тела можно досконально изучить по этой фреске, запечатлевшей мгновение после того, как Иисус сказал ученикам, что один из них собирается Его предать. Поворот головы, дрогнувшая губа, дернувшийся локоть предателя.

Пока я приходила в себя после аварии, да Винчи незримо присутствовал в моей комнате. Я читала о его одержимости человеческой анатомией в то время, когда мне не давало покоя мое собственное тело. Рисунок за рисунком, вскрытие за вскрытием… Да Винчи описывал загадочную человеческую физиологию задолго до того, как по капле крови стало возможным определить цвет кожи, глаз и форму носа.

«У сидящего человека расстояние от сиденья до макушки головы больше половины роста на длину и ширину яичек».

Мы с Финном как-то проверили это утверждение после нескольких «маргарит».

Он водит шваброй по деревянному полу спальни. Осколки со звоном падают в мусорное ведро. Скрипит раздвижная оконная рама. Матрас из-

дает жалобный вздох, как бывает, когда на него встают коленом. Похоже, Финн заправляет постель, хотя обычно этого не делает.

Торопливо прослушиваю голосовые. Расти просит встретиться возле участка в десять вечера. Мэгги собирается везти Лолу и Энджел в кино и велит мне выспаться.

Из спальни больше не доносится ни звука. В собственном доме я испытываю унизительное ощущение, будто это был секс на одну ночь. Финн ждет, когда я уйду.

Однажды я случайно услышала, как он сказал кому-то: «Иногда мне кажется, что Одетта вся из титана».

Но это не так.

«Прощаюсь» как можно громче. Ополаскиваю кофейную кружку и с грохотом ставлю ее на подставку, «случайно» включаю будильник на айпаде, перед тем как поставить его на зарядку, захлопываю дверцу шкафчика. На меловой доске для заметок рисую кособокого человечка на одной ножке, посылающего воздушный поцелуй, — мое обычное сообщение Финну.

Засовываю «Тайную вечерю» под мышку, в другую руку беру коробку с Сантой. В прихожей открываю шкаф, все еще забитый старыми фор-

мами и охотничьими куртками отца. Ставлю «Вечерю» к стенке шкафа под полу пальто. Опускаюсь на колени и запихиваю Санту поглубже, но что-то мешает.

После похорон отца Мэгги решительно перетряхнула все шкафы. Вплоть до содержимого карманов и последней коробки. Но мне была невыносима мысль о том, чтобы избавиться от его форменной одежды. Я заставила Мэгги повесить ее обратно, точно так, как было.

С тех пор я хранила в этом шкафу все, что хочу, но не могу выбросить. Неудивительно, что в конце концов он взбунтовался. Задевая щекой грубую шерсть с латунной пуговицей, лезу вглубь, чтобы понять, в чем дело.

В дальнем углу — ботинок. Нащупываю второй и тогда узна́ю. Любимые ботинки отца. Из кожи гремучей змеи. Ему нравилось носить вещи из трофейных шкур.

Однако мне он говорил, что выбросил эти ботинки. Сказал, что испортил их в ту ночь, когда искал Труманелл в грязном поле.

На подошвах засохшая грязь. Спереди и по бокам сплошь бурые пятна. Я знаю, как выглядит грязь. И кровь.

На этих ботинках есть и то и другое.

Кровь оленя?

Труманелл?

Фрэнка Брэнсона?

Я искала Фрэнка Брэнсона так же долго и упорно, как и Труманелл. Загадывала желание на каждой выпавшей ресничке, куриной косточке, монетке, белой лошади, радуге, на каждом чертовом одуванчике.

Хотела найти его живым, чтобы он во всем сознался.

Если Труманелл мертва, пусть убийцей будет Фрэнк Брэнсон.

Я молюсь об этом сейчас, когда отцовы ботинки мертвым грузом лежат в моих руках.

22

Смахиваю комочек засохшей грязи с рубашки и завороженно смотрю на длинный черный след на голубой ткани.

Земля от отцовых ботинок. *С могилы Труманелл?*

Нет, не могу так думать. Это бессмыслица. Отец не стал бы хоронить Труманелл один и не оставил бы гнить в земле. Красивую, любящую девушку. Щеки мокреют. Пытаюсь зашвырнуть коробку с Сантой на верхнюю полку; крышка

открывается, памятное содержимое сыплется на пол. Поскальзываюсь на листках бумаги, потому что одна нога навеки онемела.

С грохотом падаю, ударившись об стену. С трудом сажусь на полу и отлепляю со щеки фотографию.

Дядины руки вскинуты кверху, лицо обращено к небу в религиозном порыве. Отец, погруженный в озеро по пояс, смотрит прямо в камеру, на меня, будто зная, что этот момент наступит.

Он велит мне сейчас же встать.

Спасаться.

Забираю ботинки.

Оставляю россыпь воспоминаний на полу.

Уже из-за двери слышу, как Финн зовет меня.

Сворачиваю от шоссе к озеру. Тереблю серебряную цепочку на шее, зажимаю ее в зубах. У ключа привкус металла. Или крови.

Раньше я делала то же самое с другим кулоном — серебряным сердечком. Его подарил Уайатт. Цепочка свисала у меня изо рта, когда я училась, смотрела телевизор и волновалась, потому что слышала перестрелку по рации, оставленной в спальне, а отца еще не было дома.

Тот кулон был на мне в ночь аварии. Каждый раз, когда я надевала его после, он будто обжигал

мне шею.

По совету Мэгги я оставила его на красной бархатной скамье в церкви Святейшего Сердца Марии на Черч-стрит.

Мы с Мэгги решили, что добрый краснолицый католический священник лучше всех распорядится тоненькой цепочкой, которой завладела злая сила. Не дядя. Он бы сказал, что мы глупые девчонки и только умножаем власть дьявола.

Не представляю, что отец Дэннис сделал с цепочкой, но вряд ли даже он смог бы изгнать дьявола из того, что сейчас лежит на заднем сиденье.

Отцовы ботинки. Шарфик Энджел с золотыми блестками.

Но мне все равно. Мне от них нужны лишь ответы.

Доктор Камила Перес ждет на скамейке в парке, как и обещала. Позади нее — озеро, тепловатое и тусклое, будто у него нет никаких тайн.

Доктор, в оранжевой рубашке и ярко-желтых брюках, похожа на экзотическую птицу — очень жизнерадостный подбор цветов для человека, который бóльшую часть жизни проводит за исследованиями фрагментов тел, по которым уже и не скажешь, что они человеческие.

— Ничего лишнего в образцы не попало? — спрашивает она, критически оглядев два коричневых пакета у меня в руках. — Погоди. Ты что… плакала?

— Все хорошо, — говорю я, чтобы убрать беспокойство с ее лица. — Да, я была осторожна. Слушайте, надо было еще по телефону сказать… иначе нечестно. Можете не помогать. Никаких обид. Вы мне ничего не должны.

— Я у тебя в вечном долгу. — Доктор Перес хлопает ладонью по скамье, приглашая меня сесть рядом. — Дочка вернулась в университет. Благодаря тебе и письму, которое ты написала судье, парню сидеть еще как минимум три года. В голове по-прежнему не укладывается: вытолкнуть мою малышку из машины на скоростном шоссе, посреди ночи, потому что она хотела с ним расстаться! Думать не хочу, что бы случилось, если бы вы с напарником ее не нашли. Не могу гарантировать, что ее братья не доберутся до парня, когда он выйдет.

— Ни слова больше. Я этого не слышала.

— Что принесла?

Я протягиваю ей пакет с вещами Энджел:

— Дело номер один: бутылка воды и шарф с золотыми блестками. Шарф грязный, лежал в

поле. Пыль и частички бог знает откуда, наверное еще с доисторических времен. Из бутылки пила только девочка, так что там все должно быть предельно ясно. Знаю, потому что сама дала ей воду. Нужна ДНК с бутылки и любая информация по шарфику.

— Девочка… жива?

— Надо установить ее личность. Пожалуйста, больше ни о чем не спрашивайте. — Я ставлю пакет на скамейку и протягиваю другой. — Дело номер два. Ботинки. Тоже ДНК. Возможно, нескольких человек. И опять же что обнаружится. Земля, навоз, укусы насекомых — все, что прояснит, где эти ботинки побывали.

Доктор откашливается.

— Сейчас я работаю в частной лаборатории, так что свободы действий у меня чуть больше, но не настолько. Несколько моих знакомых судмедэкспертов постоянно помогают друзьям неофициально. По мелочи. Амурные дела. Проштрафившиеся отпрыски. Но не крупные расследования. — Она ненадолго замолкает, глядя на мою ногу. — Короче, если что-то из этих улик имеет отношение к Труманелл Брэнсон, я не хочу этого знать. Хочу остаться инкогнито. Я видела, что пресса делает с моими коллегами,

которые хоть как-то соприкасаются с этим делом. — Доктор смотрит мне в лицо, и ее взгляд смягчается. — Я знаю, ты не можешь не думать о нем. Мы с дочкой смотрели документальный фильм. Несправедливо со стороны того агента ФБР намекать, будто ты видела, что случилось с бедной девочкой, и кого-то покрываешь. А для тех, кто слил твои фотографии после аварии… в аду отдельный котел.

В голове всплывает изображение девушки, которую я не узнаю́. Лицо залито кровью. Взгляд почти безжизненный.

Не могу возвращаться туда. Нельзя, чтобы сочувствие этой женщины, Уайатт, молчащая девочка, чертовы отцовские ботинки снова утянули меня на дно.

— Поняла, — быстро говорю я. — Все сугубо между нами. Больше никто не узнает.

— Что смотреть в первую очередь? — резко спрашивает доктор.

— Все.

Она возводит глаза к небу.

— Сколько времени это займет? — настойчиво спрашиваю я.

— Наберись терпения.

— Серьезно?

— Дай неделю на предварительные выводы. — Доктор касается пальцем пятна на моей рубашке. — У меня должны быть салфетки. Попробуем оттереть?

Она роется в сумочке, а я чувствую, как вверх по ноге, туда, где культя соединяется с металлом, лезет остервенелый гнус. Ощущение очень явственное, хотя я знаю, что, если сорвать с себя брюки, там будет бледная нетронутая кожа. Борюсь со странным желанием прыгнуть в озеро и залечь на холодное дно, куда не проникает солнце.

Вода идет рябью от легкого ветерка. А в памяти всколыхнулись воспоминания. Совсем недалеко к западу отсюда — рощица, в которой Труманелл наткнулась на парня, насилующего девушку.

Еще дальше — место, где в невменяемом состоянии бродил Уайатт в ту ночь, когда пропали сестра с отцом. А здесь мой отец проходил обряд очищения, возрождаясь вновь и вновь. Я бросила горсть его пепла в эту воду, и крупинки расплылись по поверхности, словно корм для золотых рыбок.

Этот парк всегда был местом встречи добра и зла, где все случается в первый раз и в последний.

23

В миле от города я сворачиваю на стоянку. В кабинке туалета срываю с себя джинсы и рубашку. Стягиваю чехол с протеза, обнажая металл. В процессе изгибаюсь по-всякому, стараясь не задеть стен. Чувствую себя так, будто раздеваюсь догола в липкой ловушке для насекомых.

Это жалко и похоже на паранойю, но я так яростно сдираю с бедра и протеза невидимых насекомых, что ломаю ноготь.

Судорожно вдыхаю. Еще раз.

В кабинке слева наркоманка ловит кайф, в кабинке справа маленькую девочку рвет, а я в одном белье сижу на крышке унитаза и массирую культю.

Закрываю глаза и слушаю, как мать успокаивает дочку, которая чуть ли не выкашливает легкие.

Чувствовала ли когда-нибудь Энджел такую любовь, когда болела, грустила, лишилась глаза? Представляю, будто женщина обращается и ко мне тоже. *Все будет хорошо. Я помогу.* Зуд в ноге затихает, я вытираю пот со лба туалетной бумагой и переодеваюсь в обтягивающий фитнес-комбинезон, который принесла в спортивной

сумке из машины.

Мы с малышкой выходим из кабинок одновременно. В зеркале наши лица одинаково бледны. Она указывает пальцем на мою туфлю. К подошве прилипли клочки туалетной бумаги. Улыбаюсь в знак благодарности.

Отлепляю один клочок, грязный. Потом другой. Не туалетная бумага. Две половинки номера телефона из ящика отца. Бумажка выпала из кармана джинсов, пока я переодевалась.

Кидаю ее в мусорное ведро.

Мою руки в холодной воде так долго, что они немеют.

Возвращаюсь в машину и только там набираю номер.

Сворачиваю в безлюдный, изрезанный оврагами район, посреди которого серебристой лентой вьется река Бразос[34].

Когда в трубке отозвались, меня будто пронзило током, и я нажала отбой. Голос Андреа Греко невозможно спутать ни с чьим другим: он неожиданно высокий для женщины, обладающей такой интеллектуальной мощью. Одно мелодичное «алло» тут же вернуло меня в синее кресло, в ко-

---

[34] Notes: 34

Бразос — река в Техасе, одиннадцатая по протяженности в США.

тором я сидела десять лет назад, ощущая пустоту в животе и глядя на небоскребы из окна.

Я не общалась со своим детским психотерапевтом с шестнадцати лет, когда ногти, изгрызенные до крови, болели не меньше, чем нога. Учитывая то, как прошла последняя встреча, поразительно, что отец оставлял за собой возможность ей позвонить, не говоря о том, чтобы хранить ее номер телефона в ящике стола с самыми сокровенными вещами.

Спустя четверть часа, немного погуглив, я набрала номер снова.

Разговор вышел коротким. Я сказала, что мне нужно с ней увидеться. Она продиктовала адрес дома где-то посреди гор, в двух часах езды отсюда, так, будто мы виделись на прошлой неделе.

Дом доктора вызывает то же пугающее ощущение, что и ее сеансы терапии когда-то: много стали, резкие перепады высот, непрозрачные стекла, открытые обзорные площадки. И что будет в итоге — непонятно.

Доктор стоит на террасе и внимательно наблюдает за тем, как мой пикап останавливается, хрустя колесами по гравию. Распущенные волосы растрепаны. И вот она осторожно спускается по лестнице с крутыми поворотами.

Нет больше туфель-лодочек от «Прада». Сшитых на заказ деловых костюмов, чтобы вписываться в общество именитых мужчин-психологов. Пышных укладок, чтобы производить впечатление на присяжных, которым больше нравятся «ухоженные» техасские женщины.

Деловые брючные костюмы, очки с тонкой черной оправой в стиле доброжелательной телеведущей-интеллектуалки, диплом Брауновского университета[35] — все это, по ее словам, было защитной броней.

— Она нужна каждому, — заверяла меня доктор. — Выясним, какая подойдет тебе.

И какая ирония: два года назад она покинула свой угловой кабинет в далласском небоскребе, откуда люди внизу казались букашками, и сама стала букашкой посреди пустынного пространства.

Дорого заплатила за то, что участвовала в рассмотрении скандальных дел, связанных с детьми.

Из интернета я узнала, что доктор была помешана на запретительных предписаниях.

Родители-садисты, против которых она сви-

---

[35] Notes: 35

Университет Брауна — один из престижных частных университетов США в городе Провиденсе, штат Род-Айленд.

детельствовала в суде. Подросток-психопат, пытавшийся переехать ее на мотоцикле. Преследователь, который слал ей любовные письма с сердечками, раскрашенными кровью. Бывший муж, который развлекался тем, что в ее отсутствие тайком пробирался к ней домой в Тертл-Крик[36] и передвигал там мебель.

В интервью она сказала, что оставила работу, чтобы написать книгу.

Интересно, кем я кажусь ей, выходя из машины с оголенным протезом, — этакий черный паук на фоне скал и неба. Убийцей из апокалиптического триллера?

Доктор делает шаг на последнюю ступеньку, и тонкая хлопковая блуза надувается пузырем над потертыми джинсами. По-прежнему носит с собой пистолет?

Один раз я мельком углядела сверхкомпактный револьвер. У нее на поясе. Она искала на полке в кабинете перевод древнеиндийской поэмы о Вишпале, царице-воительнице, которая лишилась ноги в бою, но продолжила участвовать в битвах с железной конечностью.

— Все это сказки, — сердито бросила я тогда. —

---

[36] Notes: 36
Тертл-Крик — район Далласа.

Никто бы не смог ходить с тяжелой железной ногой, не говоря уже о том, чтобы бегать. В те времена никто не считал, что женщина способна сражаться. Да и сейчас тоже.

— Поэма о Вишпале — первое письменное упоминание о протезе в мировой истории, — ответила доктор. — Тысячи лет назад. — Она села рядом со мной на кушетку и положила ладонь на неприкосновенную территорию: остаток ноги выше колена. Я это запомнила, потому что больше никто так не делал. — Задумайся, — говорила доктор. — Рыцари носили тяжеленные железные доспехи. Требовалось вдвое больше сил, чтобы ходить в таком облачении, не говоря о том, чтобы сражаться не на жизнь, а на смерть. Современный солдат в Афганистане носит на спине груз весом несколько десятков килограммов, причем в жестких условиях пустыни. Но он это делает. Твоя новая нога ощущается как тяжесть, но сколько она весит? Чуть больше двух килограммов? Многое из того, что кажется невозможным, на самом деле *реально*, Одетта. Разница между пациентами, которые борются вопреки всему, и теми, кто — нет, сводится к какому-то внутреннему качеству, которое нельзя описать словами. Ты *сама* определяешь свою жизнь.

Поднимайся, *черт возьми*! И не ной. По сути, это она говорила на втором сеансе. Отцу бы точно понравилось. А весь следующий месяц она неустанно применяла ко мне ДПДГ[37] (десенсибилизацию и проработку через движения глаз).

Доктор водила синим карандашом из стороны в сторону, а я следила за ним взглядом. Закрывала глаза и слушала, как она ногтем стучит по стеклу (тук-тук-тук).

Что было дальше, что было дальше, что было дальше? Что чувствуешь, что чувствуешь, что чувствуешь? Почему, почему, почему? Доктор обещала, что, если прокрутить в голове свое страшное кино много-много раз, оно перестанет напоминать черновой монтаж и превратится в старый фильм, виденный сотни раз. И в конце концов я смогу пересказать его содержание, не чувствуя себя при этом так, будто меня пропустили через молотилку.

Только вот я каждый раз выходила из ее кабинета с красными глазами и совершенно измочаленная.

На следующий день после седьмого сеанса я услышала, как мой отец говорит ей по телефону:

---

[37] Notes: 37

ДПДГ (*англ.* EMDR) — метод психотерапии, разработанный для лечения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

«Вы калечите ее морально. Что, черт побери, вы пытаетесь из нее вытянуть?»

Больше он меня к ней не повез.

Я всегда думала: а что было бы, если бы я посмотрела свое кино вместе с ней еще раз? Два раза? Три? Что успела бы разглядеть в тот миг, когда Уайатт приоткрыл дверь? Смогла бы назвать номер седана, стоявшего в темноте у сарая? Доктор уверяла и меня, и отца, что это не гипноз.

Всегда считала, что я что-то знаю?

Верила, что я как-то замешана в убийстве Труманелл?

Этот червячок гложет меня до сих пор. Я день и ночь думаю: а вдруг у всех за улыбками и дежурными фразами скрывается подозрение, что я чего-то недоговариваю?

24

С «Джонни Уокером» проще начинать дерьмовые разговоры. Доктор Греко налила в бокалы виски на два пальца. Сейчас откинется на спинку кресла и будет ждать. Как всегда.

Мы сидим на балконе, который так далеко выступает над каменистым обрывом, что голова кружится. Не могу отделаться от ощущения, что стоит чуть громче поставить бокал на стол — и

половина дома рухнет в пропасть вместе с нами.

Бутылка виски стояла на месте, а кресло смотрело на жгучее лимонное солнце еще до того, как я подъехала к дому. Второе кресло — на приличном расстоянии от моего: признак закономерного недоверия роду человеческому.

Поздоровавшись, доктор первым делом спросила, служу ли я еще в полиции. Затем — есть ли оружие. Я медленно повернулась на месте, вытянув руки. Доктор внимательно оглядела мой обтягивающий спортивный костюм, под которым ничего не утаишь. Я кивнула на свою машину — хранилище моего скромного арсенала. Похоже, это ее успокоило.

Она тянется за бокалом, и под тонкой хлопковой блузой проступают очертания пистолета. Солнце стирает мелкие морщинки, но подсвечивает каждую седую прядь. Доктор выглядит минимум на шестьдесят. А ведь десять лет назад в журнальной статье о самых желанных женщинах Далласа утверждалось, что ей тридцать пять.

Она кладет ногу на ногу. Даже спустя столько лет я помню, что это значит. Собирается меня удивить. Заговорит первой.

— Не думай, что я забыла тебя, Одетта. И не со-

жалела, что не смогла в полной мере тебе помочь. Любопытно, что ты выбрала пойти в полицию. Вернулась в город, который чуть не сожрал тебя заживо. Никогда бы не подумала. Очень бы хотелось поговорить о том, что подтолкнуло тебя к такому решению.

— Я пришла не ради себя, — прямо говорю я. — А спросить…

Внутренний голос говорит: *Подожди.*

Переставь кресло, чтобы не щуриться от солнца.

Придвинься ближе.

Расслабься.

Не начинай сразу об отце.

В голове возникает образ Энджел, а еще — маленького мальчика, о котором я не вспоминала много лет.

— У вас в приемной сидел ребенок, который не разговаривал, — медленно произношу я. — Мальчик. Мы общались. Не словами. Играли в «виселицу». И в крестики-нолики. Ему нравилось… смотреть на мою ногу. У меня вопрос про него.

— Он связан с каким-нибудь расследованием? — Доктор поднимает руку. — Не отвечай. Я не имею права обсуждать пациентов, что нынеш-

них, что бывших. Ты ведь знаешь.

— Дело не в нем самом, — упорствую я. — Я хочу понять, что заставляет ребенка замолчать.

Доктор издает хриплый смешок:

— Таких желающих — целая очередь. Как и все остальное, это зачастую загадка, все индивидуально. Зачем нужна я, Одетта? Есть книги. Тысячи других психологов, не на пенсии. Штука под названием «Интернет». Я сталкивалась с таким время от времени, но на звание эксперта в этой области не претендую.

Я пожимаю плечами:

— Вы специалист по трудным детям. Нужно, чтобы девочка-подросток заговорила, но она молчит.

— Слишком мало информации.

— Хорошо, это связано с расследованием, — говорю я осторожно. — Неизвестная девочка, которая молчит практически все время с тех пор, как ее нашли. Она получила… физическую травму. Нужно, чтобы она заговорила.

— Действительно нужно? Или это только твое желание?

— Иначе я не смогу защитить ее от того, что может произойти.

— Ты лучше остальных знаешь, как это бывает.

То, что произойдет, нельзя представить. *Просто нельзя — и все*. Будущее никогда не соответствует нашим ожиданиям. — Последняя фраза прозвучала с горечью.

Не помню ее такой.

— Я здесь не ради себя, — повторяю я.

— Не верю. Но ладно, Одетта, подыграю. Девочка не проявляет эмоций? Не реагирует? Асоциальна?

— Нет. Очень умная. Понимающая. Все отражается у нее на лице. Постоянно оценивает окружающую обстановку. Хорошо ладит… с маленькими детьми.

— Как давно ты ее знаешь?

— Два дня.

— Ты говоришь, что она молчит почти все время. Значит, что-то все-таки сказала?

— Одно слово.

— Ты подталкиваешь ее к разговору?

— Да.

— Перестань. По моему опыту, дети замолкают не специально. Они отчаянно хотят говорить, но не могут. Большинство судит о таких детях по фильмам. Ганнибал Лектер в детстве видит, как его сестру убивают и съедают, и перестает говорить, чтобы сохранить свой мир. Парень из

«Пятидесяти оттенков», Кристиан Грей, в очень раннем возрасте оказывается взаперти с умершей матерью. Бедные маленькие гаденыши, да? Но разве они могли вырасти другими? Представление о мутизме, *избирательном* мутизме, молчании как о форме протеста, — чушь собачья. В случае девочки рано делать выводы. Какое слово она произнесла?

— Одуванчик.

— И как выглядела после?

— Испуганной. Слегка сердитой. Будто ей больно слышать свой голос.

— Знаешь, чем это слово важно для нее?

— Ни малейшего понятия.

— Предлагаю вести дневник. Понаблюдай за ее телодвижениями и определи, какие темы, предметы, слова и звуки вызывают у нее эмоции. Узнай, есть ли определенные люди или предметы, с которыми она *говорит*. Ты сказала, что она любит детей, так что, возможно, ребенок. Собака. Говорящая штуковина от «Амазона» — «Алекса». Типичных случаев не бывает. Ребенок может свободно болтать с незнакомцами или с компьютером, но быть не в силах сказать ни слова самому любимому человеку.

Солнечный луч рассекает бутылку. Доктор Гре-

ко подливает золотистой жидкости в мой бокал, хотя он еще на четверть полон.

— Помню один ужасный случай. — От виски южный выговор стал еще протяжнее. — Не мой, коллеги. Мать пригрозила дочери утопить ее в ванне, если та раскроет кому-нибудь семейную тайну. И каждый раз, когда малышка слышала собственный голос, ее охватывал ужас. Ей казалось, что секрет выпрыгнет изо рта, как лягушка из пруда. И при каждой попытке заговорить девочка начинала давиться. Не могла дышать. Будто уже погрузилась в ванну, где мать пообещала ее утопить. Так она и замолчала. Навсегда.

Я и сама будто под водой. Солнце и спиртное устроили световое шоу, от которого кружится голова и тошнит.

— Что с ней случилось? — спрашиваю я.

— Зарезала родителей. Пока они спали. Но и после не заговорила. Не выдала тайну. Вообще ни единого слова больше не сказала. С присяжными и судьей ей не повезло. Отбывает пожизненное.

Доктор Греко перекатывает кубики льда в бокале — нервное, ритмичное позвякивание.

— Что на самом деле привело тебя сюда, Одетта? — В ее голосе неожиданно прорезаются стальные нотки — их я помню.

— Хочу узнать, почему мой отец хранил ваш номер телефона в ящике стола под замком, — импульсивно парирую я. — О чем вы с ним говорили и имеет ли это какое-то отношение к Труманелл.

— Тогда разговор будет очень коротким, — отвечает доктор. — Потому что твой отец больше мне не звонил.

Я вытираю собственную рвоту с черно-белого плиточного пола докторской ванной. Сколько раз она подливала мне из бутылки? Три? Четыре?

Попросила называть ее Энди. Не Андреа и не доктор Греко, но это как-то неправильно, слишком фамильярно. В какой-то момент разговор принял неожиданный оборот. Не помню, как я это допустила. Обрывки разговора всплывают в голове.

Я наговорила всякого.

Уайатт Брэнсон видит призрак сестры и точно знает, что сегодня на ней: золотые серьги-кольца или перламутровые гво́здики, лиловые шлепанцы или туфли с выпускного, алая помада или бесцветный бальзам для губ.

Папа засовывает ботинки в дальний угол шкафа.

Мои абсурдистские сны. Иисус с окровавленными ступнями сходит с картины на стол и велит

мне не забывать, что Иуда предал Его поцелуем. Труманелл просыпается в стеклянном гробу и прижимает ярко-алые губы к крышке.

На балконе все так же ослепительно сияет солнце, вонзая в голову крошечные серебряные иголки. Доктора нет. Моего бокала и бутылки — тоже, на их месте ледяная бутылка колы. Голос доктора Греко — едва различимое бормотание из-за двери кабинета-библиотеки, которую я видела мельком по пути в ванную. Голос один. Логичные паузы. Говорит по телефону. Разве был звонок?

Мы по-прежнему одни в доме.

Беру бутылку; ледяная кола обжигает горло — жидкий кайф. Пять минут. Десять. Двадцать. Теперь все вокруг крутится не бешено, а плавно, как на карусели.

Цепляюсь взглядом за единственный предмет передо мной — изящную азиатскую вазу, оплетенную плющом. Так лучше.

Трогаю пальцем листик, чтобы убедиться, что он настоящий.

И замечаю.

Крошечную, едва различимую точку в самом центре изображения бирюзового павлина, распустившего хвост.

Камера.

Доктор меня записывала.

25

Не прощаюсь. Выхожу из дома доктора полупьяная; горизонт накренился. Мне нельзя вести машину, но я еду, и все слова, что я не должна была говорить, тянутся за мной, как шлейф от грязного выхлопа. Где-то через час муторного пути домой в голове вырисовываются два вопроса.

Доктор записывает всех, кто сидит у нее на балконе, или только мне выпала такая честь?

Что за книгу она пишет?

Когда я наконец подъезжаю к Синему дому, мне хочется только отстегнуть протез, выпить литр воды и поспать, чтобы прошла пульсирующая боль в правом виске. Вместо этого меня встречает немая сцена на крыльце.

Финн прислонился к колонне, скрестив руки на груди. У его ног — рюкзак, все еще покрытый белесой пылью после нашего медового месяца в Марокко.

На моем красном садовом кресле восседает тощая пергидрольная блондинка, каких сотни тысяч; нога закинута на ногу, юбка задралась, почти полностью открыв бедро.

Кувшин с чаем позволяет сделать кое-какие

выводы. На поверхности плавают кусочки подтаявшего льда, словно крошечные айсберги.

Ожидание затянулось.

У обочины припаркован белый внедорожник с наклейкой «Вперед, „Лайонс“!» на заднем стекле. Очевидно, машина принадлежит незнакомке, и, судя по наклейке, она местная.

Осторожно паркуюсь рядом с Финновым синим кабриолетом. Немая картина оживает: Финн закидывает рюкзак на плечо и направляется ко мне. Блондинка так и сидит позади него на крыльце, прикусив длинный темно-синий ноготь.

Грудь выпирает из розового топа, как два шарика карамельного мороженого. Две подтянутые ноги с изящными ступнями. Все остальное тоже в комплекте. Щиколотку дважды обвивает татуировка: крошечная змейка с красной головкой или стебель розы с бутоном — отсюда не разобрать.

Финну такие не по душе. Значит, они не вместе. Или решил поменять предпочтения?

— Ты где была? — Финн в двух шагах от меня; в голосе явное раздражение. *Слишком близко*.

Надеюсь, запаха спиртного не почувствует.

Хочется ответить: «Выясняла, где побывали отцовские ботинки. Отслеживала телефонный номер из ящика его рабочего стола и уперлась в

глухую стену в чистом поле». Но я молчу.

— Почему на звонки не отвечаешь? — требовательно спрашивает Финн. — А, ладно. Не важно. Я внес залог за Уайатта Брэнсона. Отвез его домой пару часов назад — он без машины. Пикап отбуксировали с Берч-стрит в восьми кварталах от дома девочки на штрафстоянку в Далласе. Чтобы не расслаблялся.

В голове возникают две картинки.

Уайатт с Финном едут вместе по проселочным дорогам в тесном пространстве двухместного «БМВ» с невидимой мной посередине.

И Уайатт снова заперся в своем доме. Один.

— Партнеры просили поблагодарить тебя за рекомендацию. Ты, возможно, удвоила мою годовую премию. Уайатт даже говорит, что может заплатить. — Голос Финна звучит холодно и напряженно, будто его язык не был в моем пупке прошлой ночью.

— Ты правда собираешься сам его защищать? — недоверчиво спрашиваю я.

— Вопрос решится сам собой, если Уайатт не будет осторожен, — спокойно отвечает Финн. — Полиции пришлось привлечь дополнительных операторов, чтобы справиться с наплывом звонков. Люди открыто угрожали разделаться с

Уайаттом, если копы его отпустят. А теперь он свободен. Если Уайатт убьет кого-нибудь в этом городе, обороняясь, даже если будет стрелять с собственной постели, это ничего не изменит. Здесь правят не законы, а инстинкты. Как сказал твой напарник, «он разворошил змеиное гнездо».

— Ты же знаешь Расти. Он сам до конца не верит в свое деревенское бахвальство. Может, из обвинений ничего не выйдет.

Однако в душе я знаю, что Расти не так уж не прав. Документалка про Уайатта зажгла спичку. А инцидент с Лиззи плеснул бензина в костер.

Сердце Труманелл сотрясает землю под нашими ногами. Город готов любой ценой перевернуть последнюю страницу этой страшной сказки.

— Ладно, услышала, — говорю я. — Правда. Я поговорю с Расти, чтобы выделил Уайатту какую-нибудь охрану. Но… мы сможем на днях найти время и поговорить? О… прошлой ночи.

Финн не отвечает, и я показываю на крыльцо:

— О ней стоит беспокоиться?

— Я вернулся взять вещи первой необходимости. Тарелки. Кружки. Молоток. Дама подъехала, когда я уже уходил.

Тарелки. Кружки. Молоток.

Я. Бросаю. Тебя.

— Сказала, что у нее дело лично к тебе, — продолжает Финн. — Я остался ждать, потому что она была очень расстроена. Еще минут пятнадцать назад нервно ходила туда-сюда. А когда искала в сумочке жвачку, я углядел пистолет. В этом чертовом штате все женщины носят с собой оружие?

— Как ее зовут?

— Ничего не сказала. Только то, что в чае мало сахара.

Финн забрасывает рюкзак на пассажирское сиденье кабриолета, перекидывает длинную ногу через порог и усаживается за руль.

Он выглядит точь-в-точь как убийственный далласский адвокат, а не как выходец из семьи чикагского сантехника с несколько расистскими взглядами и библиотекарши, любящей Марка Твена. Не мальчик, который водил соседа-аутиста в католическую школу каждое утро, и не парень, который слегка напоминал Джона Красински[38], когда уселся на барный стул в Гайд-парке[39], чтобы пофлиртовать с единственной одноногой

---

[38] Notes: 38

Джон Красински (р. 1979) — американский актер, режиссер, сценарист, муж актрисы Эмили Блант.

[39] Notes: 39

Гайд-парк — район в городе Остин, штат Техас.

девушкой в зале.

Так хочется попросить его остаться! Но у меня нет на это права. Я ему изменила. Поставила на последнее место после Уайатта, папы и Трумэнелл.

Финн заводит мотор и поправляет крутые солнцезащитные очки. Щеки его втянуты, отчего скулы заостряются, а под ними образуются впадинки.

Верный признак: мне не понравится то, что я сейчас услышу.

— Хочешь знать, что мне сказал Уайатт Брэнсон во время нашей поездочки? — Финн смотрит прямо перед собой, сквозь стекло. — Про твои чувства к нему? Не путать горе с любовью. Вину со страстью. Тот еще сукин сын. Но это не означает, что он не прав. Осталось понять, насколько это важно для меня.

26

Девять ступенек крыльца вдруг превращаются в бесконечное восхождение. Сдерживаю слезы, вызванные прощальными словами Финна. В висок будто вколачивают гвоздь в такт клацанью протеза по дереву.

Чем ближе подхожу, тем крепче уверенность,

что я ничего не знаю про женщину на крыльце. Но если она в числе 10,8 миллиона человек, кто в прошлом месяце смотрел «Настоящую историю», значит думает, что обо мне ей известно больше чем достаточно.

И не важно, что журналюга оговаривался, мол, во многом его репортажи поддерживают существующие мифы.

Например, будто каждое седьмое июня — в годовщину исчезновения Труманелл — я вплетаю в волосы полевой цветок, но так, чтобы он не бросался в глаза.

Или что у меня есть особый протез, из которого можно стрелять.

А еще — под Синим домом тайно захоронены негодяи, застреленные местными копами, которые время от времени брали правосудие в свои руки.

Алкоголь все еще плещется внутри, подпитывая злость. Меня внезапно накрывает паника. Что, если эта особа с личиной хрупкой блондинки явилась за Энджел? Местная болельщицкая наклейка говорит об обратном, но нельзя знать наверняка. Она может быть из опеки. Возможно, от нее Энджел и скрывается. Или ее подослали, чтобы вернуть девочку домой.

Я не готова ни к тому, ни к другому.

Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы она приехала по личному делу.

А выпустите мужа из тюрьмы? Не так уж и сильно он меня ударил.

Не могли бы вы убрать запись о вождении в нетрезвом виде из личного дела моего сына? Иначе он не станет выпускником престижного университета в шестом поколении.

А можно отменить запретительное предписание до слушаний по разводу? Я не воровала собаку у мужниной подружки, просто взяла на время.

Добираюсь до верха крыльца, а незнакомка при этом пялится на мою ногу. Я же не могу оторвать взгляда от ее груди, наполовину вывалившейся из майки.

— Не туда смотрите, — говорю я сухо, в свою очередь отводя взгляд. — Чем могу помочь?

— Я просто никогда раньше не видела такого. — Блондинка кивает на мою ногу. — Хотя у моей тети лишний палец на ноге. А у племянницы — три соска.

— Вы серьезно?

Она решительно делает шаг ко мне:

— Серьезнее некуда. Я Гретхен Макбрайд, из автосалона «Макбрайд шевроле». Передайте Уай-

атту Брэнсону: пусть держится подальше от моей дочери или я ему чертовы яйца отстрелю.

* * *

— Для начала выньте руку из сумочки, — приказываю я. — Медленно.

С болью осознаю, что пистолет остался в машине, а крыльцо — бетонное. Не уверена, что смогу ее обезвредить, не покалечив нас обеих.

Кто она? Не мать Лиззи Рэймонд, девочки, в преследовании которой обвинили Уайатта, — с ней я встречалась. Мать подружки, которая шла домой вместе с Лиззи? Пытаюсь вспомнить, какое имя упоминалось в полицейском протоколе. Не получается.

— Простите. — Гретхен опускает руку вдоль тела. — Привычка тянуться к пистолету, когда нервы сдают. Брат говорит, это кончится тем, что меня застрелят или от десяти до двадцати лет дадут.

— Прислушайтесь к брату. Это ваша дочь шла домой с Лиззи Рэймонд?

— Шутите? Я, по-вашему, настолько стара, чтобы быть матерью подростка? Я Гретхен *Макбрайд*, третья жена Мака Макбрайда, владельца салона «Макбрайд шевроле». Мне *тридцать два*. Дочке

девять, она в четвертом классе. Зовут Мартина Макбрайд, как певицу[40]. Муж захотел ее так назвать, потому что я распевала «День независимости» во время секса. Правда, моя Мартина поет как жаба — придется поискать другие способности. В церкви слишком добры и говорят, что у нее низкий альт.

— Уайатт Брэнсон приставал к вашей дочери? Если да, заявите об этом в полиции, а не здесь на крыльце.

— Нет. Пока не приставал. — Гретхен оглядывается по сторонам. — Это личное, как на исповеди. Вы сами сказали: я у вас на крыльце, а не в участке. Это по-дружески. Вон и сладкий чай. Вы ведь никому не расскажете?

Узнаю этот тип людей — она выговорится, что бы я ни сказала. В таких случаях почти всегда лучше промолчать.

Гретхен вздыхает, не замечая, что ремешок сумочки соскальзывает с плеча, и снова опускается на стул.

— Дело в том, что я переспала с Фрэнком, отцом Уайатта. Всего раз — за несколько месяцев до того, как он и его дочь исчезли. На мужа разозли-

---

[40] Notes: 40
Мартина Макбрайд (р. 1966) — американская кантри-певица.

лась. Как обычно, не получила с ним никакого удовольствия. Пошла в бар, а там Фрэнк со своей пиратской повязкой на глазу. Я слышала, что у него хрен о-го-го для его возраста, а муж мой сам хрен ходячий. Я позволила Фрэнку меня угостить. Он рассказал, что лишился глаза на войне, спасая друга, который наступил на мину. Ну и все само собой вышло. Я подумала, что не грешно переспать с настоящим героем, понимаете?

Меня неизменно удивляют люди, которые восхищаются патологическими лгунами.

Фрэнк Брэнсон не был героем войны. А ослеп наполовину в двенадцать лет, когда друг «нечаянно» ткнул ему палкой в глаз.

Многое из того, чем он бахвалился в разговорах, было выдумкой.

Он не был тем братом, что выжил за счет сердца мертворожденной сестры-близнеца. Военные не держали полгода секретную базу НЛО на его сорока акрах. И уж точно не было у него ничего с Рене Зеллвегер[41] в туалете «Уолмарта», когда та навестила свой родной городок Кэти в Техасе.

Гретхен рассеянно рисует сердечко на запотевшем бабушкином кувшине.

---

[41] Notes: 41

Рене Кэтлин Зеллвегер (р. 1969) — популярная американская актриса.

Я завороженно смотрю на ноготь, скользящий по стеклу так чувственно, будто по человеческой коже. На прозрачно-зеленый оттенок кувшина, такой же красивый, как глаз Энджел.

Интересно, ощущает ли бабушка, паря на каком-нибудь облачке, это легкое щекотание? Уже придумала прозвище для Гретхен? *Острый Коготок. Мадам Шевроле.*

— Мне нравятся мужчины со стержнем. — Гретхен резко возвращает меня в реальность. — Знаете вопрос из «Фейсбука»[42] про выбор между спасением двух жизней? Тонут незнакомец и ваша любимая собака. Кого спасете? Если бы рядом не было никого, кроме моего мужа, утонули бы оба. Вы, как коп, спасли бы человека?

— Человека, — подтверждаю я. — Даже если не была бы копом.

— Мне рассказывали, что у вас вся семья такая. Черно-белый взгляд. Высокоморальные. Но можно я скажу кое-что? Ваша нога не делает вас святой. Вы ничем не отличаетесь от меня. Напри-

---

[42] Notes: 42

Относительно упомянутых здесь и ниже «Инстаграма» и «Фейсбука» действующее законодательство РФ обязывает нас указывать, что «деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации».

мер, в душе считаете, что собаки лучше людей. К тому же переспали с представителем того же семейства. Я знаю про вас с Уайаттом Брэнсоном. Ох как трудно устоять перед этими Брэнсонами. Когда я раздела Фрэнка в мотеле, мне было наплевать, один у него глаз или четыре, пятьдесят два ему или восемнадцать.

Я раньше думала, что люди нападают на меня без повода, потому что от моей ноги у них срабатывает «переключатель», запускающий агрессивное поведение. Но за пять лет в полиции поняла: копы просто имеют дело с немалой долей неприятных человеческих особей. Которые, как эта женщина, зачастую оказываются правы. Во всем.

— Вы ведь понимаете, к чему я клоню, — продолжает Гретхен. — Я сделала ДНК-тест. Отец моей дочки — не муж, а Фрэнк Брэнсон. Так что, если его умственно отсталый сынок, который ищет замену своей сестрице, посмеет приблизиться к *моему* дому, это плохо кончится. В общем, передайте ему, чтоб держался подальше. Взамен я намекну, кто, по моему мнению, прикончил Фрэнка Брэнсона и изрубил его на такие мелкие кусочки, что вы их никогда не найдете.

Звучит излишне натуралистично. Гретхен

достает коробочку с коричными леденцами, открывает и протягивает мне. Похоже, мое согласие взять конфетку будет равносильно рукопожатию.

— Держите наводку, — говорит Гретхен. — Расспросите маму Лиззи. Я думаю, ее распирает после документалки. Репортеру не удалось ее расколоть, но вы точно сможете. Не случайно Уайатт Брэнсон приставал к Лиззи, а она — просто призрак Труманелл. За этим скрывается куча дерьма.

Ничего особо ценного в этой информации нет. Все и так знают, что Фрэнк Брэнсон повсюду оставлял свое семя.

В этом городе может быть полно маленьких Фрэнков и Франсин, чья тайна рано или поздно всплывет на сайте по поиску предков или в пьяном разговоре.

Просто о Лиззи судачат больше всех. Дело против Уайатта всегда было кошмаром для стороны обвинения ровно поэтому — нашлась бы куча желающих прострелить Фрэнку Брэнсону оставшийся глаз, кристально-голубой, будто позаимствованный у Брэда Питта, и навсегда прекратить его треп.

Но зачем Труманелл погибать вместе с ним?

Гретхен встает и натягивает юбку на ляжки с варикозной сеткой вен. Какими бы упругими ни были мышцы и замысловатой — татуировка, запоминается только эта синеватая паутина.

— Про Фрэнка всякие ужасы болтают, — говорит Гретхен. — Что он убил жену и ему это сошло с рук. И Труманелл убил и покончил с собой, а сын похоронил их обоих. Или убил Труманелл и унес свою задницу в Мексику. Я знаю одно: Фрэнк был нежным. Даже всплакнул, когда рассказывал, что не может забыть лицо умирающего друга. Если бы Фрэнк воскрес, я бы не задумываясь переспала с ним снова. И спасла бы его, а не любимую собаку.

Длинные синие ногти впиваются в бедро.

Синяя Паучиха. Вот как назвала бы ее бабушка.

27

Машина мадам Шевроле скрывается за поворотом, и я захлопываю дверь.

Со стены прихожей на меня смотрит полицейский, построивший Синий дом в 1892 году. Первый шериф городка висит здесь на почетном месте со дня своей смерти. Мы не родственники, но именно он первым укоризненно глядел на меня, когда я поздно возвращалась домой. И при

этом ухмылялся, будто знал обо мне все.

Не глядя на него, читаю сообщения. Мэгги напоминает, что она ведет Лолу и Энджел в кино и куда-нибудь поесть. Расти спрашивает, можно ли перенести «разговорчик про твоего мальчика» на полночь, потому что дежурит допоздна. Финн два часа назад четыре раза спросил, где меня черти носят. Ну, теперь знает.

Отвечаю Расти, отправляю сердечко Мэгги. Удаляю все сообщения Финна.

Кровать в спальне заправлена безупречно: уголки покрывала подоткнуты под матрас так, как ни один из нас не делал за все пять лет брака. Финн постарался. Вот так после расставания и узнаёшь, на что способен супруг.

В припадке ярости сдираю покрывало, разбрасываю подушки, комкаю простыни. В открытом шкафу — ряд пустых вешалок. Захлопываю дверцу.

Переставляй ботинки по одному. Так отец всегда говорил девочке, которой я когда-то была.

Я скучаю по ее дисциплинированности и мужеству, по тому, как она умела превращать хаос и страх в тихий гул пролетающих над головой самолетов. Просыпалась каждое утро, выбирала жизнь, а не смерть, писала себе наставления на

день. Теперь эти самолеты отбрасывают на землю тени-облака, от которых я не могу убежать.

Тело молит об отдыхе, но я тащусь на кухню. Достаю с полки Бетти Крокер, раскрываю на последней странице и принимаюсь писать так лихорадочно, что перестаю разбирать собственный почерк.

Внизу жирными печатными буквами вывожу: «Не сдавайся».

Резко открываю глаза. Откуда-то доносится отголосок звона, который меня разбудил. Голова тяжелая, соображается плохо, будто я задремала на пять минут.

Тянусь выключить будильник в телефоне, поставленный на 23:30. Но он молчит. Часы поверх фотографии широко улыбающейся Лолы показывают 23:02. Я вырубилась на четыре часа.

Звенел не будильник.

Упала монетка? Звякнули ключи? Пистолетом задели ручку входной двери?

Протез отстегнут.

Паника. Безотчетная. Непрекращающаяся. Дергаю здоровой ногой, но она застряла в простынях, которые мне так хотелось скомкать.

И тут звон раздается снова: громкий и отчетливый. Звонок в дверь. Кто-то нетерпеливо и

настойчиво давит на кнопку. Четыре раза. Шесть. Лучше не Финн. И не Уайатт.

А то прибью.

Высвобождаю здоровую ногу из простыней. Хватаю пистолет с тумбочки. Тянусь за костылями. *Остановись. Подумай.* Опускаюсь на пол и ползу.

Под звук собственного прерывистого дыхания нащупываю протез в темном шкафу. Пристегиваю ногу за рекордно короткое время.

Глазка в двери нет. Из окна крыльцо не видно. Варианта два.

Выскользнуть через заднюю дверь и зайти с тыла.

Или распахнуть парадную дверь с улыбкой и с пистолетом в руке, как делал отец посреди ночи.

Приоткрываю дверь. Тихо. Распахиваю настежь. Фонарь на крыльце с верным постоянством освещает флаг Техаса.

И еще кое-что, прислоненное к белой колонне.

Новая лопата. Лезвием вверх.

На алюминии аккуратно выведено красным уравнение:

70×7

Что это значит?

Стою на крыльце полуодетая, с пистолетом на

изготовку, и понимаю, что ничего хорошего.

28

Мигалки и сирены возле Синего дома.

Новость уже во всех рациях, «Твиттере» и местной мамской группе в «Фейсбуке», которой, по словам Расти, пора поручить отслеживание террористов.

Я позвонила Расти, сообщила про лопату на крыльце, надпись на которой, похоже, сделана кровью, и Расти не стал сдерживаться в выражениях.

— Ты как, нормально? — спросил он уже в третий раз. — Как будто все еще дрожишь. Хотя на улице адское пекло.

— Такое ощущение, что я слишком бурно среагировала на простой пример, который легко решала в уме лет с семи, и лопату, исписанную красным лаком для ногтей.

Мы укрылись под поникшими ветвями старого дуба, занимающего изрядную часть двора; толстые извилистые корни уходят глубоко под фундамент. На одной из верхних веток остался обрывок веревки с узлом от моих детских качелей.

— Все на взводе, Одетта, — говорит Расти. — Дай себе передышку. Честно говоря, мне тоже все это

не нравится. Молодец, что сообщила.

Соседи в спортивных штанах и халатах призрачными парами и тройками бродят по своим участкам. Копы снимают отпечатки пальцев с крыльца, а мимо тянется вереница машин — все глазеют на дом, будто он увешан безвкусной рождественской иллюминацией.

Габриэль с особой тщательностью упаковывает лопату в пакет.

Чуть ли не все копы города вылезли из своих постелей ради меня. Может, стоит взглянуть на Габриэля по-другому? Забыть про заносчивость и про тот раз, когда он чмокнул Труманелл на плакате в губы и расхохотался.

— Правда никаких предположений, кто это оставил? — спрашивает Расти. — Что значит семьдесят на семь?

— Нет, но есть что-то знакомое, будто я должна это знать.

— А число четыреста девяносто тебе ничего не говорит?

— То же ощущение.

— Если бы город не стоял на ушах, я бы подумал, что тебе по-соседски намекают, мол, пора привести двор в порядок. Может, тебе надо скосить лужайку размером семьдесят на семь? Газоно-

косилка-то хоть есть? — Расти затягивается из вейпа — он почему-то уверен, что это безопаснее, чем курить обычные сигареты. — Ребячество какое-то. Но интуиция подсказывает, что это не дети. Есть еще что-нибудь, о чем мне нужно знать?

Прикидываю, насколько драматичным и подробным должен быть ответ. *Я тайно опекаю потерявшуюся одноглазую девочку. От меня ушел муж. Отец солгал про ботинки, испачканные кровью и грязью. Мы с Бетти Крокер и Труманелл регулярно устраиваем девичники.*

Шершавая кора царапает спину.

— Утром был странный звонок. С неизвестного номера. Кто-то рыдал. И произнес имя Труманелл. А может, я не так расслышала и там было «Чтоб твой дом сгорел»… В любом случае рыдания были какими-то… истерическими. Он почти сразу трубку бросил.

— Так это был мужчина?

— Думаю, да.

— Но не уверена?

— Не уверена, — подтверждаю я.

Расти корябает что-то в блокноте, хотя у него самая острая и цепкая память из всех, кого я знаю. Обычно блокнот у него — просто реквизит,

дополнительно нервирующий подозреваемых, ведь на бумаге нет кнопки «удалить».

— Попробуем отследить номер. На личный звонили?

Я киваю.

— Ладно. Что еще происходило?

— У меня была несколько неприятная гостья по имени Гретхен Макбрайд. Знаешь такую?

— Мужа знаю. Мы, скажем так, приятели по охоте на горлиц. Он мне скидку на пикапы, я ему — на штрафы за превышение скорости. И, зная его, чувствую, что скоро он будет искать четвертую миссис Макбрайд. — Расти делает особый акцент на слове «четвертую».

Не улыбаюсь в ответ, как он наверняка ожидал. Не нужно без необходимости вмешивать в дело девятилетнюю малышку. Или заявлять, что у его приятеля, торгующего пикапами, был веский мотив убить Фрэнка Брэнсона, да, я думаю, он и так это знает.

— Миссис Макбрайд просила помочь ей с кое-каким личным делом, — поясняю я. — Вряд ли лопата имеет к ней отношение. Да и оттенки лака она предпочитает нетривиальные.

Расти захлопывает блокнот и кладет авторучку в карман.

— Мы отпустили Уайатта Брэнсона, — говорит он.

— Слышала.

— Шеф решил. Я бы так не сделал. Не ищу того, кто доделает работу за меня. Хочу, чтобы ты это знала. Я верю в закон.

— Принято.

На другом конце двора Габриэль засовывает упакованную лопату в багажник полицейской машины и машет нам рукой.

Формально его начальник — Расти, но сейчас рядом я, и он вопросительно смотрит на меня.

— Похоже, кто-то очень хочет, чтобы ты его простила, — ухмыляется Габриэль. — Семейная ссора?

— О чем ты, черт побери? — угрюмо спрашиваю я.

— Ну же, такая добропорядочная баптистка, как ты, должна знать.

Непонимающе смотрю на него.

— Лопата. Евангелие от Матфея, глава восемнадцатая. Сколько раз прощать ближнему моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? И ответил Иисус: «Не говорю тебе: до семи раз, но до *седмижды семидесяти* раз».

Ну конечно!

Габриэль захлопывает багажник.

— Увидимся в участке, Расти.

— Он, конечно, тот еще баламут, но ум у него острый, — протяжно говорит Расти, выждав, пока Габриэль отъедет от дома.

— Мне он не нравится.

— Ну я так, для полноты картины. Поеду в участок, составлю протокол. Наша беседа все еще в силе, но давай не в участке. Шеф слегка нервничает из-за твоей связи с Уайаттом Брэнсоном. И рад, что ты в отпуске. Встретимся в обычном месте. Через час. Только ты, я и деревья.

Еду по ухабистой дороге в кромешной темноте — вторая поездка в парк за сутки.

Без солнечного сияния пейзаж выглядит совсем по-другому. Бумажный месяц взобрался на черное небо. Детально прорисованные ветви напоминают растопыренные пальцы. Непроглядная темнота вокруг будто бы полна невидимых зрителей, замерших в ожидании.

Расти встал где-то на обочине и выключил фары — хищник в засаде. Не повезет тому, кто по ошибке забредет сюда сегодня, возможно даже мне. Я всегда настороже: неизвестно, что еще Расти выкинет.

В последнее время он регулярно подкидывает

мне подарочки, как кот, что кладет у твоих ног крысу с остекленевшими глазами. Говорит, что это не он, но я-то знаю.

Выдвигаешь из-под стола стул, а там — старая характеристика от психиатра, где Уайатт назван подростком с признаками шизофрении и эмоциональной нестабильности.

Фотография кукурузного стебля, испачканного кровью Труманелл.

Отчет о неопознанном образце ДНК с рубашки Уайатта, в которой он той ночью брел по проселочной дороге в невменяемом состоянии.

Коллаж из таблоидных заголовков: «Брэнсон-Мэнсон!»[43], «Истина где-то рядом!», «Пришельцы похитили еще двоих с техасской фермы!».

Все это — распечатки материалов из официального дела Брэнсона, которое я перечитывала десятки раз с тех пор, как умер папа. Я аккуратно складываю все «подарки» Расти в поваренную книгу Бетти Крокер.

Проезжаю поворот к озеру и попадаю в самую темную часть парка, где деревья сгрудились тесными кучками. Городские власти пытались

---

[43] Notes: 43

Чарльз Мэнсон (1934–2017) — лидер южнокалифорнийской общины «Семья», члены которой в 1969 г. убили беременную киноактрису Шерон Тейт и ее гостей.

установить здесь сенсорные фонари, но их разбивают почти сразу. Мамаша Разрешите прозвала этот участок «Сумеречная зона»[44], и название прижилось. Здесь бродят неприятности, а уборщики парка черпают сюжеты для своих лучших баек.

Кроме жены Расти, только я знаю, почему он так привязан к этому месту.

С недавних пор свет стал врагом Расти: слепящее техасское солнце, безжалостные люминесцентные лампы, вытягивающие признания, резкий свет дальних фар, внезапно появившихся из-за холма.

В участке все так привыкли к Расти в солнцезащитных очках, что обращаются к нему не иначе как Уандер и Малыш Стиви[45].

Зато всякие мрази не могут заглянуть мне в душу.

Так он отвечает на издевки коллег.

Кто считает, что он круче меня, — пусть докажет, протяжно говорит Расти, если насмешки

---

[44] Notes: 44

«Twilight Zone» — американский фантастический телесериал Рода Серлинга, выходивший в 1959–1964 гг. и дважды возобновлявшийся.

[45] Notes: 45

Стиви Уандер (Стивленд Хэрдауэй Моррис, р. 1950) — американский соул-певец, композитор, пианист.

не утихают, но никто не осмеливается ответить.

Я храню секрет Расти. Фотофобия — чувствительность к свету, доходящая до физической боли. Я гуглю симптомы и методы лечения в телефоне и зачитываю Расти во время дежурств. Расти говорит, что врача не надо, само пройдет. А пока что выпивает по четыре рюмки виски перед сном.

Может, виновата эта бесконечная работа вкупе с хроническим недосыпом после незапланированного рождения близнецов в возрасте за сорок.

— Младенцы — единственные звереныши, которые выходят на свет недозрелыми, — ворчал он, когда малышкам исполнилось два месяца. — Им бы еще посидеть в животе. Вон теленок: сразу встал на ноги и пошел. А младенцы только орут и какают.

Может, Расти просто не способен совместить плач своих маленьких дочек в кроватках с рыданиями девочки, которую мы нашли на прошлой неделе, — та стояла на коленях возле застрелившейся матери и теперь всю жизнь будет гадать, как та могла ее бросить, — или с замолчавшей малышкой в автокреслице посреди дороги, после того как в машину врезался пьяный водитель.

«Чудо, что мы все не одноногие», — не раз бормотал Расти в моем присутствии.

Вскоре свет фар выхватывает из темноты патрульную машину. Если бы не неподвижный силуэт за рулем, можно было бы подумать, что ее бросили на обочине. Медленно подкатываюсь сзади и глушу мотор.

Мы оба знаем, о чем будет «разговорчик». Расти считает, что сможет, пока не поздно, убедить меня в виновности Уайатта. Есть что-то трогательно-снисходительное в его вере, что меня можно спасти от себя самой.

Гравий хрустит под ногами. Распахиваю дверцу с пассажирской стороны, где обычно сижу. Расти не поворачивает головы. Сидит не шелохнувшись, хотя играет его любимая застольно-зажигательная песня «Трубадуров»[46] про надежду незаметно проскользнуть в рай, пока дьявол не прочухал, что ты помер.

Очки лежат на приборной панели. На голове — черная форменная бейсболка с крупной белой надписью: «ПОЛИЦИЯ». Веет мускусом и тестостероном. Охотник в поисках добычи.

— Залезай, — бросает Расти.

---

[46] Notes: 46

The Turnpike Troubadours — американская кантри-группа из Оклахомы, основанная в 2005 г.

Куда едем, не говорит, но я и так знаю.

Едва мы подъезжаем к загону, мутноватый свет фар выхватывает из темноты три прижавшихся друг к другу пикапа. Короткая трель сирены — и они заводятся, разворачиваются на месте и, взвизгнув шинами, уносятся прочь.

Красные габаритные огни удаляются в зеркале заднего вида. Догонять нет нужды. Передняя и задняя камеры патрульной машины уже распознали номера.

Наши взгляды прикованы к кое-чему другому — растяжке поперек ворот с надписью большими объемными буквами. Ленты на столбах хлещут по ветру, словно разноцветные плетки. Похоже на самодельный чирлидерский баннер из бумаги, какой команда прорывает перед началом пятничного матча. Вот только на этом поле нет тренера, который вмешается до того, как кого-нибудь убьют.

— Могли бы пооригинальнее что-нибудь придумать, — задумчиво произносит Расти. — Минус балл за правописание. — Он достает из кармана пачку сигарет, припасенную для крайних случаев.

Вглядываюсь в темноту за баннером. Ночь накрыла дом Брэнсонов грязным покрывалом.

Даже на крыльце не мигнет огонек — был бы какой-никакой ориентир.

Если Уайатт дома, он смотрит это кино с дивана: на экране телефона мерцает ночная картинка с камер наблюдения, рука замерла на дробовике, лежащем на коленях, мозг просчитывает варианты действий в ответ на надпись, кричащую: «Сдесь живет убийца!»

Расти вырубает рацию.

— Одетта, знаешь, что Уайатт сказал мне до того, как твой муж велел ему хранить молчание?

За всю дорогу Расти не проронил ни слова — ждал, когда я сама заговорю.

— Мы с Финном не обсуждаем его дела, — сухо говорю я. — А с Уайаттом я больше не разговаривала.

— Он признался, что убил Труманелл.

— Готова поспорить: он этого не говорил.

— Сказал, что это — его вина. Почти признание.

— Уайатт всю жизнь старался защитить сестру, но той ночью не смог. А почему — не помнит. Сколько можно спорить об этом?

— Пока ты не признаешь, что я прав. Я пересмотрел все до единой записи с допросов. По три, по четыре раза. Он ни разу не сказал, что не

помнит. Просто уходит от ответа. Пляшет вокруг да около. Но, Одетта, мне кажется, это скоро кончится. Он вот-вот расколется. В одном мы с тобой сходимся. Труманелл пора похоронить.

Я отстегиваю ремень безопасности.

— Баннер снять поможешь?

— Лучше ошибку исправлю.

Я распахиваю дверцу, сопротивляясь ветру сначала ногой, а потом — всем телом. Ветер на этой голой равнине встает на моем пути, как задира, для которого нет преград. Седьмого июня 2005 года он тоже пытался меня остановить, но не смог, и я удрала от него на машине, бросив Труманелл.

Направляю фонарик на баннер — рукотворное воплощение ненависти.

Размер рассчитан так, чтобы полотно не порвалось при открывании и закрывании ворот. Винил, а не бумага, чтобы надпись не размазалась от дождя. Красная, белая и синяя клейкая лента — в духе правоверных американцев.

Ветер продолжает напирать. *Почему я не ненавижу Расти?* Не заявляю о домогательствах из-за его поведения и подарочков на стуле? Это продолжается уже пять лет, почему я не прошу дать мне другого напарника?

Наоборот, я хочу, чтобы меня прикрывал он, щурящийся от света, полуслепой, регулярно говорящий обидные вещи, думающий, что я вру ему, и знающий, что сам врет мне.

Вытаскиваю нож из-за голенища.

На плечо ложится чья-то рука. Резко оборачиваюсь.

— У нас тут пальнешь, а отдастся где-нибудь, где не надо, — протяжно произносит Расти.

— В смысле?

Он делает еще одну глубокую затяжку и затаптывает окурок.

— В смысле, жизнь длинна и несправедлива. Давай пока не будем трогать надпись. Сперва поднимемся в дом. Убедимся, что приехали не слишком поздно. И что наши рукоделы ограничились плакатом.

29

Земля напирает со всех сторон жадной черной волной, готовой нас поглотить.

В безмолвную ночь кукуруза издает особый, таинственный шелест. Он слышится очень отчетливо, хотя я прекрасно знаю, что позади пустота — Уайатт скашивает поле подчистую уже десять лет.

Расти задевает головой старую подвеску с вилками и ложками вместо колокольчиков, которая висит на крыльце Уайатта, сколько я себя помню, и та издает нестройный напев, как оброненная кем-то флейта.

Мне кажется, будто в моей груди колотится сердце отца — так же, как тогда, когда он стоял на этом самом крыльце, ужасно боясь, что алый отпечаток небольшой ладони на косяке двери — мой. На самом же деле в ту минуту я прощалась с ногой за милю отсюда, а моя кровь рисовала на траве хаотичный узор в духе Джексона Поллока[47], будто меня обстреляли из проезжавшей мимо машины.

— Главное, ты жива, — прошептал папа, склонившись тогда над моей больничной койкой.

Каждый раз, когда я вижу где-нибудь на холодильнике детсадовский рисунок ко Дню благодарения — индейку из обведенной детской ладошки, я невольно представляю Труманелл, схватившуюся за дверь в панике и с трепыхающимся, как у птички, сердцем.

«Сердце колибри совершает тысячу ударов в

[47] Notes: 47

Пол Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, известный своими абстрактными работами и инновационным подходом к живописи, в частности применением капельной техники.

минуту, — сказал Уайатт, прижавшись ухом к моей груди, после того как мы впервые занимались любовью. — А у кита — всего восемь».

— Полиция! Откройте! — Расти барабанит кулаком в дверь в том самом месте, где под слоями белой краски навсегда отпечаталась ладонь Труманелл.

В первый раз я увидела фотографию отпечатка в кабинете отца, среди бумаг, беспорядочно разбросанных на письменном столе. Счет за электричество, старая рождественская открытка с церковью в белых блестках, кровавый отпечаток ладони Труманелл на двери ее дома.

Расти поворачивает ручку и приоткрывает дверь.

— Не заперта, — констатирует он. — Странно?

Мотаю головой. Да он и так знает. В этих краях до сих пор не запирают двери, что бы там ни полыхнуло в остальной Америке. А оружие прячут в коробках из-под тампонов и хлопьев с отрубями, куда не полезут дети: к тому времени, как те до этого додумаются, уже сами будут уметь обращаться с оружием. Если в их жизни и есть ужас, он либо спит с ними в одной постели, либо записан в генах. Скорее всего, они будут хранить его в тайне, пока он не состарится и не умрет. И

уж тогда похоронят его, сопроводив елейными речами.

Расти открывает дверь пошире:

— Уайатт Брэнсон! Полиция! Со мной Одетта. Мы просто проверить. Убедиться, что ты в порядке. Не с целью разборки.

Расти с пистолетом в руке обычно не бывает так многословен.

Никакого ответа. Вилки и ложки теперь издают не мелодичный звон, а скрежет, будто по стеклу водят ржавыми железными когтями.

— Какой план, Одетта?

Прерывистый луч фонарика выхватывает из темноты огненно-красный капот грузовика, припаркованного сзади.

— Тягач здесь, пикап еще на штрафстоянке. Значит, *он* должен быть дома. — Проталкиваюсь мимо Расти в гостиную.

— Уайатт, это Одетта!

Воздух густой и затхлый. Кондиционер не работает. Из вазы, переполненной цветами, тянет гнилью. Распахиваю окно и судорожно вдыхаю свежий воздух.

Если Уайатт не знал, что мы здесь, теперь точно знает.

— Ты как? — спрашивает Расти. — Можем вы-

звать подмогу.

— Не надо. Все нормально.

Нащупываю настольную лампу рядом. Не работает. Выключатель на стене. То же самое.

Расти водит фонариком по гостиной, дивану, на котором недавно лежала Энджел. Луч замирает на стене с цитатами.

— Это еще что за хрень? — Расти перешагивает через пуфик и подходит ближе. — Будто пакет дурацкого печенья с предсказаниями взорвался. Ты видела?

Билли Грэм, Эмили Дикинсон, Будда, Гарри Поттер, Джон Ирвинг, Дейл Карнеги, Платон, Иисус Христос, Игнатиус Дж. Рейли, Снупи, мистер Роджерс[48]*, Александр Солженицын, Шекспир. И* сама *Труманелл.*

Я читала их все.

— Чертова стена в доме серийного убийцы прямиком из сериала про чертовых серийных

---

[48] Notes: 48

Уильям Франклин Грэм (1918–2018) — американский проповедник, служитель баптистской церкви. *Эмили Дикинсон* (1830–1886) — выдающаяся американская поэтесса, чье творчество получило признание лишь в XX в. *Джон Уинслоу Ирвинг* (Джон Уоллас Блант-младший, р. 1942) — американский писатель, сценарист. *Игнатиус Дж. Рейли* — главный герой сатирического романа новоорлеанского писателя Джона Кеннеди Тула «Сговор остолопов», написанного в начале 1960-х гг., опубликованного только в 1980-м и получившего Пулитцеровскую премию. *Мистер Роджерс* — см. с. 71.

убийц, — бормочет Расти. — Скажешь что-нибудь, Одетта? Что это за цитаты?

— Советы по выживанию, — отвечаю я.

Расти срывает одну из полосок. Вздрагиваю, будто она была приклеена к моей коже.

— «Минута ярости сулит годам любви забвенье»[49]. Жаль, не знал, когда первый раз женился. — Клочок бумаги выскальзывает из пальцев Расти.

Он берется за следующий.

Это все равно что отрывать крылья мотыльку. Не представляю, что чувствует Уайатт. Молюсь только, чтобы он не смотрел, не клюнул на приманку.

— «Насилию нечем прикрыться, кроме *лжи*, а ложь может держаться только насилием»[50], — читает Расти. — По мне, так готовое признание.

— Хватит, — шиплю я. — Оставь стену в покое. Коридор — твой.

Луч моего фонарика уже блуждает по углам столовой. В одном из них стоят напольные часы, на которых всегда три часа сорок одна минута.

Труманелл показывала маленькому Уайатту на

---

[49] Notes: 49

Строка из стихотворения «К М.» (1829) Эдгара Аллана По.

[50] Notes: 50

А. Солженицын. Жить не по *лжи* (1974).

пальцах «три-четыре-один» с другого конца комнаты, под столом, в окно. Условный знак означал: *Уходи. Беги. Прячься.*

В навозном хлеву, в опрятной кладовке, где, как на выставке, выстроились баночки с вареньем бабули Пэт, или в этих самых часах.

До трех лет он мог свернуться там калачиком и прикрыть за собой дверцу.

Уайатт рассказал мне об этом на главной ярмарке штата, когда мы сидели в кабинке колеса обозрения, как два голубка в клетке, а только что съеденные жирнющие масляные булочки и сладкий батат на палочке просились наружу.

Бедром натыкаюсь на угол кленового стола — длинного и гладкого, будто крышка гроба. Стулья аккуратно задвинуты под него.

Посередине стола возвышаются два начищенных серебряных подсвечника, напоминающие остроконечные шпили лондонских соборов. Фрэнк Брэнсон любил порядок во всем.

Останавливаюсь у порога кухни. Совсем забыла, что пол здесь накренен — результат того, что земной пласт ворочается во сне. Мы с Уайаттом катали тут стеклянные шарики.

Луч фонарика скользит по сушилке, в которой аккуратно сложены одинокая кофейная кружка

и миска с зигзагообразной трещиной. Миска пострадала во время одной из вспышек гнева Фрэнка Брэнсона. На Труманелл в тот день была чирлидерская форма с большой буквой «Л» от названия команды «Лайонс». Труманелл провинилась тем, что проспала и не успела собрать волосы в пучок. Даже на вечерней игре ее глаза оставались красными и опухшими.

На полке над раковиной аккуратными рядами выстроились коробки с хлопьями. Типичный Уайаттов ужин, чередуются только разновидности: цельнозерновые, изюм с отрубями, пшеничные, фруктовые колечки, диетические, хрустящие кукурузные шарики и любимые хлопья Труманелл — фигурные с зефирками. После смерти бабули Пэт обязанность готовить ужин по будням легла на Труманелл. Так приказал отец.

Молоко в кувшине, подлива в соуснике, булочки в корзинке. И много мяса. На огромной тарелке громоздились куски жаркого из всевозможных видов мяса: свинины, говядины, курятины, оленины, крольчатины. Труманелл звала это блюдо «Погребальным костром».

Она ненавидела мясо, говорила, что съест разве что страуса в отместку тому, который ворвался на ферму Брэнсонов и задрал щенка. У Труманелл

на ноге остался длинный шрам от страусиного когтя — белая полоса на загорелой коже. Я еще думала, что ее можно опознать по этому шраму.

Расти куда-то исчез и замолчал. Древний холодильник в углу поворчал и со звяканьем сбросил кубик льда в лоток. Еще капает вода из крана.

Направляю фонарик на раковину. Она переполнилась — вода беззвучно переливается через край на плотный коврик. Пол блестит, как озеро в лунном свете. И еще на нем монетки. На темном линолеуме поблескивают медяки — десятка два, не меньше.

В отношениях отца Уайатта с монетками было что-то жестокое.

Некогда об этом думать.

Враг Расти — свет, а мой — вода.

Нельзя поскользнуться.

Рывком перемещаюсь к раковине и выкручиваю кран. Сую руку внутрь, чтобы вытащить пробку, и натыкаюсь на что-то мягкое, похожее на губку.

Расти подает признаки жизни — с шумом сдвигает кольца занавески в душевой.

Именно там десять лет назад полиция извлекла из слива шесть прядей волос Труманелл, немного ее крови, частички кожи и щепотку золотистых

блесток.

Уайатт как-то сказал, что это неплохой тайник.

30

Жду, что сейчас раздастся выстрел.

Три секунды. Пять.

— Чисто! — кричу я из-за кухонной двери, отчаянно надеясь, что мне ответят.

— Чисто! — отзывается Расти.

Ни выстрела. Ни Уайатта.

Мы с Расти встречаемся посреди комнаты — откуда и начали. Он кивает на лестницу. Семь ступенек ведут на площадку, а дальше лестница совершает виток.

Последние пять лет я не раз буднично осматривала первый этаж этого дома, но особо не настаивала, чтобы Уайатт пустил меня на второй.

Несколько раз оттуда доносились какие-то звуки. Уайатт всегда находил объяснение. Подобрал бродячую кошку. Канализацию прорвало. Забыл выключить радио. Однажды я оттеснила его и пошла наверх. Я уже стояла на третьей ступеньке, и вдруг сквозь перила второго этажа выглянула растрепанная мохнатая головка.

— В ловушку угодила? — Расти обводит лучом

фонарика мои мокрые ботинки и руку, с которой стекает вода.

Это была ловушка? Что могло произойти, пока я стояла на мокром полу среди разбросанных монеток?

— Просто пытаюсь мыслить как скопище деревенских недоумков, желающих меня прикончить, — продолжает Расти. — Уайатт вырубил электричество. У него явно есть план.

— Мы не знаем, кто вырубил. Если у Уайатта есть план, ты о нем узнаешь только по факту, уж поверь. — Я киваю в сторону кухни. — Кран не закрыт. Раковина переполнилась. На полу — монетки. Честно говоря, не знаю, как все это понимать. Что в душевой?

— Бутыль яблочного шампуня. Подмогу вызываем или нет?

Значит, он хочет, чтобы я решила, показать ли ненавистникам Уайатта очередное светозвуковое шоу. Мы оба знаем: им зайдет все, что бы тут ни нашлось. Уайатт напуган. Уайатт пропал. Уайатт распят. А фото баннера со скандальным текстом разлетится по Сети в негодующих безграмотных перепостах, подготовив почву для вердикта присяжных. *Виновен.*

Сдесь. Живет. Убийца.

Хотелось бы верить, что Расти передает мне контроль, потому что от моего решения у подножия этой лестницы что-то изменится.

На самом деле — ничего.

Те, кто смастерил баннер, уже вовсю постят его фотографии. Данные из полицейского отчета, в котором Уайатт официально обвиняется в преследовании двух девочек, уже утекли тому, кто заплатил за них больше. Завтра же утром репортеры с телефонами слетятся, как жадные осы, к дому Лиззи. Но в этот раз проявят еще больше усердия. Перероют новые и старые выпускные альбомы, сравнивая, одинаково ли Труманелл и Лиззи выполняли чирлидерские акробатические прыжки: «орел с распростертыми крыльями», «классический», «барьерный».

Анимированная реконструкция Лиззиного лица из документалки «Подлинная история Тру» обретет новую жизнь: из нее сделают видеоролик, который появится в бесчисленных репостах в «Фейсбуке» и «Твиттере». Цифровая волшебная палочка снимет карие контактные линзы, вернет натуральный цвет обесцвеченным волосам, сотрет голубые стрелки а-ля «синяки под глазами», уберет несколько килограммов, с которыми Лиззи намеренно не хочет расставаться. И зри-

тели увидят, что Лиззи и Труманелл похожи на две частички одного пазла: чуть большеватый нос, довольно близко посаженные глаза, нижняя губа, будто перманентно опухшая от укуса какого-то вредного насекомого. Несовершенства, в совокупности образующие нечто красивое и самобытное.

Лиззи уже накрепко связана с этой историей, не важно, есть на то основания или нет. Бедняжке не позавидуешь, ведь теперь она — новый символ борьбы. И последний оплот Уайатта.

Направляю ствол на лестницу и киваю Расти:

— Никого звать не будем.

На первой ступеньке я представляю, что Уайатт мертв и шайка пьяных недорослей подвесила его тело к потолочному вентилятору. На второй и третьей думаю, что он затаился на верху лестницы и прислушивается к нашим мерным шагам.

На четвертой и пятой ступеньках задаюсь вопросом, пристрелил бы он меня или нет. На шестой ступеньке решаю, что нет. На седьмой — что да. На восьмой ступеньке мне кажется, что он, конечно, наблюдает за нами, но через телефон — из сарая, одного из своих земляных укрытий или с кровати в мотеле за сотню миль отсюда.

На девятой, десятой и одиннадцатой ступенях

возникает ощущение, что голова вот-вот лопнет от этой тишины.

Лучи фонариков разбегаются по второму этажу, как мыши. Двери заперты, все четыре.

Уайатт начал рисовать карты дома и участка еще в детстве. Со временем он спрятал их в надрезе обивки в своем пикапе. Листки сминались и шуршали, когда мы елозили по кожаному сиденью.

На картах были отмечены все детские укрытия Уайатта: доски, прибитые к деревьям, ямы, выкопанные в поле. Он рассчитывал точное расстояние и время, за которое можно добраться из дома до поля, из сарая до дерева, а для маскировки носил разные рубашки: коричневые, как вспаханная земля, зеленые, как листва, желтые цвета жухлой зимней травы и черные как ночь.

Труманелл же была ярко-красной, розовой или оранжевой точкой, движущейся мишенью, которая сознательно отвлекала внимание на себя.

Однажды вечером Фрэнк Брэнсон демонстративно насыпал из кулака земли в картофельное пюре Уайатта и спросил, кому тот копает могилу в поле: себе или Труманелл. А потом сжег две карты в чугунной сковородке во дворе.

Я рассказала папе про этот страшный случай

слишком поздно — спустя шесть месяцев после того, как исчезла Труманелл, а я осталась без ноги. Я умоляла его простить меня. *Это я виновата. Во всем. Я молчала, потому что боялась, что ты запретишь мне видеться с Уайаттом.*

Никогда не забуду ни долгое молчание отца, ни его краткий ответ.

— Твоя хромота — просто привычка. Все у тебя в голове, — сказал он и, уходя, хлопнул дверью.

Отец умел быть жестоким.

Но хромоты больше нет.

Я берусь за ручку двери в комнату Труманелл.

31

На старых фотографиях с места преступления стены в этой комнате были цвета морской волны. Труманелл втайне от отца копила деньги на первую в жизни поездку на побережье, в Галвестон[51].

Щелкаю выключателем на стене.

Он неожиданно срабатывает, и я в растерянности моргаю от ослепительного света. Расти, укрывшийся за моей спиной, уже напялил очки.

---

[51] Notes: 51

Галвестон — остров-курорт и пляж на побережье Мексиканского залива в Техасе.

— Да будет свет, — бурчит он. — Черт побери этого ублюдка с его играми.

Он уже в коридоре: щелкает выключателями, пинком распахивает двери, отдергивает занавеску в другом душе.

Осматриваю комнату, будто в замедленной съемке. Двуспальная кровать со смятыми простынями в цветочек, на полу «Сборник лучших мировых афоризмов», на тумбочке — полупустой стакан воды. В воздухе витает резкий цитрусовый аромат: либо дешевые духи, либо хороший освежитель.

Дверь чулана. Закрыта. Держу ее на прицеле, одновременно продолжая осмотр.

На фотографиях, сделанных 7 июня 2005 года, эти стены не были голыми. На крючках висели ожерелья и медали с соревнований. Фото Келли Кларксон[52] с автографом. Наградной школьный бант-перевязь с надписью «Вперед, „Лайонс“!», украшенный крошечными бубенчиками и желто-черными лентами, на одной из которых золотистыми блестками было тщательно выложено имя Труманелл вплоть до последней «л».

По периметру потолка — гирлянда с крошеч-

---

[52] Notes: 52

Келли Кларксон (р. 1982) — американская певица, актриса и телеведущая.

ными огоньками. С двери свисает розовая ночная сорочка с надписью: «Сладких снов».

В корзине в углу — два чирлидерских помпона: желтый и черный. На кровати — старый лоскутный плед с замысловатым узором, работы бабули Пэт, и огромная розовая подушка из искусственного меха. Учебник по математике с курсов в местном колледже. Голубая расческа в роли закладки на шестьдесят второй странице «Талантливого мистера Рипли»[53].

Корона школьной королевы красоты.

Двести восемь шпилек для волос.

Простыня на резинке с пятном от малинового варенья.

Я множество раз перечитывала список изъятых отсюда предметов.

Это была красивая комната. Нормальная. При всей своей жестокости Фрэнк Брэнсон позволил дочери иметь свое убежище.

Комната исчезла вместе с Труманелл. Теперь стены белые и почти пустые. Над кроватью — единственная картина. Раньше она висела внизу в холле.

---

[53] Notes: 53

«Талантливый мистер Рипли» (1955) — первый в цикле из пяти детективных романов американской писательницы Патриции Хайсмит, неоднократно экранизированный.

Это репродукция самой известной работы Эндрю Уайета[54]: женщина, ползущая от подножия холма до старой серой фермы, не слишком отличающейся от этого дома. «Мир Кристины» — ода реально существовавшей музе художника, которая была парализована, но отказалась от инвалидного кресла и передвигалась ползком.

Теперь меня бросает в дрожь от этой картины. Я вижу то, чего не замечала в шестнадцать. Олицетворение. Себя — в искалеченных ногах и силе духа. Труманелл — в туго стянутых волосах и тоске во взгляде.

Я вижу красоту *и* несвободу.

Эндрю Уайет позже говорил, что задавался вопросом: не лучше ли изобразить поле пустым, так чтобы присутствие Кристины лишь ощущалось. Теперь я понимаю, что он имел в виду. Труманелл — повсюду в этой комнате.

Пистолет по-прежнему направлен на дверцу чулана. А взгляд прикован к кровати.

Фрэнк Брэнсон приставлял стул к детским кроватям и сидел так часами. С ним всегда был особый запах, но не противный: виски, хлев, листья мяты, которые он любил жевать. Труманелл

---

[54] Notes: 54

Эндрю Уайет (1917–2009) — американский художник, в основном изображавший провинциальный быт и американскую природу.

с Уайаттом засекали, сколько этот запах держится в воздухе, чтобы знать, что отец ушел и можно открыть глаза.

Сдерживаю слезы. *Два ребенка.* Обмениваются условными знаками в темноте без единого звука: в кроватях, под скрипучим крыльцом, на проклятом поле. Два солдатика.

— Одетта… — Расти за спиной дышит так тяжело, что выдох колышет прядь волос у меня на щеке. — Наверху чисто. Знаешь, где щиток? В доме? На чердаке? В подвале? Снаружи? — Он сжимает мне руку. — *Одетта.* Все нормально? Да что с тобой? — Потом замечает, куда я целюсь. — *Чулан проверила?*

Я мотаю головой. Дело плохо.

Мы уже не раз оказывались в такой ситуации. Закрытая дверь. За ней — неизвестность. Однажды там оказался дробовик. Выстрел пробил в стене дыру размером с футбольный мяч, посек штукатурку на стене, задел мне плечо, а Расти — бедро.

Расти предпочитает двери, разнесенные в щепки. Как-то ночью, за барной стойкой, мы поделились друг с другом своими худшими страхами. Я думала, для него кошмар связан со службой в Ираке, а это оказался коридор с беско-

нечным рядом дверей, которые он распахивает пинком одну за другой.

Расти не терпится открыть чулан. Он подкрадывается к дверце сбоку и останавливается в шаге от нее.

— Уайатт, ты тут? Это Расти. С Одеттой, — говорит он спокойным, вкрадчивым голосом. — Мы оба здесь в официальном качестве. Пожалуйста, медленно открой дверь. Просто хотим убедиться, что с тобой все в порядке. Проблем нам не надо.

Слова правильные. Но я им не верю. Уайатт тоже не поверил бы.

— Расти… — шиплю я. — Подожди.

Его глаз не видно за очками, но я знаю.

Ждать он не станет.

Расти впечатывает ботинок в дверцу.

Чулан пуст.

Расти уже внутри, на коленях — осматривает ручку на задней стенке. Дверца в технический лаз наглухо заколочена. Пистолет уже в кобуре, в руке — нож. Расти не упустит шанса.

Что-то изменилось. *Забудь про Уайатта. Найди Труманелл.*

Возглас и треск оторванной доски.

Мне нужно было выбраться из дома. На воздух.

Над ранчо светлеет серо-оранжевое небо. Все

кажется призрачным и нереальным, будто повторяется рассвет 7 июня 2005 года.

Полицейские стройными рядами прочесывают поле. Выносят коробки и сундуки из дома и грузят их в белые фургоны. Расти вызвал все свободные патрульные экипажи в округе, и они примчались с воем сирен, перебудив в такую рань всех, кто живет в радиусе пятидесяти миль.

Лаз, в который вела дверца, оказался забит под завязку. Пластмассовые контейнеры с надписью «Труманелл». Коробки с пометкой «Папаша». Сундук бабули Пэт. Черные мусорные пакеты с неизвестным содержимым.

Всего один рубильник в шкафу прихожей включил свет на всем первом этаже.

— Может, там полная ерунда, а может, стоящая находка, — сказал Расти первым прибывшим копам. — И как только в прошлый раз тайник умудрились не заметить?

В кухонной раковине размораживалась курица в пакете.

Расти считает, что Уайатт сбежал, хотя ему это запретили. А я не так уж уверена, потому что знаю про ямы и закутки, которые он, как да Винчи, рисовал с шестилетнего возраста.

Расти на крыльце то указывает, что куда нести,

то затягивается вейпом. Я жду, прислонившись к патрульной машине, и иногда он поглядывает на меня как на заболевшего ребенка, которого пришлось тащить с собой на работу.

Каждая затяжка ядовитым паром злит меня все сильнее. Расти неторопливо подходит ко мне — глаза скрыты за двумя зеркальными линзами, на губах играет победная улыбка.

— Полегчало? — спрашивает он.

Я выхватываю у него электронную сигарету и швыряю через весь газон.

— Вроде умный, а ведешь себя как дурак! Разве не ты сам постоянно твердишь, мол, убивает то, что прикидывается безопасным? Исследования читаешь? Новости смотришь? Эта твоя новая привычка — ложь, как и все, что вылетает из твоего рта в последнее время.

— Вейп пятьдесят баксов стоит. Мне его любимая жена подарила, — лениво и невозмутимо отвечает Расти.

Не хочет портить свой прекрасно срежиссированный миг триумфа в деле Брэнсона. Многочисленные носильщики коробок уже поглядывают на нас с любопытством.

— Финну и его коллегам все это не понравится. — Я машу рукой в сторону дома. — Они скажут,

что это незаконный обыск и самовольное изъятие имущества, мол, полиция не может вытаскивать вещи Уайатта, потому что у нас изначально не было права входить в дом. Все, что обнаружится в этих коробках, судья, скорее всего, отклонит.

— Шеф дал добро. Габриэль привез подписанный ордер на обыск. Ты же рядом стояла.

— Ничего не выйдет.

— Что-то я не слышал от тебя таких четких заявлений, когда ты на лестнице гадала, не попал ли твой дружок в беду. И когда мы вглядывались в дыру, которую я расковырял, и думали: а вдруг там вовсе не гнездо с мертвыми бельчатами? — Расти достает из кармана пачку «Мальборо» и, увидев, что она пустая, с яростью ее сминает.

Сам тоже ни в чем не уверен.

— Почему ты себя все время наказываешь? — спрашивает он. — Тревожишься из-за него? Потому что он твой первый мужчина? Или у него *есть* что-то на тебя? Скажи мне; я унесу тайну с собой в могилу, и покончим с этим делом *вместе*. Мы…

— Это ты лазил в мой рабочий стол? — перебиваю я. — В запертый нижний ящик?

— Ты о чем?

— Взял из отцовского стола что-то связанное с

Труманелл?

— Нет, Одетта, я этого не делал. Но теперь мне любопытно. У тебя есть улики по делу Брэнсона, о которых я не знаю? Твой отец что-то утаил?

За шторой в окне Труманелл сливаются тени.

— Ты ошибаешься насчет меня, — тихо говорю я. — Насчет всего.

— Я скажу тебе, в чем точно не ошибаюсь, Одетта. Ты, как и твой отец, придумываешь свои правила. Каждый раз, когда мне кажется, что мы — команда, просто взгляды у нас разные, ты выкидываешь что-нибудь этакое. Я попросил Габриэля собрать те монетки на кухне, и знаешь, что он ответил? Что там *нет* никаких монеток. Вот и думай — ты про них солгала? Или сказала, что тебе нужно на воздух, а сама пошла туда и забрала их? И в любом случае мне приходится спросить себя: «Зачем?»

— Тебе нужен другой напарник, Расти?

— Нет, Одетта. Только правда. И вейп, чтоб убивать себя таким способом, каким, я, черт подери, захочу.

— Для тебя все шуточки. — Я сажусь в патрульную машину и завожу мотор. — Облегчу тебе задачу.

— Не уходи вот так. — Расти нависает над от-

крытым окном, держась за дверцу.

От него несет усталостью и потом после тяжелой ночи.

К глазам подступают слезы. Мне вдруг хочется облегчить душу. Рассказать про все.

Укрытия Уайатта.

Одноглазую беглянку, которой очень нужна наша помощь.

Очень грязные ботинки, которые хранил отец.

Настойчивость Расти и беспокойство на его лице разрывают сердце.

Я *почти что* верю ему.

32

Стрелка спидометра приближается к максимуму, папин ключ жжет шею. Темнота льется сквозь лобовое стекло.

Я ненавижу не Расти. А этот проклятый город. Он лишил меня ноги. Забрал Труманелл. Еще в детстве искалечил меня морально.

Мне было шесть, когда на крыльце Синего дома появилась кукла, до ужаса похожая на меня. Волосы, собранные в длинный хвост. Пухлые ножки.

Одна кукла — странно. Одиннадцать — жутко. Столько их обнаружилось в тот день. Кукла Мэгги с веснушками, как у нее самой, сидела на дереве

перед домом.

Куклу Труманелл привязали коричневой шерстяной ниткой к ограде пастбища на ранчо Брэнсона.

Я случайно услышала, как папа сказал: «Серийный преследователь». И еще подумала, что это как-то связано с сериалами и у нас в кустах сидит какой-нибудь известный актер.

Спустя два дня мой дядя-пастор отвез всех девочек, получивших куклу-сюрприз, в деревянный домик на окраине. Оказалось, что пожилая прихожанка, у которой была обширная коллекция кукол, хотела как-то порадовать маленьких жительниц города, пока жива.

Она налила нам в бумажные стаканчики виноградного напитка, разведенного из порошка, и раздала по четыре залежалых ванильных вафельки. Мы сидели кругом в гостиной, а дядя нас «утихомиривал». Говорил, что бесам некогда вселяться в кукол с косичками, потому что они заняты людьми.

На том «собрании» я сделала два вывода.

Ванильные вафли на вкус как картон.

Дьявол следит за мной.

К черту дядю с его проповедями. И отца с его секретами. Кулон, обычно такой холодный, жжет

огнем. Срываю с себя цепочку, опускаю стекло и вышвыриваю ее в ночь.

Экран телефона загорался раз десять с тех пор, как я рванула с места на ранчо, обдав Расти дорожной пылью. Аккуратно паркуюсь за своим пикапом в рощице парка.

Какой-то любитель утренних пробежек возникает из «Сумеречной зоны», окутанной серой рассветной дымкой, и нерешительно машет мне рукой в знак приветствия. Натянуто улыбаюсь, запираю патрульную машину и иду к пикапу. Когда люди наконец усвоят, что бродить в одиночку на рассвете опаснее, чем толпой — ночью? Детсадовское правило *держитесь парами* стоит запомнить на всю жизнь.

Подстраиваю зеркало дальнего вида, поглядывая на удаляющегося бегуна: надеюсь, он будет держаться центральной дороги. Включаю первую передачу. Еще совсем рано, но в доме, где есть голодный младенец, уже можно появиться.

Мне все еще больно. Чувства противоречивые. Я не готова перезванивать. *Если рассказать Расти про Энджел, поможет он спасти ее или запишет в сопутствующие потери? Если выложить все, что я знаю и чувствую насчет Уайатта, посмотрит он на ситуацию шире или его взгляд*

так и останется зашоренным? А если показать тайный альбом с аппликациями из блесток и крови, проявит понимание или не сможет смотреть на меня прежними глазами?

Расти способен повести себя и так и этак.

Одним из наших первых совместных расследований стало дело учительницы математики, которую обвиняли в связи с шестнадцатилетним учеником. Мать парня нашла у него под матрасом презервативы и селфи, на котором он пальцами с обгрызенными ногтями обхватывает грудь учительницы.

На допросе та, заливаясь слезами, рассказала, что парень изнасиловал ее на кухне школьной столовой после уроков. А фото угрожал распространить, если она кому-нибудь расскажет. По ее словам, он приставил кухонный нож к ее животу и велел улыбаться.

Тому не было ни единого доказательства. Она и раньше изменяла мужу, а после этого инцидента он подал на развод. В ее телефоне нашлось еще шесть снимков, присланных парнем, который помнил ее номер наизусть. На фоне — бесполезная муть.

Именно Расти решил привезти парня в участок и еще раз с ним поговорить. Выложил на стол

увеличенную фотографию, где они вдвоем. Я едва удержалась, чтобы ее не перевернуть.

— Тут не разглядеть, но ходят слухи, что у твоей учительницы татуировка на ягодице, — сказал Расти парню. — В виде лошади. Это правда? Меня мама учила, что татуировки только у шлюх. Женишься на такой, она станет изменять и разобьет тебе сердце. А вот для развлечений девчонки с тату — самое то.

Парень ухмыльнулся, явно попавшись на удочку:

— Ага, с лошадью. Точно. Мамаши вечно из-за всего заводятся. Это ее заморочки. Не мои.

— А отец? У него ведь есть лошади, верно?

— Ага. В основном пегие. И несколько арабских скакунов.

— Значит, лошадей с мифическими существами ты не спутаешь?

— С мифо… чем?

— Короче, сынок, — сказал Расти. — Там не лошадь, а единорог. Фиолетовый, с большим рогом на голове. Я, когда занимаюсь любовью, обращаю внимание на детали. А вот ты, похоже, нет. Так мне стоит волноваться? Я не смогу тебя защитить, если будешь врать.

— Но вы же сами сказали, что лошадь.

— Кажется, это ты сказал. Верно, Одетта?

Еще двадцать минут в том же духе — и парень сознался, что подкараулил учительницу у автомата с едой. Знал, что по средам во время большой перемены между 16:15 и 16:30 она покупает пакетик сырных крекеров и диетическую колу.

Он заткнул ей рот своим грязным носком. Прихватил нож с прилавка буфета и затащил учительницу в кладовку, где заранее отодвинул большой ящик с сыром. И нисколько не сомневался, что она наслаждалась каждой минутой процесса.

Жуткое дело — добиваться признания с помощью фото, сделанного во время изнасилования.

Оказалось, на теле учительницы не было ни одной татуировки.

Методы у Расти отвратные, но он видел, где правда, а я — нет.

На подъезде к дому Мэгги уже слышится шум молотков. Вокруг с удвоенной скоростью растут остовы новых домов, налепленных почти впритык друг к другу.

Скрывать тайную жизнь Мэгги станет все труднее. Новые соседи заметят фургоны ремонтников, маленькую дочку, привыкшую справлять естественные потребности на заднем дворе, вереницу

незнакомок, выходящих из дома в любое время дня и ночи с перевязанными ранами и в новой одежде.

Ненадолго погружаюсь в умиротворяющую картинку просыпающегося дома: малышка сосет грудь, Энджел и Лола уютно свернулись калачиком, на экране телевизора мельтешат мультики.

У моего напарника тоже дома маленькие дети.

Решение принято.

Я перезвоню Расти, скажу, что со мной все в порядке. Первым делом сообщу, что оставила патрульную машину у озера.

Просматриваю пропущенные звонки.

От Расти — ни одного.

Зато двенадцать звонков подряд с другого номера.

33

— У меня совпадение по ДНК с бутылки. — Доктор Камила Перес сразу берет трубку и, не тратя времени на приветствия, переходит к делу. — Образец попался идеальный. База выдала совпадение с неким Кристофером Коко. Могу сказать с высокой степенью уверенности, что образец ДНК принадлежит его дочери.

Мозг лихорадочно работает. *Камила нашла*

отца Энджел.

— Человек он нехороший, — мрачно продолжает Камила. — Осужден за непредумышленное убийство. Отправлен в Бигмак.

— Бигмак, — повторяю я.

— Тюрьма строгого режима в Оклахоме. Для самых отъявленных негодяев. Но это было несколько лет назад. Его три недели как выпустили. Извини, что звоню в такую рань, но я решила не ждать. Слишком явное совпадение — ты даешь мне ДНК дочери убийцы, который только что вышел из тюрьмы.

В двадцати шагах от меня дом Мэгги, за дверью которого кипит жизнь.

Милая картинка окрашивается в кроваво-красный цвет. Стук молотков по крышам начинает казаться клацающими шагами маньяка.

— Одетта, ты меня слышала? Очень шумно. Будто град идет.

— Слышала, — выдыхаю я. — Очень благодарна за звонок. Мне надо идти.

Отец Энджел — убийца.

Пытаюсь вспомнить, когда Мэгги прислала последнее сообщение.

Нащупываю пистолет.

— Что, черт побери, происходит, Одетта? Ты спятила? — Полуодетая Мэгги с ребенком на руках следует за мной по коридору.

— Где Род? — нетерпеливо спрашиваю я. — Лола? Энджел?

— Род в больнице, заканчивает дежурство. Девочки еще спят. Что происходит?

— Мне надо увидеть их. Девочек.

— Пистолет убери! — шипит Мэгги. — Нет здесь того, что тебе кажется. Система безопасности бдит круглосуточно. Знаешь ведь, что я фанатично к этому отношусь.

Я уже приоткрываю дверь в комнату Лолы. В глаза бьет фиолетовый цвет. Фиолетовое все: стены, коврики, мягкие игрушки, даже ночная рубашка с изображением диснеевской Золушки, задравшаяся до подгузника. Лола лежит попкой вверх, палец во рту. Спит.

Как можно тише затворяю дверь.

— Видишь? — Мэгги пересаживает малышку на другое бедро. — Давай сделаем кофе. И ты расскажешь, что, черт побери, с тобой происходит. Это из-за Уайатта? Я видела сегодня утром в «Твиттере», что его выпустили. Ты где пропадала? Я просила тебя поспать. Похоже, ты не послушалась.

— Мне нужно увидеть Энджел. — Просьба звучит как мольба. — Своими глазами.

— Хорошо, хорошо. — Мэгги протискивается вперед и тихонько стучит в дверь напротив. Не дождавшись ответа, поворачивает ручку, слегка приоткрывает дверь и шепчет: — Энджел? Прости, что беспокою. Просто проверяю.

Ответа нет.

Резко обхожу ее и распахиваю дверь. Кровать пуста, одеяло смято. Жалюзи раздвинуты до упора. Дверь в смежную ванную закрыта.

Замираем на несколько секунд; мой пистолет направлен на ковер.

За дверью ванной раздается звук смыва, затем шум воды в раковине.

— Туда тоже ворвешься? — спрашивает Мэгги.

— Нет, все нормально. — Я убираю пистолет в кобуру. — Где твой ноут?

Нагуглить несколько статей о Кристофере Коко несложно — он застрелил свою бывшую подругу тридцати двух лет в трейлерном парке под Норманом, штат Оклахома.

Затяжная погоня. Быстрое обвинение. Отвратительная сделка со следствием.

Никаких упоминаний о дочери: с одним глазом или с двумя, его, ее или общей. Непонятно, рас-

стались ли они после многолетних отношений или всего через несколько месяцев после знакомства. Ни слова об освобождении, потому что его жертва, Джорджия Кокс, стерлась из памяти, превратившись в одну из трех женщин, которые ежедневно гибнут в Америке от рук партнера.

— Сколько лет было Энджел, когда его посадили? Девять, десять? — прикидывает Мэгги вслух. — Возможно, она его даже не знает. Тут говорится, что у него уже была судимость за посягательство сексуального характера. Возможно, Энджел — случайный ребенок, о существовании которого он не подозревает. Может, это просто совпадение, что его выпустили именно сейчас. Не стоит так себя накручивать, пока не узнаем наверняка, что она в бегах из-за него. Даже если он ее ищет, может, просто хочет наладить контакт.

— Мэгги, не могу поверить, что ты так легкомысленно к этому относишься. Мы же обе понимаем: скорее всего, она прекрасно знает, кто ее отец. А если вдруг нет — должна узнать. Мне надо поговорить с Энджел, Мэгги. Не только ради ее безопасности. Но и ради твоей. И детей. Она не может здесь оставаться, если есть хотя бы малейшая вероятность, что он ее ищет, пусть даже чтобы сказать: «Прости, что застрелил твою

маму из дробовика».

— Так, пожалуйста, сделай глубокий вдох. Ты только что ворвалась в мой дом с пистолетом. Я еще в себя прихожу. Я не в состоянии в такую рань думать, что под окнами моих дочерей шляется убийца. Давай на минутку забудем про Энджел и ее проблемы. — Мэгги ставит на кухонный стол кружку и наливает мне кофе. — Что там с Уайаттом? Хочу услышать от тебя. — Пытается снизить градус накала.

Мне тоже стоит постараться.

— Он… пропал, — осторожно говорю я. — Вчера мы с Расти заехали на ранчо проверить, все ли в порядке. У ворот стояли все те же придурки. Баннер повесили. После того как они снялись с места, мы решили осмотреть дом. Уайатт не открыл. Я решила войти. А дальше ситуация вышла из-под контроля. Когда я уезжала, по меньшей мере тридцать копов еще прочесывали территорию. И теперь думаю, не подставил ли меня Расти. Может, это часть грандиозного плана, как снова попасть в дом?

— Боишься того, что там найдут?

— Я больше боюсь того, что мы уже нашли. Дом пуст, в раковине размораживается курица. Будто Уайатт не по своей воле ушел.

— Не знаю, как еще яснее выразиться, — медленно произносит Мэгги. — *Забудь Уайатта*. Спасай свой брак. Закончи учебу. Поднимись на чертов Эверест.

— Труманелл тоже забыть? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да. Труманелл — поезд, сошедший с рельсов. Стань скалой на ее пути. Сдержи эту ярость. Отпусти с миром.

– *Стать скалой. Отпустить с миром.* Прямо как в напыщенных проповедях твоего отца.

Мэгги перекладывает малышку к другой груди и помогает ей захватить сосок.

— Ты уже потратила целых десять лет своей жизни на этот удушливый кошмар. Это не ситуация, это *ты* вышла из-под контроля. Тебя оставил муж. Ты переспала с человеком, который в лучшем случае душевнобольной, а в худшем — психопат-убийца. Замыкаешься в себе и не рассказываешь мне самого важного, хотя обычно я знаю, какой протеиновый батончик ты ела на завтрак: ванильный или с арахисовой пастой. А про лопату с кровавой надписью я вообще узнала из «Твиттера»!

— Это была не кровь. А откуда ты узнала… про Уайатта? Финн сказал?

— Мы говорили вчера вечером. Думаю, у тебя еще есть шанс. Но, как говорит мой отец в своих *напыщенных проповедях*, дверь в рай приоткрыта, а ветер дует.

— Я думала, это про ад. И непонятно, ветер распахнет дверь или захлопнет.

По лицу Мэгги видно, что попытка пошутить не удалась.

— Мэгги, послушай, мне просто нужно еще немного времени. Разгадка близко. Я чувствую.

Сочувствие в глазах сестры выбивает меня из равновесия. Она тянется через стол и накрывает мою руку ладонью.

— С Труманелл надежда появляется перед каждым новым поворотом на этом извилистом пути. Ты никогда не думала, что знание может быть гораздо хуже неведения? В любом случае не будет ни достойного завершения, ни особого божественного прощения. Вот что ты сделаешь? Устроишь пикник на кладбище? Погладишь могилку и скажешь, мол, теперь все хорошо? *Хорошо уже никогда не будет.*

Малышка начинает беспокоиться, чувствуя мамино напряжение.

— Вот уж от тебя я никак не ожидала услышать, что установить истину ради памяти погибшей

девушки — не достойное завершение, — тихо говорю я.

— Ты не остановишься?

— Нет.

— В таком случае ты можешь навлечь на нас еще большую опасность, чем Энджел.

Культя начинает ныть.

— Я думала… мы во всем… заодно, — запинаясь, выдавливаю я. — Вместе защищаем Уайатта. Ищем Труманелл. Помогаем девочкам. Противостоим идиотским представлениям этого городка о Боге и дьяволе. *Отбиваемся от проклятых летучих мышей.*

Сразу жалею о последних словах. Мэгги ничего мне не должна. Я спасла бы ее еще сто раз. Тысячу.

— Я не могу больше на это смотреть, Одетта. Быть твоей скалой. Отец говорит, я должна сделать все возможное, чтобы спасти тебя от этой одержимости. Он не вынесет, если я тоже пойду ко дну. Род считает, что нужно передать Энджел в органы опеки. Пока ты тянешь время, она в опасности.

Малышка разражается громким плачем. Мэгги смотрит не на меня, а на дверь за моей спиной. Захлопывает крышку ноутбука.

Оборачиваюсь. Слишком поздно. Энджел все видела.

34

Крик малышки достигает невообразимо высоких нот. В нескольких домах от нас что-то глухо ударяется о землю.

Мужские крики. Балка, глыба бетона, человек?.. Не имеет значения. Важно только то, что происходит в этом доме. За спиной Энджел в дверном проеме жмется Лола — розовощекая, сонная, уши заткнуты пальчиками.

— Пойду подгузник поменяю. А ты посмотри, что там снаружи происходит. — Мэгги перекладывает Беатрис на плечо и протягивает руку Лоле. — Пойдем, Ло. Оставим Энджел и тетю Оди одних на минутку.

На лице Мэгги написано: «Не подведи меня».

— Подвинь сюда стул, Энджел, — мягко предлагаю я, похлопав по столу рядом с собой.

Энджел мотает головой и усаживается напротив, на место Мэгги.

— Пожалуйста, помоги мне защитить тебя. И всех в этом доме, — тихо прошу я. Потом медленно открываю крышку ноутбука и поворачиваю его экраном к Энджел. — Это от него ты прячешься?

На мгновение Энджел застывает, завороженно глядя на заголовок: *По словам соседей, она была доброй женщиной, которая любила готовить*. Вся жизнь в одной фразе. Взгляд Энджел опускается к мутной фотографии мужчины с темной щетиной и смиренной улыбкой.

Она резко поворачивает экран обратно. Взгляд одинаковых глаз абсолютно непроницаем.

— Пить хочешь? — Не дожидаясь кивка, подхожу к холодильнику, наливаю стакан апельсинового сока и ставлю перед ней.

Я вижу ее шрамы так отчетливо, будто свои собственные. Шрам на лице, закрытый протезом, похожим на драгоценный камень. Шрам в горле, не дающий сказать ни слова. Шрам на сердце.

Сажусь на место, закрываю ноутбук и убираю его на пол. Энджел подносит стакан к губам.

— Когда ты лишилась глаза? В детстве?

Глупый вопрос. Она все еще ребенок.

— Мне ногу ампутировали в шестнадцать, — выпаливаю я. — Авария… Меня долго не могли найти. Ты тоже была одна, когда потеряла глаз? Человек с фотографии был там?

Никакой реакции.

Я слишком давлю на нее, делаю все не так, не по правилам.

Потому что времени нет.

— Если честно, по ночам я часто думаю: кто я? Смогу ли когда-нибудь избавиться от пустоты внутри? — говорю я наконец. — Мама умерла от рака до того, как я потеряла ногу. У меня были непростые отношения с отцом, который убивал людей, прикрываясь полицейским значком. И называл это «властью, данной Богом». В последний раз мы с ним виделись незадолго до его смерти, и я на него накричала. Сказала, что не узна́ю его. А он совсем не знает, какая *я*. Ушла в свою комнату и хлопнула дверью. Когда проснулась утром, он уже уехал на службу. Я собрала вещи, позвонила Мэгги, чтобы она отвезла меня в аэропорт, и уехала в колледж раньше времени. Спустя три недели отец умер. До этого мы поговорили всего раз — насчет какой-то бумажной волокиты со стипендией. Я бросила трубку. — Я достаю рюкзак из-под стула и расстегиваю передний карман. — Это письмо нашлось уже после его смерти. Сразу после нашей ссоры он засунул его в книгу, которую я читала, — на ту же страницу, где была закладка. Видимо, решил, что так я сразу его увижу. Но книжка оказалась скучная. Целых три недели он думал, что я прочла письмо и молчу. А все из-за скучной книги. Я так и не простила

автора. Я переставляю его творения корешками внутрь в книжных магазинах. Краду в библиотеке и выбрасываю в мусор. Ты вот смеешься, а это правда. — Я достаю бумажный квадратик с потертыми краями. — Пусть у тебя хранится то, что отец написал обо мне. Потому что каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу себя. Такой, какой я хотела бы быть. — Я кладу письмо на стол между нами. — Ты знала, что отец Мэгги — мой дядя и священник? Когда я была маленькой, он в своих проповедях постоянно говорил, что все предопределено. И я думала: зачем быть хорошей и прилежной, если Бог уже решил, куда я попаду: в ад или в рай? Я могла час играть в такую игру с бананом: то возьму его в руки, то отложу, размышляя, стоит ли откусить кусочек. А когда наконец решалась, то гадала: предвидел ли Бог такой исход? Целый час, потраченный впустую, Энджел. Лучше бы пачку чипсов съела или потанцевала под дождем. Я не верю, что все предопределено, Энджел. Мы сами решаем, спустить курок или нет. Так помоги мне. Почему-то мне кажется, что судьба свела нас не случайно. У тебя нет глаза, у меня — ноги. Сейчас я во второй раз в жизни чувствую абсолютную уверенность, что Бог есть.

Теперь в дверях — Мэгги. Не знаю, как долго она так стоит и слушает. Наверняка где-то глубоко в ее памяти зарыто собственное воспоминание о летучей мыши, а не легенда, которую ей рассказали позже. И она помнит, как крыло касается ее розовой щечки, как я открываю окно, снимаю крышку с пластмассовой миски и выпускаю мышь.

Я закидываю рюкзак на плечо и встаю из-за стола.

Смаргиваю слезы, надеясь, что Энджел их не заметила, хотя знаю, что эта одноглазая девочка видит все.

— Мне надо поспать, — говорю я Мэгги. — По-нормальному. Если можно, я оставлю Энджел здесь еще на одну ночь. Попрошу патрульную машину проезжать тут время от времени. Звони, если что. Завтра вместе решим, что делать.

Мэгги кивает с облегчением. Истинная дочь священника — единственная оставшаяся любовь в моей жизни. Все четверо провожают меня до двери.

Я оглядываюсь всего раз. Пока жива, я буду помнить эту картинку в раме дверного проема. Резкие, четкие линии. Желтый, розовый, зеленый и фиолетовый цвета.

Сажусь в машину, а в ушах все еще звучат слова Мэгги.

Иди с миром.

35

Протез отстегнут. Шторы не пропускают солнце. Одеяло натянуто до подбородка. Мысли скачут.

Наше с Финном третье свидание. Он набрасывается на парня у бензоколонки, потому что тот крикнул мне вслед: «Майя!» Финну послышалось: «Хромая!» — а на самом деле парень звал свою дочь, которая ушла в туалет.

Подруга-однокурсница вручает мне откровенную розовую футболку в блестках с надписью «Рассказ про ногу — 50 баксов», потому что многие мужчины считали себя вправе подходить и задавать вопросы.

Прошлый год. Уайатт в столовой достает из щели в полу старую шпильку Труманелл. Его глаза влажнеют.

Отец замывает в кухонной раковине мою простыню, потому что нога под бинтами кровит.

Лола, в пиратской повязке на глазу и с пластмассовым ножиком во рту, кричит: «Я вооружена до жубов!»

Мэгги в белом у алтаря церкви, ее одиннадцатилетняя душа получает официальное благословение от отца.

Я на зернистых кадрах старого новостного репортажа, использованного в документалке: тощая фигурка на костылях впервые после аварии выковыливает на улицу, покидая стены парклендской больницы.

Прошлое Рождество. Расти оставляет на моем столе блестящую новенькую «беретту» с запиской: «Каждой девушке с одной ногой нужна третья рука».

Мы с бабушкой лущим фасоль. Она хмурит брови, когда я спрашиваю, правда ли под нашим крыльцом закопаны кости плохих людей, которых застрелили папа и дедушка. Так сказала девочка из детского сада.

Энджел в пыльном поле сдувает пушинки с одуванчиков, загадывает желания. Может, мои, хотя она не представляет, чего я желаю.

Мусор и пух разлетаются по шоссе.

И тут я понимаю.

Где копать.

Втыкаю старую отцовскую лопату в землю и думаю, что тень Труманелл неотступно следует за мной каждый день.

Она колибри, чье сердце бьется тысячу раз в минуту, военный самолет, который вот-вот разобьется, девушка-чирлидер, навечно застывшая в прыжке — руки и ноги раскинуты буквой V. Призрак в воздухе.

Кажется, что прошли дни с тех пор, как я уехала от Мэгги, хотя на самом деле — всего несколько часов. Я стою посреди владений Брэнсонов, в трех-четырех милях от дома; на горизонте гаснет лиловый отсвет заката. Фары пикапа освещают нужное место. Возможно, мои коллеги еще заканчивают обыск в доме, но маловероятно, что я на них наткнусь.

Они застряли на работе на всю ночь и даже дольше. И хотят одного: домой к семье, подкрепиться чем-нибудь горячим и забыться за дурацким сериалом. И я так выматывалась бесчисленное количество раз. Меня и сейчас тошнит от усталости. Сколько часов я спала за эти четыре дня? А за последние пять лет?

Никогда не чувствовала себя такой беззащитной, как посреди этой черной пустоты, где я вонзаю лопату в землю, не зная, что под моими ногами. Можно было взять кого-нибудь с собой. Но кого? Кому я могу довериться? А мне кто-то доверяет? Финна я предала. Расти мне не верит.

Уайатт пропал. Мэгги я подвергать риску не хочу.

Нет, сейчас лучше быть одной.

Забавно, как иногда силишься что-то вспомнить, а оно всплывает в памяти само, стоит только отпустить мысли.

Длинное название книги. Имя, в котором чересчур много согласных. Четырехзначный пин-код. Сорт деликатесного голландского сыра, который пробовала однажды и не прочь снова ощутить его вкус.

Доска забора, которая выглядит как-то не так.

Уайатт всегда говорил, что чинить заборы для него — все равно что молиться. Поэтому я не придала значения испуганному выражению его лица, когда подъехала к этому самому месту несколько дней назад. Не обратила внимания на то, как неохотно он согласился уйти отсюда и показать, где нашел Энджел. Не заметила отсутствия инструментов. Даже странная подпорка у забора не вызвала у меня вопросов.

Я боялась, что он сбежал, и главным было — найти его.

Старый забор тянется вдоль дороги, как бесконечные рельсы. Уайатт стоял именно возле этого столба. Щурясь от последних оранжевых вспо-

лохов солнца, я тщательно оглядела весь забор, когда подъезжала.

Только к этому столбу прибита лишняя дощечка.

Только он имеет форму креста.

Тишину нарушают два звука.

Пронзительный скрежет железа, взрезающего землю.

Мое тяжелое дыхание.

Яма еще слишком мелкая. Не знаю, насколько далеко копать и с какой стороны забора. Если здесь что-то зарыто, то давно. Земля не захочет отдавать то, что считает своим.

Снова втыкаю лопату в землю; грудь сводит от напряжения.

Наваливаюсь на черенок, из кармана высыпаются несколько монеток с кухни Уайатта и, блеснув, улетают в темноту. Зачем я их подобрала? Наверное, на удачу. Бросать потом по одной в фонтаны и загадывать, чтобы все наладилось.

На ладони лопается волдырь. На землю падает капля крови. За ней — капля пота. Если это место преступления, то я оставляю за собой следы.

Спустя двадцать минут лопата натыкается на что-то.

Камень? Кость?

Ничего удивительного. И возможно, даже особенного, но ногу прошивает боль, и я снова вижу больничную палату и девочку, у которой вся жизнь впереди. *Ампутация.*

Останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, и смотрю на звезду, которая решила не оставлять меня в полном одиночестве.

Как много я хочу знать?

Падаю на колени и погружаю ладони в яму.

Сзади щелкает затвор.

Оборачиваюсь и понимаю, что означает седмижды семьдесят.

Пять лет спустя

Часть третья
Энджел

Нежная.
Стойкая.
Сильная.
Находчивая.
Добрая.
Чуткая.

Шесть слов, которыми Маршалл Такер в письме охарактеризовал свою дочь Одетту

36

У меня две большие тайны.

Первая — глаз.

Вторая — Одетта.

Если меня спрашивают, почему левый глаз иногда косит, я говорю, что просто научилась так делать, как некоторые выгибают локти в другую сторону. Потом повторяю «трюк», зрители смеются и забывают этот эпизод, а отец и дальше меня не находит.

Маскировка сохраняется.

Если кто-то любопытствует, что́ я думаю о деле Одетты Такер, я делаю вид, будто телевизионные расследования меня не занимают. Говорю, мол, впервые про нее слышу, хотя Одетта снится мне все время.

Я каждый раз вижу ее на озере с Труманелл. У обеих длинные безупречные ноги, как у кинозвезд. Девушки бросают в воду зеленые «эм-энд-эмс», а потом ныряют и достают их со дна. Это непросто, потому что озеро ярко-зеленое не только сверху, где вода искрится, но и на всю глубину. Кажется, проходит целая вечность, прежде чем Одетта и Труманелл наконец выныривают, хватая ртом воздух. И я тоже хватаю ртом воздух, когда просыпаюсь.

Если кто-нибудь это слышит, я вру, что у меня легкая форма апноэ.

Я ни с кем не обсуждаю Одетту, потому что это сочтут странным. Скажут, я зациклилась на женщине, которая появилась в моей жизни всего на несколько дней. Обзовут это как-нибудь, например реакцией на травму, и всучат мне таблетки от ночных кошмаров. Спросят, не кажется ли мне, что зеленые «эм-энд-эмс» символизируют мой отсутствующий глаз.

По-моему, незнакомцы обладают огромной

силой. Они могут изменить твою жизнь за двадцать секунд. Ограбить под дулом пистолета, и ты уже никогда не будешь чувствовать себя в безопасности. На вечеринке невзначай бросить, что ты красивая, хотя раньше никто этого не говорил, и ты не покончишь с собой в этот день. И может, ни в какой другой. Это такая же удача, как поймать бриллиант, выброшенный кем-то из окна машины.

Одетта — такая незнакомка. Она подарила мне глаз и листок бумаги.

Благодаря ей я еще существую и именно поэтому должна выяснить, почему ее больше нет.

37

Пузатый волонтер в оранжевом жилете жестом направляет меня на газон. Я приехала на полчаса раньше, и парковка уже забита, автомобили залезают на траву.

Выпрыгиваю из арендованной машины и, проходя мимо волонтера, одариваю его улыбкой во весь рот. Оклахомских девочек воспитывают так, чтобы и улыбались, как на конкурсе красоты, и ножом в живот могли пырнуть, если что.

Волонтер небось думает, что я из тех юных блогерш с телефоном, которые слетаются как мухи

на мертвечину.

А я думаю, что он может быть убийцей. Как и любой в этом жутком городишке-парнике.

Сегодня на кладбище, наверное, впервые больше живых, чем мертвых. Как минимум пятьсот зрителей. Шесть новостных каналов. Люблю людные места: можно скользнуть в гущу толпы и затеряться. И одновременно ненавижу их: ведь любой другой может сделать то же самое. Все копы преют здесь в парадной форме с той же целью — вычислить убийцу Одетты, хотя у них было пять лет, чтобы найти ее, и пятнадцать — чтобы обнаружить могилу Труманелл.

Поправляю солнцезащитные очки и широко улыбаюсь, на этот раз — девочке, наряженной, как Бэтгерл, в память об Одетте.

Ей бы понравилась малышка в криво надетой маске, но не само это сборище и не тот факт, что ее имя — шестой, а Труманелл — восьмой хештег по популярности в «Твиттере». И совершенно не понравилась бы церемония открытия памятника, равносильная признанию ее погибшей, хотя никакого материального подтверждения этому так и не нашли.

Устраиваюсь под деревом рядом с пожилой дамой в розовом спортивном костюме и брил-

лиантовых сережках. Она явно в курсе всего и сейчас объясняет своему коренастому спутнику, что церемония задерживается, поскольку голуби, которых планировалось выпустить в небо, упрямятся. Их покрасили в черный цвет, чтобы они походили на летучих мышей, но дама считает этот поступок расистским.

Еще она заявляет, что пастора Первой баптистской церкви попросили заполнить время и *Господи помилуй, если он разойдется.*

Так что я не удивляюсь, когда на сцену поднимается дядя Одетты в простом черном костюме. Выглядит он гораздо старше, чем на шаблонном фото из новостей и старой документалки, которую я смотрела семь раз. А вот голос не старческий. Даже несмотря на визг микрофона, пастор поймал нужный ритм, и все слушатели склонили головы.

Господь избрал двух прекрасных девушек вечными ангелами-хранителями нашего города. Так он это преподносит. Я не согласна. Я все время ощущаю присутствие Одетты, и она в ярости. Ее крылья *горят*.

Как обычно во время проповедей, мысли начинают блуждать. Я знаю немало нормальных баптистских пасторов с прогрессивными взгляда-

ми, но хватает и тех, кто будто сошел со страниц «Рассказа служанки»[55]. Послушать их, так женщина должна ублажать мужа семь раз в неделю и считать, что Иисус был белее снега. Точно не знаю, но, похоже, дядя Одетты как раз такой.

Я повторяю собственную молитву. Два слова. *Почему, Господи?* Как же страшно должно было быть Одетте в ту ночь! Осталось лишь крошечное пятнышко крови на земле. Лопата. Столбик забора в форме креста и свежевырытая пустая яма. Пикап с горящими фарами. Монетки, разлетевшиеся вокруг, как пушинки одуванчиков. Ее желания, втоптанные в грязь.

Я прошу прощения, в первую очередь у Одетты. Если бы тогда, на кухне у Мэгги, я произнесла хоть слово, кивнула и признала, что на экране ноутбука мой отец, может, Одетта никуда бы не пошла.

И хотя я была еще ребенком и боялась, что отец меня найдет, а слово «одуванчик» жгло горло, как сигарета, я бы пошла с ней, если бы она попросила. Продекламировала мамино любимое стихотворение Эмили Дикинсон, да хоть меню

---

[55] Notes: 55

«Рассказ служанки» (1987) — антиутопический роман канадской писательницы Маргарет Этвуд об обществе, где женщины лишены всех прав, кроме рождения детей.

итальянской кафешки. Сделала бы все, если бы знала, что умрет именно Одетта.

Снова прикрываю глаза.

Господи, храни меня, пока я копаюсь в этом деле.

Аминь.

38

Видимо, кто-то случайно толкнул впередистоящих и запустил цепную реакцию. Потная толпа, будто дикое стадо, рванула к сцене.

Несмотря на малый вес, я сохраняю равновесие, только изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не почесать под юбкой свежий комариный укус. Молитва все тянется и тянется. Уже по меньшей мере половина слушателей подняли головы.

Моя пожилая соседка вполголоса переговаривается с приятелем. Ее раздражает, что муж Одетты с кем-то помолвлен, но Синий дом придерживает за собой, а мог бы продать его достойному местному семейству, которое привело бы двор в порядок. И вообще, имя Финн какое-то вычурное, а еще, говорят, он *категорически* отказался сегодня выступить.

Пастор спускается со сцены под редкие хлопки. Наконец-то. Телефоны взмывают вверх, готовые

заснять то, что скрывает белая ткань. Вряд ли все эти люди — бездушные подонки, просто смотреть на жизнь сквозь экран телефона проще.

На сцену вышел полицейский в джинсах, рубашке со значком, солнцезащитных очках и ковбойской шляпе. Бравада у него явно в крови. По рыжим волосам сразу опознаю в нем Расти, напарника Одетты. Для многих местных он Чудо. А для старушки — «сынок Франсин Колтон».

С телевизионщиками он всегда разговаривал неохотно. Никогда добровольно не признавал связь между исчезновениями Одетты и Труманелл. Так и не объяснил, почему не справился с поисками.

Он в моем списке подозреваемых. По его приказу копы за несколько месяцев раскопали яму вокруг столбика забора до размеров футбольного поля. Я видела фотки. Там будто великан кусок поля откусил.

— Мне почти нечего сказать по случаю пятилетия исчезновения Одетты. Кроме того, что подобное мероприятие ничуть не улучшает имидж нашего города. Я бы здесь не стоял, если бы мэр не предупредил, что иначе выступит наш кретин из конгресса. — Расти отступает от микрофона и отводит взгляд, будто с трудом

сдерживает эмоции. Проходит несколько неловких мгновений, прежде чем он делает новую попытку заговорить. — Сразу после того, как Одетта спасла меня от нарика с пистолетом, мы сидели за пивом, и она сказала, мол, хочет, чтобы ее после смерти кремировали, прах засыпали в пули и выстрелили в воздух. Да большинство из вас ни хрена не знает об Одетте. И вам *похрен* на нее. — Голос Расти едва не срывается, но я не думаю, что он пьян.

И тут же меняю свое мнение, потому что Расти вытаскивает пистолет.

— Опустите гребаные телефоны! — приказывает он. — Сейчас же!

Руки исчезают из воздуха, будто их срубили одним махом. Толпа отшатывается, но, похоже, никто вокруг меня не верит, что именно его сейчас застрелят.

— Я не могу развеять прах напарницы в небе. Не могу исполнить ее последнюю волю. Так что считайте это предупреждением: я еще не закончил.

Только один идиот не опустил телефон и продолжает снимать. Он стоит в стороне, прислонившись к обветшалому склепу. Расти устремляет на него пристальный взгляд, будто прикидывая, стоит ли тратить на него время.

— Надеюсь, сынок Франсин вышибет у него телефон, — заявляет старушка. — Вполне мог бы. Снайпером служил в Ираке. По слухам, на его счету тридцать два убитых.

Ничего такого Расти не делает, а резко разворачивается и вскидывает пистолет вверх. Три выстрела сотрясают воздух. Голуби в клетках заполошно хлопают крыльями с резким звуком, которые многие ошибочно принимают за их свист.

— Если не можете предложить ничего толкового, держитесь подальше от моего расследования, — произносит Расти, почти прижимаясь губами к микрофону, отчего голос пробирает до печенок.

Такое ощущение, будто это говорится лично мне.

Затем Расти кивает двум симпатичным девчушкам-близнецам с такими же рыжими волосами.

Те резко дергают за края белой простыни.

С моего места видно лишь кончик каменного крыла. Очередь, извивающаяся между сотен могил, напоминает бесконечную пеструю змею.

На мое счастье, старушкин приятель затерялся в толчее. Нужно было, чтобы кто-нибудь придерживал ее за локоть, и ближе всех оказалась

я. Ловко работая тростью, старушка отвоевала нам место поближе к началу очереди. Когда она спросила мое имя, я назвалась Энджи.

Съемочным группам разрешено переместиться к статуе, чтобы крупным планом снимать, как люди плачут, отдавая дань уважения пропавшим землячкам. Это-то и тревожит меня сейчас больше всего.

Я всегда опускаю голову рядом с камерами. Самой себе я кажусь голубем. Отец подстрелил огромное их количество, а в голубей, как известно, архитрудно попасть. Он всегда говорил, что стрелять надо не в стаю, а выбрать одну птицу и следить, когда она упадет. Вот так же терпеливо он наверняка охотится и на меня.

Человек в ярко-зеленом жилете вручает каждой из нас по крошечному пакетику семян диких цветов и говорит, что, когда мы приблизимся к статуе, надо разбросать их там, но нежно, «будто осыпаешь невесту лепестками роз». Старушка тут же замечает, что, когда я сама стану невестой, мне захочется, чтобы осыпáли меня только деньгами. И еще что юбка должна быть длиннее, а выставленные напоказ бретельки фиолетового бюстгальтера — открытое приглашение парню его расстегнуть.

Мы продвигаемся вперед на несколько шагов, и старушка перестает обращать на меня внимание. Толпа расступается перед нами, будто воды. Теперь я вижу чудовищное изваяние целиком. Я читала, что скульптору привезли огромную глыбу с поля Брэнсонов и велели освободить души Труманелл и Одетты из каменного плена.

Он же сотворил нечто уродское — такое могло бы родиться у Дейнерис Таргариен[56], переспи та с братом *и* одним из своих драконов. Крылья, торчащие в стороны. На длинных волосах — венок. Лиц не два, а только одно — гладкое и лишенное черт.

— Разве не прекрасно? — спрашивает меня старушка. — Лицо без черт символизирует непрожитые жизни и необъяснимое исчезновение. Венок означает, что Труманелл в городе боготворили и что она любила природу. А крылья — храбрость Одетты и свободу парить, ведь теперь ей не нужны ноги.

— Конечно прекрасно, — воодушевленно вру я. — Хоть в Лувре выставляй.

---

[56] Notes: 56

Дейнерис Таргариен — важнейший персонаж серии книг Джорджа Мартина «Песнь льда и огня» и сериала «Игры престолов». В конце первой книги она становится Матерью драконов: хозяйкой трех вылупившихся из яиц драконов.

Нет, это перебор. Старушка окидывает меня подозрительным взглядом, и я чувствую себя так, будто меня разоблачили. Она знает, что имя ненастоящее, что я все время резко поворачиваю голову влево, проверяя, нет ли там кого, ведь с той стороны у меня дыра вместо глаза.

Старушке известно, что я жила в трейлерном парке, где про Лувр мало кто слышал, зато науку жизни там постигаешь быстрее, чем в любом университете. Лишился глаза — и ты все равно что кандидат наук. Добавь год в детском доме среди озлобленных девчонок, которые чувствуют себя выброшенными на обочину жизни, — вот тебе и стажировка по обмену на всех планетах сразу.

— Обычно девочки твоего возраста говорят «Лувер», — замечает старушка. — Ты чья будешь? Сними-ка очки, покажись.

— Я дочка Лоры Джексон, — выпаливаю я вполне правдоподобно.

Больше уверенности. Я сдвигаю очки на макушку и смотрю прямо в старушкины мутновато-голубые глаза. Было время, когда я инстинктивно отводила взгляд, будто если не смотреть никому в глаза, то и в мои не заглянут. Очень зря. Сразу становится ясно: что-то не так. С тех пор я старалась перебороть эту привычку. А еще постепенно

избавлялась от оклахомского акцента, хотя он все равно вылезает, как червяк из норы.

— А ты хорошенькая, — заявляет старушка. — Зря прячешься за очками. И я такой же была. Первая школьная королева города. Шестьдесят лет тому назад. Всю ночь каталась в кузове пикапа и до изнеможения махала рукой, прямо как Труманелл Брэнсон. Думала, я хозяйка жизни. А жизнь на самом деле *не наша*. Мы получаем ее в пользование от истинного хозяина там, на небесах, и постепенно плата становится непомерной. Но что поделаешь? Как сказал Чарльз Мэнсон, «нам всем подписан смертный приговор».

В спину мне больно тычут пальцем. Женщина позади нас проявляет нетерпение.

Наша очередь. Рукописная табличка призывает соблюдать ограничение по времени: десять секунд на каждого.

Взгляд скользит вверх. Все выше. Там футов пятнадцать, не меньше.

У Труманелл и Одетты нет глаз, чтобы видеть.

Нет рта, чтобы дышать.

Я падаю на колени. Камеры надвигаются.

Семена со стуком отскакивают от каменных ног.

Положенные десять секунд давно истекли, и

старушка тычет в меня тростью. Хочется убежать, но слова, высеченные на постаменте, напоминают, почему надо остаться.

Мы готовы ждать вечно.

А я — нет.

Я иду по твоим следам, ублюдок.

39

Провожаю старушку к ее приятелю в середине очереди. Тот заключает меня в объятия со словами, мол, большинство девушек моего возраста не стали бы так себя утруждать. Он не старушкин сын, хотя по возрасту вполне сошел бы за него.

На его футболке напечатаны даты рождения и пропажи Одетты. Ей было двадцать шесть, всего ничего, если учесть, сколько она еще могла бы сделать в жизни.

Эми Уайнхаус[57] прожила двадцать семь лет. Иисус — тридцать три, Жанна д'Арк — девятнадцать, Покахонтас — двадцать. Анна Франк — пятнадцать.

Мне легче от мысли, что Одетта вошла в сонм героев, а затея восемнадцатилетней девчонки со списком подозреваемых, картой, письмом с ше-

---

[57] Notes: 57

Эми Уайнхаус (1983–2011) — британская блюзовая певица.

стью словами и одним глазом хотя бы чуть-чуть восстановить мировую справедливость не совсем смехотворна.

Оказалось, что я и с одним глазом могу все. Рисовать. Играть на гитаре. Сдать на права с первого раза. Встречаться с парнями, хотя им я не признаю́сь, что у меня нет глаза. Да они и не замечают, что глаза не суперидеальные, потому что грудь как раз такая.

А оглядываться для меня совершенно естественно. Я постоянно настороже. И слежу за тенями. Тетка называла меня ходячей неожиданностью. Убийца Одетты наверняка не знает, что я существую. Я и сама-то в этом иногда сомневаюсь.

Старушка неловко хлопает меня по плечу на прощание. Советует поддерживать свои знания по искусству.

— Я буду помнить тебя, Энджи, — говорит она.

Чувствую укол вины.

За эти годы я сменила столько имен.

Одноразовых и придуманных на ходу, как Энджи.

Прозвищ, которыми меня награждали: Ангел, Глазок, Невидящее Око, Пятьдесят-на-пятьдесят, Одноглазка — самое топорное и ходовое.

Паспортных имен, например данное мне при рождении: Монтана Ширли Кокс. В маминой семье на протяжении трех поколений новорожденный получал первое имя по названию штата, города или округа, а второе — в честь умершего предка.

Маму звали Джорджия, но она к тому же умерла, так что если у меня когда-нибудь будет ребенок, то почти наверняка — с географическим именем.

Лежа на койке в приюте и глядя на висящего надо мной дохлого паука, я мысленно путешествовала вокруг света и перебирала города и страны. Для дочки я выбрала имя Шайенн[58] Джорджия, хотя Севилья Джорджия — тоже ничего, а для мальчика мне понравились варианты Кэмден[59] или Гарлем Джордж.

Я не держу зла на Мэгги за то, что спустя сутки после исчезновения Одетты оказалась в кабинете социального работника и меня определили в учреждение, специализирующееся на задирах, дешевых рыбных палочках и дохлых пауках.

В тот день я приняла три правильных решения,

---

[58] Notes: 58
Шайенн — столица штата Вайоминг, США.

[59] Notes: 59
Кэмден — район Лондона.

потому что так наверняка захотела бы Одетта.

Я отметила галочкой пункт «Идеальное зрение» в анкете.

Заговорила.

Призналась социальному работнику, что боюсь отца.

В программу защиты свидетелей меня не включили, но мое новое имя — Анжелика — приобрело статус официального. Анжелика Одетта Данн. Анжелика — от Энджел, Одетта — понятно, Данн — потому что мне была дана новая жизнь с волшебным зеленым глазом и фамилия такая заурядная, что отец переберет кучу Даннов, прежде чем найдет меня.

Уже пять лет мне удается его перехитрить.

Уже четыре года у меня есть приемная мама по имени Банни, которая настолько поверила в свою новую дочь, что осенью меня ждет полная стипендия на обучение в Техасском университете.

И вот уже двадцать минут я сижу возле Синего дома и не могу решить, рискнуть всем вышеперечисленным или нет.

Старушка оказалась права. Синий дом пришел в упадок. На половине газона — голая земля. Две ветви большого старого дуба перед домом подметают землю. Желтая лента, когда-то завязанная

бантом вокруг ствола, безжизненно повисла. Дверь заколочена досками, на которых кто-то написал: «Без тебя — синяя тоска».

Все это задевает какую-то печальную струну в душе. Одетта не вернется.

Еще только первый день, а я уже не знаю, что делать.

Вот бы Мэри была здесь. Мы приняли немало трудных решений вместе. Мэри — такая *красивая*, даже с багровым шрамом во всю щеку.

В приюте она спала на койке подо мной ровно триста шестьдесят три ночи. Каждый вечер мы курили травку, а перед сном Мэри пела нам старый христианский гимн «Я улечу прочь»[60], хотя днем через слово чертыхалась.

Ради Мэри я однажды вынула глаз — больше я никогда не делала такого для подруги. Какой-то парень в парке прошипел ей на ходу: «Меченая». Я хотела его выследить, но Мэри помнила только, что на нем были зеленые «найки». Мэри — самый сильный духом человек, какого я встречала в жизни, но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь так рыдал. Парень плюнул ей в душу, будто

---

[60] Notes: 60

«I'll Fly Away» — христианский гимн, написанный в 1929 г. Альбертом Э. Брамли и выпущенный звукозаписывающей компанией «Hartford» в 1932-м. Часто исполняется на похоронах и богослужениях.

она ничего не значит. Люди не понимают, что словом можно *убить*.

Я хотела показать Мэри, что как никто понимаю ее чувства, что я не просто еще один человек с дежурными словами утешения. Жалеть девушку, у которой что-то не так с лицом, — немногим лучше, чем насмехаться над ней.

Сейчас Мэри живет на улице. В свой день рождения я перевожу ей все подаренные деньги, если мне удается выяснить, где она. Задувая свечи на торте, я загадываю, чтобы она дожила до того дня, когда я смогу оплатить ей пластическую операцию, ведь хирург — одна из немногих профессий, куда с одним глазом путь заказан.

Если бы Мэри была здесь, ее сердце не колотилось бы так бешено.

Она бы сказала, мол, давай уже.

Забирайся внутрь.

40

Боковая дверь с дешевым замком — приятный сюрприз. Цилиндровый механизм — мой конек. Ковыряюсь во внутренностях замка, подбадривая его шепотом, и то и дело поглядываю через плечо. Себя тоже подбадриваю, с тех самых пор, как вынуждена была смотреть на дохлого паука

на потолке.

Мысленно повторяю: «Малала Юсуфзай получила Нобелевскую премию мира в семнадцать[61]. Луис Брайль изобрел свой шрифт в шестнадцать. Будучи слепым».

Я сильная. Одетта считала меня такой в мои тринадцать с половиной лет.

Наготове у меня были те же погнутые шпильки, которыми я вскрыла кабинет директора приюта, чтобы стереть записи о дисциплинарных проступках моих друзей. Наверняка такими же невидимками Труманелл закалывала свой безупречный пучок.

Я знаю о Труманелл почти столько же, сколько об Одетте. И восхищаюсь ею почти в той же степени. Отчасти потому, что фанатично слежу за каждым постом блогерши с ником Трудетта. Она себя называет «конспиролог-аналитик». На ее сайте собрана самая полная информация и ссылки на абсолютно все источники статей и видеороликов об Одетте и Труманелл: от «Таймс»

[61] Notes: 61

Малала Юсуфзай (р. 1997) — пакистанская правозащитница, писательница, общественный деятель, выступающая за доступность образования для женщин; лауреат Нобелевской премии мира (2014).

и «Фокс-ньюс»[62] до еженедельной городской газетенки.

Мне нравится, что от блога Трудетты никогда не знаешь, чего ожидать. «Похищены инопланетянами?» «Преждевременно вознесены на небо?» «Идеальный пучок, как у Труманелл, пошаговая инструкция».

Кликбейтные заголовки Трудетты не дают угаснуть интересу к обоим расследованиям. Представляю ее разношерстных подписчиков. Мамашка с ноутом. Замкнутый старшеклассник, который зависает на сайте и поэтому не устраивает побоище в школе. Агент ФБР, который отслеживает мои посещения сайта и параллельно режется в игры.

Это не помешало мне заплатить пятнадцать баксов за скачивание «новой, эксклюзивной» карты города с кучей фактов о нераскрытых делах и гугл-маршрутами. В тот же день я в седьмой раз пересмотрела документалку пятилетней давности. И соврала Банни, что мы с бывшими одноклассниками решили рвануть на каникулы в Мексику. Даже купила крошечное розовое бикини для пущей правдоподобности.

---

[62] Notes: 62

«Фокс-ньюс» — американский новостной канал.

Вместо Мексики ловлю самый тихий щелчок. Последняя шпилька вставлена. Замок падает, вместе с ним ухает сердце в груди.

Проскальзываю внутрь и сразу закрываю за собой дверь. Воздух затхлый, с легким оттенком лимона. Надушенная смерть. Вот чем пахнет кухня Одетты.

Глаза привыкают к полумраку. Опрятно. Стол. Стулья. Кофеварка. Кухонный комбайн фисташкового цвета. Чашки, блюдца, тарелки за стеклянными дверцами шкафчиков. Старая газовая плита розового цвета и новый холодильник из нержавеющей стали.

Этот дом видел, как росла Одетта. И как она, хромая, переступила порог на одной ноге. Стены по-прежнему хранят эхо ее слез.

Убеждаю себя, что Одетта бы не возражала, что я к чему-то тут прикасаюсь. И что именно она направляла шпильки в замке. Высыпаю немного соли на ладонь. Провожу пальцем по ламинированной столешнице, похожей на ту, на которой я сидела в трейлере, болтая ногами.

Достаю из высокого шкафчика стакан и открываю кран. Вода льется. Слегка застоялый знакомый привкус, который бывает у воды из-под крана в провинциальных городках. Машинально

щелкаю выключателем и тут же опасливо гашу свет, хотя желтые занавески с россыпью крошечных ананасов плотно задернуты и отгораживают меня от яркого солнца.

Из холодильника веет приятным холодком. Он чистый, а из продуктов в нем лишь открытая пачка соды и упаковка на шесть банок пива под названием «Слезы подружек невесты». Одной банки не хватает. На этикетке карикатурная рыдающая невеста с бриллиантовым кольцом и букетом. На оголенном плече — татуировки с мужскими именами. Многовато деталей для пивной банки. На секунду прижимаю холодную жесть ко лбу и возвращаю банку на место.

Опускаюсь в кресло. Взгляд бесцельно скользит по кухне: пустой гвоздь на стене, доска для заметок с половинчатым рисунком человечка, старые поваренные книги, втиснутые на полку под раковиной.

Мое внимание привлекает знакомая красная обложка.

Бетти Крокер.

У мамы было точно такое же старое издание, еще бабушкино. Она готовила простые домашние блюда, которые радуют душу, и сама была душевным человеком.

Запеканка из тунца с картофельными чипсами. Вермишель с фаршем. Пирожные брауни с шоколадной глазурью.

«Достань Бетти», — говорила она, когда я болела, грустила и радовалась.

Когда я узнала, что Бетти Крокер на самом деле не существует, что она — плод воображения маркетолога, для меня будто умер близкий человек. Потеря Санта-Клауса и то переносилась легче.

Я сидела с такой же красной книжкой на золотистой столешнице, разглядывая карандашные заметки, сделанные то совершенно неразборчивым маминым почерком, то изящным — бабушкиным: «Вдвое меньше сахара! Готовить на двенадцать минут дольше! Хорошо для гостей! Любимый торт Монтаны!»

Такие приятные воспоминания! Если забыть про кровь.

41

Шаг за шагом. *Переставляй ботинки по одному.* Одетта сказала это мне в тринадцать лет, когда я испуганно жалась на заднем сиденье патрульной машины.

Я помню, наверное, все до единого слова, сказанные после того, как она дала мне потрогать

железную ногу. Шесть слов на бумажном листке уж точно. Я держала его у себя под подушкой в приюте и перечитывала слова каждый день, напоминая себе, какой я должна вырасти. И сейчас я выбираю слово «находчивая».

И говорю себе, что Бетти — это теплое приветствие.

Если возле двери Одетта незримо стояла со мной рядом, то сейчас ее нет. Я будто посетительница, оказавшаяся в ее музее после закрытия.

Пустота дома одновременно усложняет и облегчает мою задачу: снять обувь и бесшумно обойти все комнаты, осматриваясь, выдвигая ящики, открывая шкафы.

Ошеломленно замираю у шкафа в прихожей. Он забит под завязку. В него будто впихнули содержимое пяти мусорных корзин.

В остальном ничего особо не бросается в глаза. Кроме старинного портрета в прихожей. Человек на нем будто сверлит меня взглядом и, если бы мог, наверное, заорал бы, чтобы я сейчас же выметалась из его дома.

Он — единственная его охрана. Электричество и вода включены. На термостате +29 градусов. Многовато, но не то чтобы совсем жарко.

Гостиная как в доме матери Банни: деревян-

ные полы, выцветшие картины, стеклянные безделушки. Из современного только кожаный диван кремового цвета. Слегка продавленный с одной стороны, — наверное, там обычно сидели рядышком Одетта с мужем. На месте телевизора из стены торчат запылившиеся провода.

Стеклянные двери ведут из гостиной в большую спальню. Снова попадаю в современность. На темный паркет брошен белый пушистый ковер. Пуховое одеяло кажется белоснежным на фоне потрепанного изголовья. Лампа на прикроватной тумбочке — гладкий синий плафон и гибкая ножка — говорит о том, что здесь *читали*.

Над кроватью Одетта повесила большую фотографию, сделанную в какой-то далекой стране: бирюзовые и красные тона, море и земля… На комоде — фотографии Одетты с мужем более личного характера. Рамка кажется теплой на ощупь.

Разгоряченные, счастливые, влюбленные — как образцовая пара на рекламном фото сайта знакомств. У Одетты — изящный протез для скалолазания. Она точь-в-точь такая, какой я ее помню: прекрасная, экзотическая супергероиня. Финн похож на мужа Эмили Блант[63]. Долина под

[63] Notes: 63

Эмили Блант (р. 1983) — британская и американская актриса, жена актера Джона Красински.

ними расстилается багряно-золотым осенним ковром, бескрайним, как сама жизнь.

Провожу пальцем по слою пыли, тонкому, будто резко раскрыли пачку с мукой. В Техасе все покрывается таким налетом мгновенно, даже при закрытых дверях и окнах.

Такое ощущение, что дом пустует, но его регулярно убирают, поддерживают в нем жизнь. Похоже, тут побывала домработница, причем недавно.

На мгновение замираю, прислушиваясь, не скрипнет ли где дверь.

Думаю, что муж Одетты здесь бывает. Лежит в кровати, пьет пиво из холодильника, выплакивает собственное горе. Говорит ли он при этом: «Прости, что бросил тебя»?

Убил тебя?

Первым подозреваемым был Уайатт Брэнсон. Вторым — Финн Кеннеди, отвергнутый супруг.

Быстрее.

Наугад выдвигаю ящик комода. Красивое белье. Кружево и яркие цвета, сердечки и звериные принты, хлопок и шелк. Мне становится дурно. Сама я прячу травку среди трусов и лифчиков. Не могу заставить себя прикоснуться к ее белью. Вдруг Одетта скрывала что-то подобное? Хотя я

здесь именно затем, чтобы найти *что-нибудь*.

Судя по ящику, муж Одетты не может ее отпустить, хотя старушка на кладбище утверждала, что у него кто-то есть.

Надо сосредоточиться и закончить начатое. В следующем ящике пусто. В двух других — тоже.

Осталась кладовка в спальне.

Отодвигаю дверцу. Посередине на крючке висит комплект полицейской формы в полиэтиленовом чехле из химчистки.

Удушье.

Нечем дышать.

Я будто снова у подножия безликого памятника-монстра.

В озере из ночных кошмаров.

Я падаю на колени и задеваю рукой чью-то *ногу*.

42

Не то чтобы меня пугает вид четырех составленных в ряд протезов: пластмассово-железных, суперсовременных и гладких, как кукольные ноги. В конце концов, я сама регулярно вынимаю глаз, и он смотрит на меня с края раковины, пока я чищу зубы.

Меня тревожит другое: такие сугубо личные

вещи Одетты до сих пор в доме, будто ждут ее возвращения.

Ладно, поначалу я все-таки *слегка* испугалась, увидев ногти с фиолетовым лаком, и подумала, что рядом есть кто-то живой. Или мертвая Одетта, прислоненная к стенке среди платьев.

Я выскочила из дома так быстро, что не помню, поставила ли стакан в шкафчик и заперла ли входную дверь. Вот о чем я беспокоюсь, заруливая на стоянку кафе «Молочная королева». И о своих отпечатках пальцев.

Банни учила, что надо съесть что-нибудь жирное и сладкое, если тошнит от нервов, а сейчас именно такой случай. Беру корзинку говяжьих палочек, жаренных в адской фритюрной субстанции, и такой большой стакан «Доктора Пеппера», что в нем утонул бы крысеныш. Припарковываюсь и набиваю живот, пока тошнота не отступает.

Достаю из рюкзака список подозреваемых и распечатанную карту Трудетты. Карта точна в одном: на ней есть онлайн-ссылки и подробный маршрут до каждой из ключевых точек от первой до десятой. Синий дом — под номером четыре.

Графическая же часть выглядит так, будто хоббит изобразил свою родину: деревья, дома,

крошечные значки в виде лопат, корон, летучих мышей и восклицательные знаки вместо табличек «Проход запрещен». Ранчо Брэнсона, по размеру пятикратно превышающее все остальное, угрюмо нависает над городом, будто шотландский замок, хотя на самом деле находится далеко за городской чертой. Вокруг него лучами солнца расходятся восклицательные знаки. Не входить!

Каждый свободный клочок испещрен рисунками и дополнительными пояснениями. *Второе имя президента Трумэна — тезки Труманелл — состояло из одной буквы С., потому что родители так и не смогли принять решение!*

И я не могу. Кажется, что сейчас полночь, только солнце светит. На моих часах 14:07, а ощущение такое, будто день начался вчера.

Я пообещала Одетте. Неделя на все попытки. На то, чтобы попрощаться, — может, тогда она наконец уйдет из моих снов и нам всем больше не придется нырять в озеро за зелеными «эм-энд-эмс».

Я все думала: покажется ли мне эта пустынная дорога знакомой. Нет, до тех самых пор, пока вдали не возник дом Брэнсона, похожий на белую упаковку из-под молока с бетонным основанием.

Выглядит совершенно непоколебимо. Теткин трейлер в Оклахоме во время торнадо катался туда-сюда, как пустая пивная жестянка.

Я вспоминаю про него из-за черных туч на западе. Взявшихся невесть откуда. Прямо как рак, сказала бы тетка. Мама пыталась убедить меня, что мрачное небо так же красиво, как и ясное. Говорила, мол, у нас нет гор, зато есть тучи — примета весны, часть жизни, к которой нужно просто привыкнуть.

Невозможно привыкнуть к тому, что каждый раз вызывает леденящий ужас.

Последний поворот — и на лобовое стекло шлепается капля дождя.

Кажется, будто во всем мире нет живых существ, кроме меня и нестройной стаи спугнутых ворон.

И вот я упираюсь в печально знаменитые ворота. Они широко распахнуты.

Надпись на баннере, который психи повесили здесь пять лет назад, гласит: «Сдесь живет убийца».

Вот и узнаем.

Уайатт Брэнсон открывает дверь с дробовиком, направленным прямо в мой здоровый глаз. Мысль о полной слепоте наполняет меня ужасом.

Про то, что я, вообще-то, могу умереть, почему-то не думается.

Первое побуждение — ударить по стволу, но я не могу рассчитать расстояние. С одним глазом это не так-то легко сделать. Машина может оказаться гораздо ближе, чем ты думал. Можно промахнуться мимо руки, которую собираешься пожать, или дробовика, который хочешь оттолкнуть от лица.

Уайатт не произносит ни слова.

Я слышу свое дыхание сквозь шум ветра.

Один из моих психотерапевтов говорил, что справиться с приступом паники можно, только если «разум преобладает над телом».

Банни сказала, что у этого психотерапевта «дерьмо преобладает над разумом».

Банни очень бы расстроилась, если бы узнала, что я стою здесь на крыльце и вот-вот умру.

Уайатт Брэнсон взводит затвор.

Я вынимаю глаз.

Я точно так же сидела испуганная на этом самом диване пять лет назад. Уайатт где-то в коридоре. Может, принесет полотенце вытереть мокрые волосы. Или горячего чая. А может, клейкую ленту. Или веревку.

Он не сказал: «Привет, Энджел», но явно знает,

кто я. Мой глаз лучше любой визитки.

Глаз, который я так и держу в кулаке. Поспешно вставляю его на место.

Обрывками всплывают воспоминания о доме. Цветастый диван. Поле за окном, все так же скошенное, как поля в мемориальных парках — местах сражений времен Войны Севера и Юга. Ослепительно-белая краска. Стена, где висело множество цитат. Помню, я читала их, чтобы успокоиться после того, как Уайатт заговорил с Труманелл. «По-настоящему интересно лишь то, что происходит между двумя людьми в одной комнате»[64]. Так я узнала о существовании, например, Фрэнсиса Бэкона.

Почему он так долго? Напоминаю себе, что камера местного казино засняла, как Уайатт Брэнсон ставил на красное, когда исчезла Одетта. Поэтому его не разорвали на части те люди, которые толпились сегодня на кладбище. А еще потому, что при повторном обыске дома полиция не нашла ни единой зацепки.

Уайатт появляется из столовой. В руках ни полотенца, ни дробовика, только стакан воды безо

---

[64] Notes: 64

Высказывание Фрэнсиса Бэкона (1909–1992) — британского художника, знаменитого своими тревожными, искаженными изображениями человеческого тела и эмоций.

льда, который он мне молча подает.

Еще до того, как сюда заявиться, я знала, что Уайатт не станет говорить об Одетте, если не решит, что я нуждаюсь в защите. Вот и планировала сыграть определенную роль. Так и сделаю, если удастся выровнять дыхание.

Уайатт плюхается в кресло. Белая рубашка, джинсы, ковбойские ботинки, мускулы как у моего отца — такие упругие, будто вот-вот лопнут.

— Говори, — приказывает он.

43

Уайатт Брэнсон нашел меня в поле, потому что отец украл мой глаз.

Спустя три дня после тринадцатого дня рождения я проснулась и обнаружила, что глаз пропал из синей пиалки в ванной теткиного трейлера. Он был дешевый и плохо сидел, почти все время причинял боль, а цвет — темно-зеленый, какашечный, — на десять оттенков отличался от нужного. Но другого у меня не было.

Я сразу поняла, что это значит. Надо бежать.

Отца выпустили из тюрьмы. Он пробрался в трейлер ночью и украл мой глаз, потому что ему нравилось забирать все самое для меня важное.

Уродливый глаз не спасал меня от насмешек,

но с ним я хотя бы не выглядела полной уродкой в маленьком оклахомском городке.

В школе он ставил меня на один уровень с Эмалайн, которая произносила свое имя с милым тягучим выговором. При разговоре Эмалайн прикрывала рот ладонью, так как у нее отсутствовало шесть зубов. Я подралась впервые в жизни, потому что Эмалайн сказали что-то обидное. Мне казалось, что по сравнению с этим моя одноглазость — еще ничего, хотя бы дышать можно нормально.

Глаз украла не тетка, потому что она его не трогала даже пьяная, а в таком состоянии она была почти всегда. Говорила, что от моего глаза у нее мурашки — не важно в комплекте со мной или без. Просила дома повязывать на лицо шарф.

На Рождество и на день рождения она всегда дарила мне дешевые шарфы, тратя на это лишь малую часть ежемесячного пособия, которое получала на мое содержание после смерти мамы. Последнее, что я услышала от нее в ночь побега: из полиции звонили предупредить, что отца выпустили, но она забыла мне об этом сказать.

Уайатт Брэнсон сидит неподвижно, точно каменное изваяние, слушая мой сбивчивую исповедь. Я рассказываю, на скольких фурах мне

пришлось прокатиться, прежде чем попасть к нему, и что я до ужаса боюсь гроз вроде той, что бушует сейчас снаружи. Говорю, что приехала в город, чтобы отдать дань памяти Одетте. Благодарю его за то, что спас мне жизнь.

Как лишилась глаза, не рассказываю. На всякий случай приберегаю на потом.

— Да хватит уже, — говорит он. — Отвезу я тебя туда.

По всей видимости, на то место, где Одетта исчезла с лица земли. На карте — точка номер 10 с изображением потира, креста и надписью «Примерно». Трудетта писала в блоге, что никогда не была там сама, только безуспешно пыталась вычислить его с воздуха. Называла «Святым Граалем».

— Хорошо, — соглашаюсь я, хотя все внутри протестует.

Я выживаю в более плоском мире полуслепого человека, воображая, будто хожу сквозь слои картины. Рембрандт называл это «воздушной перспективой», а я — попыткой не убиться.

Каждый слой хранит подсказку. Вблизи цвета ярче. По мере удаления они светлеют и приобретают синеватый оттенок. Ближние объекты заслоняют дальние.

Но сейчас я трясусь по безымянным грунтовкам в грузовике Уайатта, и все это не имеет значения. Я пассажир в его картине, спрыгнуть с которой невозможно, потому что он мчит слишком быстро. Тяжелая темная масса над головой — будто недорисованное небо, по которому художник еще водит кистью.

Я предлагала ехать на моей арендованной машине. Уверяла, что по-прежнему хорошо вижу во *все* стороны. Отсутствие одного глаза сокращает поле зрения лишь на двадцать процентов, я просто больше кручу головой и вижу лучше, чем среднестатистический подросток, не отлипающий от телефона. Когда Уайатт велел мне залезть в его машину, я старалась не думать о железном ящике для инструментов размером с человека, который заметила в кузове.

— Нервничаешь, что ли? — спрашивает Уайатт. — В сиденье вжалась. В прошлый раз так же делала. Ты же вроде хотела отдать дань памяти.

Мы уже в глубине брэнсоновских владений. Никаких указателей. Поля сливаются в однообразное полотно, но вскоре мы выезжаем к длинному участку изгороди — теперь железной и с колючей проволокой.

— Приехали. — Уайатт резко тормозит.

Ни столба в виде креста, как на архивной фотографии с места преступления на сайте Трудетты. Ни кучи увядающих букетов. Никакого памятника. Только зеленое поле. Природа невозмутимо продолжает свою работу, будто Одетта была просто случайностью.

— Здесь я нашел пикап Одетты. Забор разнесли напрочь, так что мои адвокаты стрясли с городских властей денег на новый.

— А я думала… машину копы нашли.

— Они поворачивают все так, как им удобно.

Мы медленно идем вдоль забора, и Уайатт незаметно оказывается слева от меня. Намеренно? Потому что мне будет не по себе, ведь там у меня слепая зона? Он-то знает, как именно подстраховывался отец, живя с одним глазом.

Уайатт резко останавливается. Все понятно без слов.

Здесь Одетта вонзала лопату в землю. Здесь, по словам полицейских, в свете фар блестели монетки, но неизвестно, кто и зачем их разбросал.

Нащупываю в кармане монетку среди сдачи, полученной в кафе, и, закрыв глаза, кидаю ее как можно дальше за забор.

— Поздно загадывать желания, — замечает Уайатт.

— Желание — это… всего лишь надежда, — отвечаю я, но мои слова тонут в раскатах грома.

— Ты все? Лучше поторопиться, — говорит Уайатт, глядя на небо.

— Здесь было закопано что-то… важное? — выпаливаю я.

— Да, — отвечает Уайатт. — Было. Но больше никогда не задавай этот вопрос. Иногда любопытство дорого обходится. — Он идет к грузовику.

Вокруг теперь законченная картина. Каждая травинка напряженно вытянулась в ожидании. Небо окончательно оформилось в перевернутый бушующий океан.

Уайатт в машине, заводит мотор. Грузовик сдает назад так резко, что я не успеваю отпрыгнуть подальше. Гравий из-под колес отскакивает в ногу, жалит щеку. Грузовик резко тормозит, чуть-чуть не доехав до меня, пассажирское окно оказывается прямо напротив моего лица.

Уайатт распахивает мне дверцу.

Так поступила Одетта? Села в машину?

44

В висках пульсируют слова: «Мое решение, мой *выбор*».

Уайатт вжимает педаль в пол, пытаясь убежать

от туч. По всем радиостанциям — предупреждение о надвигающемся торнадо. Перебрав все, Уайатт выключает радио.

Две полицейские машины с мигалками обгоняют нас с обеих сторон.

На шоссе почти все с включенными фарами. Плохой знак. Мы мчимся мимо полей с коровами, сбившимися в стада, — еще один плохой знак, такой же явный, как обезумевшие вороны.

По шоссе мы едем, потому что Уайатт изъявил желание показать место, где он меня нашел. А я захотела его увидеть.

Замкнуть круг. Вот зачем, по словам Уайатта, нужна была эта небольшая поездка. Теперь из-за нее нам, возможно, грозит смерть. Круг замкнется *по-настоящему*.

Ветер катит под колеса скирду сена. Уайатт резко выворачивает руль, и грузовик с визгом шин уходит в кювет. Меня швыряет вперед так, что я едва не впечатываюсь в приборную панель. Биение сердца ощущается даже в глазу.

В лобовое стекло ударяет первая крупная градина.

— Не доедем, — констатирует Уайатт, выезжая обратно на шоссе. — Но я знаю одно место.

Я смотрю в черную дыру, гораздо большую, чем

дуло дробовика.

Вот что случается с такими девочками, как я. Одетта. Труманелл.

После их исчезновения матери с экранов телевизоров всегда винят себя. Пытаются вычислить момент, когда события еще можно было повернуть вспять. И вот он. Котенок, которого не надо было гладить, бокал, из которого не стоило пить, рука, за которую нельзя было хвататься.

— Идешь? — Уайатт уже на ступеньках, уходящих далеко вниз, в подземное убежище. Потоки дождя хлещут Уайатта по лицу и волосам, из-за чего глаз не видно. На протянутой руке кровь — он поцарапался, отковыривая крышку люка, такую ржавую, будто она пролежала здесь полвека.

Мокрая футболка облепляет каждый мускул, еще раз напоминая о том, с чем мне предстоит столкнуться, если Одетта ошибалась в Уайатте.

Отчаянно стараюсь запомнить размытую картинку на поверхности — красный фермерский дом с кучкой подсобных строений, который, по словам Уайатта, принадлежит его старому приятелю, уехавшему из города. Не верится, что Уайатт сохранил какие-то прежние дружеские связи.

Говорю себе то же, что и всегда. Возьми лучшее из своих ошибок. Проживи сполна *этот* момент.

Где меня ждет укрепленное подземное убежище, далеко от основного дома.

Всегда мечтала о таком у тетки.

Я глажу котенка.

Осушаю бокал.

Хватаю протянутую руку.

Наверху Уайатт, борясь с ветром, пытается захлопнуть люк. До этого он позаботился о моем удобстве и даже посветил фонариком айфона на шлакобетонные стены — нет ли какой-нибудь ползучей твари. Спасибо ему за это. Мне доводилось видеть оклахомцев со шрамами от укусов пауков, похожими на рваные раны от акульих зубов.

Прежде чем заняться люком, Уайатт достал из угла пластмассовую миску со спичками и свечами. Дрожащими руками я зажгла две свечи и вставила их в медные подсвечники на стенах.

Вынимаю одну свечу и осматриваю осклизлые стены и земляной пол. Никаких подозрительных пятен. Пищи. Воды. Лишь две свечи, подсвечники, коробок спичек, импровизированная аптечка со скудным содержимым, свисток, Библия и мой рюкзак.

Пока Уайатт звал меня в укрытие, я урвала несколько драгоценных секунд и закинула рюкзак себе на плечо.

По ступеням эхом прокатывается звук захлопнувшегося люка. Не знаю, по какую сторону от него Уайатт.

Я затаиваю дыхание, но вот на ступеньки падает слабый луч света от телефонного фонарика. По лестнице глухо стучат тяжелые шаги. Считаю их, чтобы точно знать число ступенек на случай, если это станет важным.

Спустившись, Уайатт выключает телефон, и остается только свет свечей. Тени пляшут по стенам, будто здесь не два человека, а больше. Это одновременно успокаивает и пугает. Как же мне не хватает телефона. Я точно знаю, где он — лежит забытый в подстаканнике грузовика.

— Заряд экономлю, — поясняет Уайатт. — Вдруг люк завалит обломками и придется проторчать здесь какое-то время. Мобила здесь все равно не ловит. Свечи тоже придется потушить в целях экономии. Ты дрожишь. Есть что-нибудь в рюкзаке типа запасной рубашки?

Я молчу. Не собираюсь переодеваться, когда нас разделяют считаные шаги, притом что сейчас я сижу, плотно прижавшись спиной к стене.

— Воронку смерча углядел, — говорит Уайатт. — Издалека. На два-три балла[65]. Не разобрать, в какую сторону двинется. Как с женщиной. С бабой. Папаша говорил, мол, «этих баб не переделаешь».

Сочиняет, чтобы меня запугать? По виду не определишь, сколько там баллов. Я за свою жизнь слышала столько штормовых предупреждений! До смерча дошло только один раз, когда мне было семь. Огромный бесформенный сгусток, ничего общего с идеальной воронкой, как в «Волшебнике из страны Оз». И с баллами там было все в порядке, потому что тетка орала во весь голос.

Уайатт то и дело задевает потолок головой. С хриплым звериным стоном он опускается на пол, и я вижу его рубашку в кровавых пятнах. Кровь капает из ладони на пол, напоминая мне о том, о чем я хочу забыть.

— Сильно поранил, — поясняет Уайатт. — Только руку.

Выхожу из ступора и, выждав несколько мгновений, тяну к себе рюкзак, который один и отделял меня от холодной липкой стены.

Достаю ополовиненную бутылку воды. Пачку

---

[65] Notes: 65

По шкале Фудзиты, введенной профессором Теодором Фудзитой в 1971 г. для классификации торнадо по категориям от 0 до 5.

кислых мармеладок, в которой осталось четыре штуки. Невзрачный голубой шарф с черной бахромой — наименее уродливый из тех, что подарила тетка. Этот она прислала по почте на восемнадцатилетие месяц назад. На открытке было написано: «Дорогой племяннице». Я и не знала, что ей известно слово «дорогая». Разрываю шарф на полосы.

— Дай сюда руку, — говорю я, берясь за бутылку с водой. — Ладонью вверх.

— Надеюсь, там водка. Ее же молодняк с собой в пластиковых бутылках носит? — Уайатт протягивает руку.

Выливаю оставшуюся воду на рану, стараясь не думать, пожалею ли я об этом, когда Уайатт бросит меня здесь умирать от жажды.

Подаю ему три спиртовые салфетки из аптечки. Он промокает рану, но кровь продолжает сочиться. По правой ладони идет ужасный порез, довольно глубокий.

Неохотно двигаюсь ближе к нему. Содрогаюсь от его дыхания на моих мокрых волосах, похожего на первое дуновение ветерка, когда вылезаешь из бассейна. Пахнет от него хорошо, дождем. И все равно не нравится мне сидеть так близко. Начинаю забинтовывать руку. Туго заматываю ее

шарфом, слой за слоем, пока кровь не перестает просачиваться сквозь повязку.

— Похоже, тебе не впервой.

— Год в приюте жила после отъезда отсюда. К медсестре обращаться было чревато. Она сообщала в администрацию, и, если не настучишь на того, кто тебя побил, светит изолятор. Там отстой. А если настучишь, есть немалый риск загреметь в больницу с чем-нибудь похуже. Если честно, я думаю, она и медсестрой-то не была. В общем, кое-чему я научилась. Мятная паста «Колгейт» хорошо помогает от ожога. Если приложить чайный пакетик, кровь быстрее сворачивается. От синяков — пачка замороженного горошка и консилер «Эсте Лаудер», — лопочу я: дурацкая привычка нести чушь, когда нервничаю.

— Так и носишь шарфы?

— Нет, это на всякий случай.

— На какой?

Я не отвечаю.

— Мне нравится твой голос, Энджел. Я скучал по нему.

Меня уже лет пять не называли Энджел.

Накатывают воспоминания. Вот я выкладываю одуванчиками защитный круг на поле, потому что наша соседка сделала такой из кристаллов

вокруг своего трейлера после маминой смерти.

Сижу на диване в доме Уайатта, и мне кажется, будто я слышу шепот Труманелл, поскольку Уайатт сказал, что она ему отвечает. Одетта на кухне убеждает меня, что я чего-то стою. Мне кажется, что будущее беспросветно, и я еще не знаю, что получу такие дары судьбы, как Банни и колледж. К глазам подступают слезы. Снова начинаю беспокоиться, что разбрасываюсь этими дарами.

Завязываю повязку:

— Все. Готово. И кстати, я теперь Энджи. Так меня и зови.

Уайатт снова прислоняется к стене.

Свет свечи придает его глазам желтоватый отблеск. Как у красивого полосатого кота-бродяги, который прибился к теткиному трейлеру. Иногда я брала его к себе в постель, не задумываясь, что он может проснуться посреди ночи и вцепиться мне в горло.

— Что самого худшего случалось с тобой, Энджел? — спрашивает Уайатт. — В приюте.

Неожиданный вопрос здесь, под землей. Я бы скорее ожидала, что он спросит: «Думаешь, это я убил Одетту? И Труманелл? Зачем на самом деле ты вернулась в этот чертов город?»

— Это случилось с моей подругой Мэри, — вы-

давливаю я. — И она в конце концов сбежала. Хуже этого для меня *ничего* нет.

До нас долетает вой ветра. Тетка в таких случаях говорила, мол, волк ждет у двери и не уйдет без добычи. Однажды, влив в себя полбутылки виски, она вытолкнула меня под дождь и ветер и заперлась в трейлере.

Это — третье самое ужасное воспоминание.

Уайатт подается вперед. И задувает свечи.

45

В темноте мы все одинаковы.

Мама так говорила, когда целовала меня на ночь.

Это означало, что во тьме от нас остаются лишь души.

Она явно не думала, что я когда-то окажусь в подземелье с убийцей, проживая свой худший ночной кошмар.

Полная слепота.

Ощущение невесомости.

Здоровый глаз ничем не отличается от незрячего.

Горло саднит от сажи и свечного угара. Я читала, что в открытом космосе пахнет гарью. Как от горящей машины на гонках или от обугленного

дома. На Луне пахнет отработанным порохом. Смертью.

Как долго Уайатт молчит? Десять минут? Двадцать? Как давно я сдерживаю крик?

Пытаюсь успокоиться, представить чистое небо и бескрайние поля надо мной. Свежий воздух, который ворвется сюда со свистом. Разверзшееся в земле отверстие, куда солнце направит свой луч, подобно фонарику пожарного. Но представляется лишь красный фермерский дом, обломки которого разом накрывают маленькую железную дверцу.

— Рассказывай что-нибудь, — с трудом выговариваю я. — У меня бывают приступы паники. В грозу. Когда темно. — Моя трясущаяся рука тянется вперед, будто бы отдельно от остального, неподвижного тела. Пустота. Ни потной кожи, ни холодной стены.

Дыхания Уайатта не слышно, только мое. Специально затаился? Я сплю? В обмороке? Он снял ботинки и в носках прокрался к люку? Но тогда ведь слышались бы звуки снаружи и виднелся свет?

Найдет ли меня Банни когда-нибудь?

Тишину разрывает ленивый зевок.

— Когда мне было страшно, сестра рассказы-

вала истории про полевые цветы, — начинает Уайатт. — Я расскажу тебе одну.

Уайатт говорит, что в стебель одуванчика можно дудеть.

Я и слушаю его, и нет. Облегчение оттого, что он здесь и никуда не ушел, даже если он убийца, заслоняет все прочие чувства.

— Как в маленькую дудочку. Отрываешь головку и корень, остается полый стебель, — продолжает Уайатт; судя по звукам, он резко меняет позу.

Надеюсь, не примеривается, как меня проще схватить.

— Это был наш с Труманелл условный знак. В поле, когда папаша напивался. Чтобы искать друг друга среди высокой кукурузы или пшеницы или в темноте. Мы натренировались давать по три коротких сигнала, чтобы выходило не слишком громко, ну, как стрекочет цикада или сверчок. У меня хорошо получалось, даже лучше, чем у Труманелл. Вот только в один из дней мне попался стебель, который не дудел. Я сорвал другой и дунул слишком сильно. Отец услышал. И пришел. Вместо сестры.

По коже бегут мурашки. Теперь я вся внимание.

Это не урок природоведения. И не история, которую ему рассказывала Труманелл, чтобы успокоить. Уайатт открывает свою душу. Может, я первая, кто слышит признание. О Труманелл. Об Одетте. Может, он произнесет эти слова лишь однажды и мы останемся здесь в темноте навсегда.

— Это было самое плохое, что случалось с тобой? — спрашиваю я надтреснутым голосом. — Худший день в твоей жизни?

— Не худший. Просто плохой, — отвечает Уайатт. — Да ты, наверное, и так догадалась. Знаешь, тебе повезло. Я чуть не бросил тебя в поле, когда увидел одуванчики. Подумал, что плохой знак. Семнадцать облетевших одуванчиков. Много же ты желаний загадала.

— На самом деле только одно.

— Какое?

— Оно единственное у меня тогда было. Просила здоровый глаз у Бога.

— Ты дунула мне одуванчиком прямо в лицо.

— Другим. А на том, который остался, я загадала, чтобы ты был не убийцей.

Смех Уайатта прорезает пустоту:

— А я загадал, чтобы на обочине лежал пес.

Я не спрашиваю, чем кончилась история про одуванчик, остановившаяся на эпизоде, где отец

грозно нависает над маленьким Уайаттом. Меня он про глаз тоже до сих пор не спросил.

Мы из тех, кому выпало тяжелое детство. Мы не спрашиваем. Не требуем подробностей и доказательств. Я не знаю, как Эмалайн лишилась зубов, но я бы отдала за нее жизнь. Не знаю, откуда шрам у Мэри на шее, а она не знает, как я потеряла глаз, но все равно ощущение такое, будто мы побывали в шкуре друг друга, что мы — одной крови.

Все, чего я сейчас хочу, — узнать, что случилось с Одеттой. Но чувствую, что Уайатт снова закрывается от меня.

— Как думаешь, Одетта жива? — выпаливаю я. — Есть хоть малейшая вероятность?

Хочется увидеть его реакцию.

Но он уже поднялся по лестнице и выбирается на свет.

Никогда не видела такого невероятно красивого заката. Оранжевый леденец тает в облаках черной сахарной ваты.

Поля в разы зеленее, чем час назад. Хочется взять телефон из грузовика и нащелкать кучу фотографий, а потом запостить их с хештегом #без фильтров.

В моей ненормальной жизни радость и ужас

всегда ходят рядом.

Красный дом устоял. Со всеми пристройками. Грузовик стоит там же, где мы его оставили. Гроза ушла дальше, оставив лишь грязные лужи из слез. Их никак не обойти, так что после этой «полосы препятствий» мои новенькие серые кроссовки безнадежно испорчены. Но это ерунда по сравнению с тем, что могло быть.

Мы мчимся по шоссе, и никто уже не предлагает остановиться в поле, где Уайатт меня нашел. Он включает радиостанцию, которая крутит только песни «Битлз», и опускает стекла. Я не могу насытиться ни воздухом, ни музыкой.

Кабина дрожит от голоса Дженнифер Хадсон. Она поет «Золотые сны», мощно, под аккомпанемент целого оркестра[66]. Ее вибрато пробирает до костей, пульсирует в голове.

К тому времени, как мы вернулись на ранчо, я прошла какие-то свои пять стадий. Благодарность и эйфория. Подозрительность и настороженность. А теперь я злюсь. Это из-за Уайатта мы оказались в открытом поле в грозу, и он же запихал меня в подземелье и задул свечи.

---

[66] Notes: 66

Дженнифер Хадсон (р. 1981) — американская певица и актриса, записавшая две песни «Битлз», «Golden Slumbers» и «Carry That Weight», следующих друг за другом в попурри на альбоме «Abbey Road» (1969).

Он подъезжает к дому, белизна которого бесит до такой степени, что хочется ногтями соскрести краску с двери до самого пятна от крови Труманелл. А еще разодрать до крови самого Уайатта.

Хоть в темноте, хоть при свете. Думая подобным образом, я уподобляюсь убийце.

46

Открываю дверцу и выскальзываю из машины еще до полной остановки.

Не даю Уайатту возможности попрощаться.

Только отъехав милю от дома, понимаю, что в подземелье он ни разу не заговорил с Труманелл.

Через десять миль, заезжая на парковку мотеля, осознаю́, что страшно устала и у меня неприятности.

Вот где гроза порезвилась. И забрала с собой крышу.

Пятеро рабочих с трудом крепят черный брезент на оголенные стропила и орут на подростка, который слепит их фонарем снизу. Кусты вырваны из земли с корнем.

Группка женщин в одинаковых футболках катят чемоданы к четырем белым минивэнам. Фонари на парковке еле светят и монотонно

жужжат.

Все равно затаскиваю свою сумку в вестибюль. Его освещают два походных фонаря. За стойкой администратора сидит зареванная девушка примерно моего возраста, может чуть старше, и, глядя в зеркальце, вытирает размазанную тушь под глазами.

— У меня забронировано, — говорю я.

— Шутишь, да? — спрашивает она, почти не поднимая головы. — Мы закрываемся. Деньги вернутся на карту в течение сорока восьми часов.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не-а. Ни люди, ни машины. Это прямо чудо какое-то, потому что отель все еще наполовину заполнен. Многие гости запросили поздний выезд после сегодняшней траурной церемонии на кладбище. В основном труманистки, которые на самом деле редкое сборище стервозин. Спасибо репортеру британского таблоида. Он стучал в двери и помогал мне собрать всех внизу во время торнадо. На мои просьбы не обратили бы внимания, а вот к его акценту прислушались. Будто их спасал сам принц Гарри или Идрис Эльба[67].

---

[67] Notes: 67

Идрис Акуна Эльба (р. 1972) — британский актер и продюсер, родившийся в семье выходцев из Западной Африки.

— Я слышала про труманисток.

(И не раз троллила их в фейсбучном сообществе.)

— Труманелл — это их символ движения *#MeToo*, хотя на самом деле боготворить следует Одетту.

— Ты была с ней знакома?

— Она помогла мне пару раз в детстве. Тут большинство копов — полный отстой. А Одетта — нет.

— Хреново, что прошло пять лет, а у них так и не появилось ни единой зацепки, — забрасываю я удочку. — Они хоть чуть-чуть приблизились к разгадке того, что с ней случилось?

— Слушай, я сегодня уже по горло сыта репортерами.

— Я не репортер, — парирую я. — Посоветуй, где можно остановиться?

В ответ на мой весьма обиженный тон выражение лица девушки смягчается.

— Все три местных отеля стоят рядом на этой стороне шоссе по идиотскому распоряжению городской администрации, — поясняет она. — Нас всех приложило, и мы закрываемся. Я сегодня всех отправляла в гостиницу «У Марджери» в городе, но там уже все забито, а Марджери злится,

что я даю ее номер телефона, только чтобы от меня отвяли. Ее упрашивают пустить хоть на крыльцо за триста баксов. А многие туристы напились. Потому что с кладбища отправились в бар.

— А ближайший отель в соседнем городе?

— Я видела в «Твиттере», что многие въезды и выезды перекрыты. Куча аварий. Идиоты, как обычно, вставали под эстакадами. Много машин побило. Эвакуаторы и полицейские машины постоянно туда-сюда ездят. — Моя собеседница разражается рыданиями. — Никогда, наверное, этот ураган не забуду. Никто не говорил, что снаружи животные так будут орать от ужаса. Тетка вдвое старше меня, которая пряталась со мной под этой стойкой, натурально звала маму. Надеюсь, мою дочку в детском саду тоже кто-то успокаивал, как я ту тетку.

— С малышкой все хорошо? — Я подхожу поближе к стойке. Больше *эмпатии.*

Перед компьютером у девушки выстроились в ряд миниатюрные бутылочки с алкоголем. Половина без крышечек и пустые.

— Да, слава богу. Бывший забрал прямо перед тем, как все случилось. Компенсировал, так сказать, десятимесячный долг по алиментам. Мне

очень нужна эта работа, а парни с крыши говорят, надо пять месяцев, чтобы все тут починить и снова открыться. Мне только что зарплату подняли и повышение дали, потому что отзывы про меня пишут очень хорошие. Вот, на бейджике «Менеджер по работе с гостями». Не каждому такую должность дают. «Лучший отель на родине Труманелл, штат Техас». Это я такой слоган на наш сайт придумала.

— Да, это все так некстати, — сочувствую я. — Отзывы почитаю.

— Вот, возьми бутылочку текилы. Даже две. Меня зовут Лорин, с «н» на конце, а то иногда путают и пишут «Лора» или «Лори».

— Думаю, что ты сегодня проявила настоящее геройство, Лорин, — говорю я после некоторого замешательства.

Она сдерживает всхлип.

— Наверное, да. Многие постояльцы просто взбесились, когда поняли, что живы-здоровы. Будто *обиделись*, что им причинили столько неудобств, а никакой катастрофы не случилось. Босс мой на Гавайях. Коп заезжал только один, видит, я справляюсь, ну и рванул дальше. — Ее взгляд неожиданно становится пристальным и останавливается на моем лице.

А мне в таком уставшем состоянии хватает и этого. Мгновенно накатывает паника. В искусственный глаз попала тушь с ресниц или прилипла грязь из подземелья? Дул такой сильный ветер. Мусор летит в глаза, а я не чувствую. Приходится часто смотреться в зеркало. Банни говорит, что надо избавиться от этой привычки, а то будут думать, что я занимаюсь самолюбованием.

«Ты что, не чувствуешь?» — спрашивают окружающие с таким удивлением, будто у меня в животе торчит кинжал. И я начинаю бояться, что они заметят малюсенький шрамик и то, что одно веко опущено чуть больше, а глаз запаздывает. Кто-то слишком громко скажет, мол, глаз у девушки странный, и отец меня найдет. Может, и на родине Труманелл, в штате Техас.

Мне стоит огромных усилий не коситься в маленькое зеркальце Лорин.

— Ты симпатичная. И сережки мне твои очень нравятся.

Не глаза. Лорин смотрит на мои уши.

— Обычно я не такая размазня, — продолжает она. — Что касается твоего вопроса, ставят по-прежнему на Уайатта Брэнсона. Мужики перестали его доставать после того, как он установил

надежную растяжку по периметру. Местные женщины его *любят*. Для них Уайатт Брэнсон — техасский Идрис Эльба, только белый и с южным выговором.

Прикидываю, расистская это шутка или нет. Решаю, что нет, но спрашивать в «Твиттере» не рискнула бы.

Лорин протягивает мне свою визитку. Я ей — двадцатидолларовую купюру.

— Спасибо за информацию, — говорю я. — Ты мне очень помогла.

Лишних денег у меня нет. Теперь вот новые кроссовки нужны. Но самой мне давали двадцатидолларовые купюры, когда я была на мели. Еще мне надо реабилитироваться за свое желание пустить кровь Уайатту Брэнсону. Что, если он снова спас мне жизнь?

Наверное, это какая-то шестая стадия.

Я толкаю дверь; один из рабочих на крыше выдает гневную тираду на испанском. Узнаю несколько слов, которые немексиканцам лучше не употреблять.

Проверяю в зеркале заднего вида, нет ли в глазу чего-нибудь инородного, и выезжаю на дорогу, чувствуя себя как никогда одинокой. В моем мире хуже одиночества только полная слепота.

Откручиваю крышечку одной из мини-бутылок текилы и залпом выпиваю. Тетка бы мной гордилась. Внутри жжет, будто горящую спичку проглотила.

Смотрю по сторонам, налево — дважды и медленно выезжаю.

Не хочу туда возвращаться. Но тем не менее поворачиваю направо.

47

Если меня поймают, я не смогу объяснить, что я тут делаю.

Эта мысль крутится в голове, пока я во второй раз за десять часов вожусь с замком на двери Синего дома. Влево, вправо, влево. Глаз непрерывно оценивает обстановку. В окнах дома через дорогу нет ни света, ни движения.

Синий дом, похоже, пережил ураган без особых потерь. На лужайке перед домом валяются несколько тонких веток, а флаг Техаса над крыльцом обмотался вокруг флагштока. Мучительно хочется подойти и расправить его. Если бы не фонарь на крыльце, так бы и сделала.

Каждый знакомый мне житель Оклахомы и Техаса, даже если сам он человек так себе, почувствует то же самое при виде флага, подвергшегося

такому непочтительному отношению.

Главное, что говорит этот флаг о Синем доме: кто-то неравнодушный заботится о том, чтобы он подсвечивался ночью за счет таймера. А значит, заночевать в доме — действительно дурацкая идея. Что ж, увидим.

Я старалась проявлять осторожность. Машину оставила за шесть кварталов отсюда, переложила кое-что из небольшой дорожной сумки в рюкзак. Скрючилась на заднем сиденье, переоделась в сухое (белый топ, синие штаны с желтой мультяшной птичкой), рассудив, что в таком наряде одинаково удобно и спать, и удирать.

Светлая одежда точно привлекает меньше внимания, чем темная, особенно ночью в жилом районе. Главное, всегда выглядеть *обычно*.

Замок щелкает.

Едва сбросив рюкзак с плеча, чувствую, что вот-вот отключусь. Голова идет кругом, во рту сухость и жжение — все признаки того, что я могу потерять сознание. Последнее, что я ела, — четыре мармеладных червячка. Шарю по кухонным шкафам. Улов так себе: пачка крекеров и банка консервированной фасоли со свининой — срок годности истек полгода назад. Запихиваю в рот десяток крекеров, и сразу становится лучше.

Фасоль в микроволновке не грею — боюсь шуметь. Вздрагиваю от узкой полоски света из холодильника, когда лезу туда за пивом.

С усилием глотаю слипшуюся фасоль, глядя прямо на корешок «Бетти Крокер», угадывающийся в полутьме.

Курица с клецками. Так и помню фото из книжки: вязкая неаппетитная масса, снятая в доинстаграмном мире. Но у мамы получалось вкусно. Я даже помню номер страницы. Девяносто пять. Список ингредиентов: смесь для выпечки, куриный бульон с грибами, стакан замороженного горошка и моркови. Мама разрешила мне вычеркнуть черным маркером сельдерей. Рядом с рецептом было написано ее неразборчивым торопливым почерком: «Вкуснее с четвертью чайной ложки чесночной соли».

После половины банки с фасолью, запитой пивом, голова начинает более-менее соображать.

Уничтожаю следы своей трапезы. Вымытую ложку засовываю обратно в ящик. Ополаскиваю банки из-под фасоли и пива и убираю их в рюкзак. Все это проделывается при скудном лунном свете, просачивающемся сквозь «ананасовую» занавеску.

Меня беспокоит вопрос, где спать. Я размыш-

ляла над этим всю дорогу от отеля. На кровати Одетты как-то неправильно. Жутковато. Диван в гостиной стоит на открытом месте. Иду в спальню и открываю кладовку. Осматриваю ее с фонариком от телефона. Та же форма в полиэтиленовом чехле и четыре протеза.

Внутри кладовка обита ковролином, и размер приличный — можно поспать, свернувшись калачиком. На верхней полке — две подушки и стопка одеял. Одетта будто снова говорит: «Добро пожаловать!»

Двигаю полицейскую форму к остальной одежде, так чтобы ее не было видно. Осматриваю протезы. Два из них — металлические, со ступней внизу, очень похожие на тот, что она носила, возможно старые, с которыми не смогла расстаться.

Третий — не протез, а очень реалистичный индивидуальный чехол, имитирующий кожу, который надевался поверх протеза в особых случаях. Прямо голливудский реквизит. Настоящее произведение искусства. Беру его в руки и внимательно осматриваю: ногти, накрашенные лаком, чуть более розовая ступня, голубоватые вены, слегка выпирающая икроножная мышца, должно быть полностью имитирующая такую же на здоровой ноге.

Последний протез — беговой, обтекаемой формы. Сразу вспоминается реклама «Найк» с Оскаром Писториусом, снятая до того, как он застрелил свою девушку, после чего его больше не звали сниматься в рекламе.

Он мчался на таких протезах со сверхъестественной скоростью. Его слова звучали как вызов: «Мне говорили, что я никогда не смогу ходить… бегать наперегонки с другими детьми… что безногий человек не способен бегать… что теперь скажете?»

Что теперь скажешь?

Протезы, составленные в ряд, будто задают мне этот же вопрос.

Спать с ними рядом — совсем не то, что с котом, но убирать их было бы невежливо.

Делаю подстилку из одеял и оставляю дверцу приоткрытой, чтобы поступал воздух. Кладу голову на подушку и поджимаю ноги, чтобы случайно не пнуть протезы. Десять минут. Двадцать. Ворочаюсь с боку на бок. Снова и снова. При малейшем шуме думаю, что это, наверное, отец. С десятилетнего возраста я воспринимаю все звуки в ночи как послание от него.

Нет, меня беспокоит что-то другое.

Выбираюсь из кладовки и иду в носках в кори-

дор. На ощупь выключаю свет на крыльце.

Открываю дверь. Разворачиваю флаг.

Снова включаю свет на крыльце.

Показываю средний палец старику с портрета.

Засыпаю, едва моя голова касается подушки.

– No quiero entrar el armario con las piernas.

Не полезу в кладовку к этим «ногам».

Испанский я знаю хорошо, но сны на нем мне еще не снились.

– Creo que Señor Finn estaba aquí.

Похоже, мистер Финн тут был недавно.

Резко открываю глаза. Это не сон. Кто-то разговаривает прямо в нескольких шагах от дверцы. Открывается окно. Включается пылесос, наверное в гостиной.

Мгновенно вспоминаются навыки, приобретенные в приюте.

Alguien viene!

«Кто-то идет!» — обычно шипела нам десятилетняя Люси Альварес — самая младшая воспитанница приюта, чья кровать стояла ближе всех к двери, и мы лихорадочно прятали всю «запрещенку».

Здесь «запрещенка» — *я*.

Хватаю с пола телефон. Засовываю рюкзак в угол с сумками, а сама залезаю за одежду на

вешалках. Встаю так, чтобы мои ноги оказались между парами обуви. Нет времени собирать одеяла с подушками и складывать их обратно на полку.

Остается надеяться, что никто действительно не полезет в кладовку, где стоят эти «ноги».

Банка пива. Видимо, горничная или одна из горничных заметила пропажу. И теперь они думают, что приезжал муж Одетты.

Пылесос выключается. Снова слышится испанская речь, на этот раз, к моему облегчению, неразборчиво, потому что говорят в другой комнате. Так что дверца распахивается, когда я этого совсем не ожидаю.

Наступает пауза. Я стою, затаив дыхание, а кто-то в проеме рассматривает мою лежанку. Или ноги. Или рюкзак. А может быть, все подряд. Не знаю, насколько внимателен этот человек, а сама я вижу лишь темно-синее кружево на одном из Одеттиных платьев в длине ультрамарина. Для меня было бы лучше, если бы Одетта одевалась чуть менее смело.

– *Ven acá!*

Иди сюда!

Зовет напарницу.

Что делать? Схватить рюкзак и бежать? Бегаю я

быстро — как-никак замыкала эстафету 4 × 400 на региональных соревнованиях. Возможно, успею пробежать шесть кварталов до приезда полиции. Но я медлю.

– *Muy triste,* — тихо говорит женский голос. — *El señor Finn estaba durmiendo aquí. Lo dejaré solo.*

Как печально. Мистер Финн спал тут. Не буду ничего трогать.

– *Si, déjalo.*

Да, лучше не трогай.

Дверца захлопывается, снова погружая кладовку в темноту. Меня переполняет благодарность. В первую очередь Люси Альварес, которая прочитала мне вслух всю книгу «Гарри Поттер и философский камень» на испанском, лежа в своей кровати у двери (и научила меня настоящим мексиканским ругательствам, из которых мне лучше всего запомнилось самое грубое). А еще — горничным, которые оказались такими добрыми и человечными, а могли бы с ворчанием складывать и запихивать одеяла и подушки на полки, услышать мое дыхание, задеть мою руку, заметить еще чьи-то ноги, кроме протезов.

Я прячусь за синим кружевом еще около двух часов, пока наконец не щелкает дверной замок.

Ищу в рюкзаке косметичку и зубную щетку,

размышляя, что это небольшое происшествие — к лучшему.

Теперь горничные не придут по меньшей мере неделю. Может, и получится поночевать здесь еще так же осторожно. Тихонько открываю дверцу. Еще всего-то 8:32 утра.

Одеттино белое пуховое одеяло с виду совсем не жуткое, а похоже на зефирное облако.

Прилягу на минутку.

Анжелика *Одетта* Данн.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то произносит мое имя. Какой-то человек склонился над кроватью и зачитывает вслух информацию с моих водительских прав.

«Мистер Финн *aquí*»[68], — думаю я, почему-то наполовину на испанском.

Вторая мысль: «Он забрал рюкзак, который лежал у меня в ногах. А там весь набор предметов первой необходимости: карта, телефон, ключи, старый искусственный глаз и деньги».

Трудно сосредоточиться, когда над тобой нависает незнакомец. Сердце бешено колотится. Прижимаю большие пальцы к основаниям средних, как учила Банни.

---

[68] Notes: 68
Здесь *(исп.)*.

— Итак, Анжелика Одетта Данн, — продолжает незнакомец. — Что ты делаешь в моей постели? И что это за манипуляции? Держи руки так, чтобы я их видел.

— Мудры из йоги, — с трудом выдавливаю я. — Перезагружаюсь. Хорошо помогает. От приступа паники. Правда. Расслабляет сердечный нерв.

— Чушь собачья.

— Я все объясню. Можно рюкзак? Куда вы его дели?

— Сначала объясни.

Приподнимаюсь и оглядываю комнату в поисках рюкзака. Его нигде нет. Это очень, очень нехорошо.

— Я приехала на вчерашнюю траурную церемонию. — Мой оклахомский говор вылез из норы. — Отели в городе закрыты. Мне жаль. Я не должна была находиться в постели Одетты. Это неправильно.

Сидя хозяина видно гораздо лучше. Не такой уж плечистый. Но высокий, как на фото на комоде, где он почти на голову выше Одетты. Только вместо футболки с эмблемой Национального парка — рубашка с голубым воротничком и галстук. Очки в ретростиле, не солнцезащитные, обычные. Вместо улыбки — явная, неприкрытая злость.

— Так ты из группы поклонниц? — спрашивает он. — Фанатка?

— Нет-нет. Вообще ничего общего. Я любила Одетту. Взяла второе имя в честь нее. Вы его видели на правах.

«Притормози. Найди нужный тон, и все будет хорошо», — думаю я, а вслух говорю:

— Я хочу узнать, кто убил Одетту. Я хочу… справедливости.

— Все хотят, — бормочет Финн. — Кстати, все, что ты сказала, — готовый портрет фанатика. Плюс вещи из рюкзака: карта для слежки и пушка — куда уж нагляднее. Советую поторопиться, чтобы убедить меня не сдавать тебя полиции.

— Я знала Одетту. *Лично*. Она мне помогла. *Изменила мою жизнь*. Пять лет назад. Помогла мне обрести глаз. Этот *волшебный* глаз. — Я лихорадочно стучу себя по лицу. Наверное, со стороны это кажется поведением сумасшедшей.

Времени на раздумья нет, и я принимаю решение. Вынимаю глаз и протягиваю его на ладони. Я не жду, что Финн до него дотронется. Но хотя бы слегка опешит и сбавит тон.

Тех, кому я показывала пустую глазницу, можно перечесть по пальцам одной руки, и только за последние сутки я это сделала дважды.

Опускаю голову, как и всегда, когда остаюсь без глаза. Финн берет меня за подбородок, заставляя поднять лицо. Сдерживаю порыв отстраниться.

Я знаю, на что он смотрит. На глаз как у зомби. Мое самое уязвимое место.

Стыд, неуверенность, тревога, тошнота. Черт, опять все те же ощущения, а я каждый раз надеюсь, что их не будет.

— Трюк впечатляющий, но он не снимает с тебя ответственности за преступление, — говорит Финн, отпуская мой подбородок. — И ничего не доказывает. Верни глаз на место и вставай.

Я так огорчу Банни, если придется вызволять меня из тюрьмы.

Преступление. Я лишусь стипендии? Потеряю ее *саму*?

На помощь приходит Одетта.

— У меня все же есть кое-какое доказательство, — заявляю я.

48

Нежная, стойкая, сильная, находчивая, добрая, чуткая.

Финн снова читает вслух, на этот раз сидя за кухонным столом. Между нами — мой рюкзак. Финн поглаживает затертый бумажный листок.

Мы с Одеттой столько раз складывали и разворачивали письмо, что сгибы истончились и просвечивают. Уголок заклеен, потому что листок однажды вырвали у меня из рук. В одном месте бумага слегка покоробилась, и я всегда представляю, что там было пятно от слез Одетты.

— Это подарок Одетты, — говорю я умоляющим голосом. — Слова написал ее отец, чтобы напомнить ей, какая она.

— Я прекрасно знаю, что это. Она всегда носила это письмо с собой. Называла своим талисманом. Относилась к нему суеверно. Одетта помогла многим девушкам. Но ты, должно быть, значила для нее нечто большее, раз она подарила письмо тебе.

Слова великодушные. Но я не вполне им верю. Возмущен, что ее талисман был у меня, когда она умерла? Подозревает, что письмо отдано не по доброй воле? Чувствую, что его надо убедить.

— Она отдала мне его в день исчезновения, — шепчу я. — Может, в свой последний день на земле. Я не могу этого забыть. Она будто знала, что с ней что-то случится. Я все время пытаюсь вспомнить каждое ее слово. Клянусь, что я не украла письмо.

— Не это меня беспокоит, — сухо отвечает

Финн. — Этот клочок бумаги ценен только как подарок. Какой у тебя на самом деле план, Анжелика?

Встретиться с каждым из списка подозреваемых. И ты в нем. Вот мой план.

— Хотела сама побывать в городе, — медленно отвечаю я. — Как будто это мой долг перед Одеттой. Возможно, что-то узнать. Удивить кого-нибудь. — Я улыбаюсь своей самой искренней оклахомской улыбкой.

Финн на это не покупается.

— Ты совсем недавно официально стала взрослой. Я намного тебя старше, и я адвокат. Так что поверь мне, намерение «кого-то удивить» — отличный путь к неприятностям. Я ценю твою мотивацию, твою преданность памяти моей жены, но самый лучший способ почтить ее память — продолжать жить. Поезжай домой. Вот чего она бы хотела. — Он двигает письмо обратно мне по столу.

Я не беру его. Сдерживаю злость, не только на Финна, но на всех взрослых, кто связан с этим делом и не почесался найти ответ. Одетта с таким же успехом может быть похоронена под тяжеленной скалой на невидимой планете в другой галактике, а Труманелл — еще за миллион свето-

вых лет от нее.

— Я чувствую себя взрослой с тех пор, как себя помню, — говорю я дрожащим голосом. — То, что мы с ней встретились, — это судьба. Одетта говорила, что она так думает. Чтобы спасти меня. А я думаю, она ошиблась. Это я должна была спасти ее.

Финн долго молчит. Потом стучит пальцем по письму:

— Не хватает слова, подходящего вам обеим. *Упрямая*. Упрямство ее и убило. — Он не говорит «сумасшедшая», хотя я чуть не подписала это слово сама.

Финн смотрит мне в лицо, будто в нем нет изъяна, не пытается отвести взгляд. Так же, наверное, он смотрел на Одетту в первый раз, потому что иначе она бы не вышла за него замуж.

— Она была такой *умной* и такой *глупой*, — тихо говорит он, часто моргая.

Этот взрослый мужчина либо сдерживается, чтобы не расплакаться передо мной, либо прекрасный актер.

Затем он властно кладет руку на лямку рюкзака:

— Разрешение на оружие есть?

Я киваю:

— В машине лежит.

— В твоих правах написано, что тебе восемнадцать. В этом возрасте можно легально купить пистолет в Техасе только с рук. Так?

Снова киваю. Снова лгу. Хочу, чтобы он убрал руку с рюкзака. Я не признаю́сь, что взяла пистолет из ящика с инструментами в гараже, где Банни его хранила. Что полгода тренировалась стрелять по банкам кока-колы, но все еще иногда промахиваюсь. На самом деле не иногда.

— Вот как поступим, — говорит Финн. — Используем друг друга. Я разрешу тебе остаться здесь на несколько дней. В ответ ты разберешь шкафы и комоды. Упакуешь вещи в коробки, чтобы отдать на благотворительность. Или выкинешь. Может, так у нас обоих в жизни что-то сдвинется.

— А сами не будете разбирать? — выпаливаю я. — Не боитесь, что я что-нибудь украду? Выкину важное? Не хотите узнать больше обо мне? Осенью я уезжаю учиться на биохим в Университет Техаса. Умею ругаться на испанском. Чемпионка Техаса по математике. Что еще вам рассказать?

Опять болтаю лишнее.

— Как тебе памятник? — неожиданно спрашивает Финн.

— На кладбище? Помесь вампира с королевой Елизаветой.

Финн смеется:

— Понятно, почему ты понравилась Одетте. Она тоже была девушкой с характером. Я всегда терпеть не мог этот дом. Хочу все отсюда выбросить. Что касается тебя, я знаю номер твоих прав и наведу справки сам. Нарушить твое личное пространство кажется справедливой платой за то, что ты проникла в мое. И для ясности: я здесь больше не живу. Но думаю, ты и так это знаешь. И еще много чего.

Это правда. Я знаю, что он хранит новую зубную щетку и обручальное кольцо в шкафчике с аптечкой, а его пистолет совсем недавно лежал в сливном бачке, что очень несерьезно для человека, называющего себя мужем Одетты. Причем пистолет, возможно, тот же, который я только что заметила за ремнем его брюк на спине, на случай если буду представлять угрозу.

Знаю, что по меньшей мере один таблоид написал, мол, его фешенебельная квартира в Далласе получена на страховку Одетты, и еще в газетах приводились якобы слова владельцев баров на Гринвилль-авеню о том, что у него проблемы с алкоголем.

Еще мне известно, что у него на тумбочке лежит первое издание «Гекльберри Финна» с автографом «Сэмюэль Клеменс» и старой открыткой на день рождения от Одетты в середине книги. И эту книгу я ему выбросить не позволю.

Финн встает и смотрит на свои часы:

— У меня встреча через десять минут, буду на связи. — Он уже стоит у кухонной двери. — Где ты научилась вскрывать замки?

— Дерьмовый замок, — отвечаю я. — Третьеклассник вскроет. И еще кое-что. Маленькое одолжение, просить о котором я не имею права, учитывая обстоятельства. Кроме вас, никто не знает, что я здесь. Пожалуйста, не говорите никому, ладно? Даже… Мэгги.

— Ты знаешь Мэгги? Кузину Одетты? — удивляется Финн.

— Одетта отвезла меня к ней домой… после того, как меня нашли. Всего на пару дней. Я собираюсь повидаться с ней до отъезда. И с Лолой. Просто не прямо сейчас.

— Мэгги с мужем никогда не упоминали тебя.

— Я написала ей из приюта и попросила держать все в тайне. Есть веская причина. Личная. Там все вышло из-под контроля… когда пропала Одетта. Мэгги чувствовала себя виноватой за

то, что сдала меня соцработнику. В опеку. *Очень* виноватой. Лола плакала.

Я не упоминаю ни Уайатта Брэнсона, ни поле одуванчиков.

Не объясняю, что мой отец — убийца. Финн скоро сам это выяснит. Он же адвокат. И знает номер моих водительских прав.

— Боишься чего-то, о чем мне не рассказала? — тихо спрашивает он.

Передумываю врать.

— Может быть, — говорю я. — Да. Всегда боялась. Просто не могу об этом говорить.

— Я не скажу никому, что ты здесь, если не сделаешь ничего, что потребует моего профессионального вмешательства. Договорились? — спрашивает Финн после некоторого раздумья.

— Если соседи увидят и спросят, почему я здесь?

— Скажи, что сняла у меня дом на ай-р-би-эн-би. И чтобы позвонили мне.

— Спасибо.

— Не разочаровывай меня. Пустые коробки в гараже. Ключи от дома приклеены скотчем к ящику со столовым серебром. — Он пишет несколько номеров на меловой доске под рисунком человечка. — Мой сотовый. Звони. Насчет

дома. Любого шума ночью.

Запираю кухонную дверь за Финном. Он притягательный и привлекательный, как Уайатт Брэнсон, просто совсем по-другому. Банни бы назвала его афродитом, имея в виду слово «эрудит». Теперь понятно, почему все таблоиды утверждали, что Одетта разрывалась между мужем и старым бойфрендом.

Меня охватывает чувство, похожее на радость. У меня есть законное место для ночлега. И официальное разрешение просмотреть вещи Одетты.

Второй день, а дела продвигаются.

Я определенно не даю покоя людям в моем списке.

За окном ревет мотор. Перегнувшись через раковину, выглядываю из-за «ананасовой» занавески. Синий кабриолет с откидным верхом. Кремовая кожаная обивка. Финн уверенно выезжает задним ходом, как человек, который не сомневается в себе, что бы ни крутил: руль машины или рулетку.

Радость утихает. Должна быть еще какая-то причина, почему Финн разрешает незнакомой девчонке остаться в своем доме. Может, как раз хочет, чтобы обо мне никто не знал, а я была под его контролем там, где меня можно найти.

49

Я сижу высоко на дубе над местом, помеченном на карте Трудетты как точка номер 7, «Место изнасилования». Выпускаю дым от травки в маленький треугольничек голубого неба в прогале листьев.

Здесь Труманелл Брэнсон остановила насильника и стала народной героиней. Никакой опознавательной таблички нет, про ориентир на карте смутно сказано: «Первое высокое дерево в начале прогулочной тропы Индиан-трейл к востоку от парковки; указателя нет согласно постановлению городского совета».

Прикидываю, что преступление шестнадцатилетней давности происходило либо на клочке земли под этим гигантским дубом, либо же подо мной — самое популярное место свиданий в парке. Возможно, и то и другое.

Отсюда прекрасно видно дешевые засохшие цветы все еще в целлофане, несколько пустых бутылок из-под вина, две голубые упаковки от презервативов и что-то белое и кружевное, что так и не надели обратно. Снова затягиваюсь и прибавляю громкость в наушниках, так что они почти вибрируют от протяжного южного напева

Алана Джексона[69]. Хочу не только проникнуться духом этого парка, но и лучше понимать *психологическую* атмосферу.

Хочу закопаться в легенду о Труманелл, Одетте и этом городе, не имеющем иного смысла существования, кроме как ждать. Хочу вглядываться в озеро, которое выглядит намного темнее и безобразнее, чем в моих снах, так что, может, это и не оно.

Несколько недель назад я начала составлять таблицу с именами людей, причастных к этому делу. Коп из меня вышел бы так себе. Я сдалась на семьдесят третьей строке. Казалось, что, если продолжить, персонажей наберется не меньше, чем у Стивена Кинга в «Противостоянии».

Например, парень-насильник, которого Труманелл побила под этим деревом. Гниющий в тюрьме Фред Ли Типпен, возможно, решил подослать кого-то расправиться с Труманелл. Ведь это с ее подачи заговорили все остальные его жертвы — жительницы города. Однако поговорить с Фредом я не могу, потому что две недели назад его вновь отправили в Хантсвилл за изнасилование женщины на заднем ряду пустого кинотеатра во

---

[69] Notes: 69

Алан Джексон (р. 1958) — американский кантри-музыкант, автор-исполнитель.

время сеанса «Звездных войн».

По пути сюда я все равно проехала мимо его дома. В детском бассейне во дворе играл голенький малыш, совершенно без присмотра. Я вытащила его из воды и постучала в дверь. Мать сделала вид, что она в шоке, — мол, не знала, как ребенок оказался во дворе совсем один. Но я-то знаю правду. Привела немало заблудившихся малышей к воротам трейлерного парка.

Или девушка, которую Труманелл здесь спасла. Элайза Манчестер. Сейчас тридцатиоднолетняя мать двоих детей. Она познакомилась с мужем в юридическом институте. Дочь назвала Нелл, а сына Труман. На фотографии из блога Трудетты она в розовой пушистой шляпе, которую связала сама. Мол, это тебе, Труманелл. Ты по-прежнему спасаешь мир. Снова затягиваюсь.

Девушка по имени Лиззи, «двойник» Труманелл. Она где-то скрывается после того, как написала дешевый бестселлер под названием «Моя сестра Труманелл». Как только книга вышла весной, в Сеть просочился результат ДНК-теста, показавшего, что Элизабет «Лиззи» Рэймонд со стопроцентной вероятностью не является биологической дочерью Фрэнка Брэнсона. Но мать все эти годы внушала ей обратное. Эти люди не в

себе. Весь город не в себе.

Делаю последнюю затяжку. Отправляю дым в небо.

На озере только я и два мускулистых парня с удочками, которые проводили меня более чем любопытными взглядами, когда я прошлепала по грязи к дубу.

Я отшила их взглядом: «Лучше не подходи». Пистолет остался за пачкой крекеров в Синем доме, но с собой у меня острый нож. Я тренировалась с ним на старом боксерском манекене, который повесила на дерево за домом Банни.

Не коли, полосни. Это выражение у нас с Мэри было вместо «спокойной ночи» и «пока» и «я люблю тебя» в приюте. На самом деле у нас был только пластмассовый белый ножик, которым мы намазывали арахисовую пасту на крекеры. Но девчонки к нам не лезли на всякий случай.

Чем сильнее кайф, тем больше озеро притягивает меня, как гигантский магнит.

Еще ужасно хочется куриного супа с клецками.

Парни скинули рубашки, чтобы показать, какие они мачо, то есть симпатичные в духе Мэттью Макконахи[70], перешли в лодку и теперь стоят

[70] Notes: 70

Мэттью Макконахи (р. 1969) — известный американский актер и продюсер.

в ней возле берега, покачиваясь. На одной из удочек бьется рыба, сверкая и болтаясь из стороны в сторону, словно взбесившийся серебряный маятник.

Почему мужчинам обязательно нужно убивать прекрасное?

Оглядываюсь — нет ли поблизости отца — и осторожно спускаюсь с дерева.

Лучший способ показать, что ты свой, — вести себя соответствующим образом. Так что я подруливаю на белом арендованном «хёндай» прямо к Синему дому.

Машу соседке, которая, стоя на коленях, сажает красные петуньи, качу по гравию светло-оранжевый чемоданчик с эмблемой техасской команды «Лонгхорн» — его мне подарила Банни на окончание школы — и вставляю ключ в замок боковой двери.

Впускаю солнце, раздвинув «ананасовые» занавески, и разгружаю продукты. Кока-кола, сырные палочки, протеиновые батончики, два вида чипсов, кислые мармеладки, замороженные яичные рулетики, соусы: сырный и сальсу, банка куриного бульона с грибами, смесь для выпечки, пачка моркови, горошек, куриные грудки, молоко, чесночная соль. Я нашла все ингредиенты

для куриного супа с клецками, катая тележку по магазину и на ходу уплетая бургер.

Затем я готовлю ванну, что люблю даже больше, чем громко болеть за участников «Колеса Фортуны» с Банни и врубать Эми Уайнхаус на полную мощность.

Расставляю косметику на раковине, кладу зубную щетку с пастой на белую салфетку, убираю шампунь и кондиционер в душ и вешаю полотенце.

Раскладывание вещей в ванной успокаивает. Скорее всего, потому, что я прожила целый год с шайкой девчонок, у которых была одна цель: стащить у меня всю помаду и все до единого тампоны.

В день переезда к Банни я проторчала в ванной так долго, заряжаясь радостью по методу Мари Кондо[71], что Банни думала, я сбежала через окно.

А вот глазные протезы со мной двадцать четыре на семь. У меня их два: тот, что сейчас на месте, — зеленый с золотистыми вкраплениями и запасной — тускло-карий, который я сочетаю

[71] Notes: 71

Мари Кондо (р. 1984) — японская писательница, автор международного бестселлера «Магическая уборка: Японская система наведения порядка дома и в жизни» (2011).

с такой же контактной линзой без диоптрий в здоровом глазу. Банни спросила, что я хочу на шестнадцатилетие, и я пожелала «менять цвет глаз на обычный». Она не спрашивала зачем — и так знала.

Банни уверяла, что беспокоиться не стоит — отец меня не найдет, ведь он ищет девушку с одним зеленым глазом, а мой искусственный глаз не отличишь от настоящего. Я тоже не хотела, чтобы она беспокоилась, поэтому не сказала ей, что мой здоровый глаз совершенно неотличим по цвету от отцовых глаз, а он видит их в зеркале каждый день. Вот в чем проблема.

Тогда я в четвертый раз побывала у глазного протезиста. Оказалось, что его клиника, куда Одетта меня возила, — всего в сорока минутах езды от дома Банни. Будто об этом заранее позаботился сам Господь.

Протезист тоже никогда не употребляет слова «зачем». Только «что» и «пожалуйста». Что я чувствую с новым протезом? Что нарисовать в уголке на этот раз? Что, по моему мнению, случилось с Одеттой? Что за ужас творится!

Пожалуйста, не забывай, что нельзя рисковать здоровым глазом.

Я ставлю чемодан на старый сундук у изно-

жья кровати. Белое одеяло-облачко снова манит прилечь.

Но надо поработать. Не хочу разочаровать Финна, если он зайдет еще и утром. Не хочу, чтобы меня выгнали за то, что я не выполнила уговор.

И в этом доме точно что-то есть. Я это чувствую, и вовсе не потому, что все еще под кайфом.

Беру из кухни колу и протеиновый батончик, а из гаража — две большие картонные коробки и несколько мешков для мусора.

Сегодня старик на портрете особенно угрюм. Переворачиваю его лицом к стене и начинаю со шкафа в прихожей.

Спустя двадцать минут решаю, что легче провести ночь в камере, чем разобрать этот шкаф. Мне даже начинает казаться, что, как только мне удается освободить часть пространства, невидимый человечек через стенку подкидывает очередную порцию вещей.

— Да хватит уже! — ору я, выуживая из шкафа полбутылки с мочой койота для отпугивания оленей.

Складываю старые комплекты полицейской формы и шерстяные пальто в коробки и мусорные мешки, при этом тщательно выворачиваю каждый карман и пересматриваю старые чеки

и мятные конфеты. Сортирую мелочь. Составляю список на случай, если Финн все же решит посмотреть, что именно он отдает на благотворительность.

Четыре зонта, пневмопистолет, мультиварка и старая репродукция «Тайной вечери» да Винчи в раме. Рассматриваю картину несколько минут, прежде чем завернуть ее в газету. Мне она всегда казалась чересчур пафосной. Лучше версия Сальвадора Дали, где апостолы прячут лица, а над столом парит полупрозрачный торс Иисуса. Собственно, эта картина больше всего мне и запомнилась из поездки в старших классах в Вашингтон, округ Колумбия. Я тогда первый раз попала куда-то, где не проглатывают слова, как у нас.

Еще в шкафу нашлись: раздавленная коробка для рубашек с изображением уродливого Санты, четыре крупные дешевые вазы, в которых наверняка стояли цветы на похоронах, два алабамских номерных знака, куча пулек для пневматики, высыпавшихся из коробки. И «винегрет» из всякой всячины, какую обычно наклеивают в альбомы: письма, фотографии, медаль, детские рисунки с неровно выведенной подписью «Одетта». Делаю отдельную стопку из всего бумажного и связан-

ного с воспоминаниями.

Внимательно все читаю и почтительно рассматриваю каждую фотографию. Одетта со здоровыми красивыми ногами. Одетта держит за руку девочку, похожую на юную Мэгги.

Семейное фото с пикника, празднования Рождества, дня рождения. Фотографии, на которых совершают обряд очищения в озере или в реке, напомнили мне о доме. Речка, что протекала рядом с трейлерным парком в Оклахоме, была грязным-грязна от смытых людских грехов.

В конце концов поступаю безжалостно, как и просил Финн. Медаль кладу на столик в прихожей, а все фотокарточки и письма отправляю в мусорные мешки. Заталкиваю коробки и мешки в угол гостиной с ощущением, что потратила впустую целых три часа второго дня. Медяки из всех карманов временно оставляю на журнальном столике.

Это определенно не то, ради чего я здесь. Финн хочет меня отвлечь. Теперь я в этом уверена. Он точно знает, что все, что находится в этом доме, — безобидно и не указывает ни на что.

Показываю средний палец старику на стене, подразумевая и Финна тоже.

Только что из душа, еще с мокрыми волосами, я

лежу на «облачке», смотрю на крутящиеся лопасти потолочного вентилятора и ем картофельные чипсы из пачки. Пытаюсь собраться с силами, чтобы приготовить куриный суп с клецками, которого хватит на оставшуюся неделю.

Вентилятор крутится, а я все больше и больше злюсь на Расти, Финна и Уайатта.

Все они утверждают, что любили Одетту. И чем они занимались последние пять лет? Пили? Ныли? Горевали? Может, участки минировали? Неужели ревность мешает им найти Одетту и Труманелл? У каждого есть частичка пазла, которой они не хотят делиться с остальными? Может, им встречу организовать в гостиной Одетты? Неужели нельзя вести себя как *взрослые* люди?

Тянусь за телефоном, чтобы поискать рецепт супа с клецками. Трудно ли его варить? В шесть лет казалось, что да, невероятно сложно, но это было задолго до того, как Банни научила меня готовить мексиканские пирожки со свининой, завернутые в кукурузные листья, по рецепту ее бабушки. Так там процесс занимал два дня.

Телефон разряжен.

Слезаю с кровати и иду на кухню за зарядником. Может, заодно захватить поваренную книгу Бетти Крокер? Я не открывала ее с тех пор, как

умерла мама. Нет, это будет слишком тяжело.

Дойдя до спальни, зачем-то оборачиваюсь.

Бетти так и манит к себе.

50

Кровавый отпечаток ладони похож на немой крик. Фотография лежит в том самом разделе, где было изображено бежевое блевотное месиво под названием «куриный суп с клецками».

Меня саму сейчас стошнит. Буквы постепенно обретают резкость.

Фото с места преступления, 7 июня 2005 года, отпечаток ладони Труманелл Брэнсон, подтвержден ДНК. Входная дверь. Я видела подобные фото дома Брэнсонов, но размытые и сделанные издалека, со двора. Там отпечаток выглядел как пятно соуса, пролитого разносчиком пиццы.

Рука так дрожит, что страницу удается перелистнуть только с третьего раза. Случайно капнувшая слюна застывает крошечным пузырьком на полиэтиленовой пленке, прямо на крупном изображении комка светло-каштановых волос с какими-то блестящими вкраплениями. *Фото с места преступления, 7 июня 2005 года, волосы Труманелл Брэнсон (не подтверждено), золотые блестки, кровь неустановленного проис-*

хождения, возможно менструальная. Извлечено из сливного отверстия ванны на первом этаже в доме Брэнсонов.

Еле успеваю добежать до раковины. Открываю кран и смотрю, как рвотные массы утекают в слив, отчего меня снова рвет. Яростно тру щеки и губы мокрым бумажным полотенцем, пока не начинает казаться, что кожа содрана наждачкой.

Хорошо знакомое ощущение, будто под кожу и в горло набивается зернистая пыль, вызывая те же зуд и жжение, которые прочно поселились в глазу в тот день, когда я увидела, как отец убивает маму. Зуд не проходил так долго, что врачи в конце концов сказали, мол, все это только в моей голове и никакие капли тут не помогут.

Я видела много фотографий с места преступления в доме Брэнсонов в интернете, но ни одна из них не была сделана с таким хладнокровием и не сводила Труманелл к комку волос из трубы ванны. А заодно с ней и Одетту. И маму. Фотография будто открыла в моей голове потаенную дверцу, за которой любимые лица больше не похожи на человеческие и все обращается в бессмысленный и бесцельный тлен.

Выпиваю стакан воды. Не помогает. Во рту по-прежнему саднит, будто я проглотила наждачку.

Заставляю себя снова сесть за стол. Пролистываю книгу кончиками пальцев, не задерживаясь ни на одной странице.

Содержимое поваренной книги вырвано и заменено на новое. Фотографии, полицейские отчеты, геоданные, схемы. Повсюду заметки от руки и тонкие карандашные рисунки: цветы, летучие мыши, крест, профиль Труманелл с волосами, собранными в пучок. Все записи — от первой до последней — помечены датами.

Дохожу до комплекта из четырех полиэтиленовых пакетиков. Улики? Кое-как открываю каждый. Заглядываю внутрь, но содержимое не трогаю. Шпилька для волос с одним светлым волосом, щепотка травки, пригоршня блесток, цилиндрический предмет, который, к моему огромному облегчению, оказывается тюбиком губной помады, а не отрезанным пальцем.

Замираю. Отодвигаю стул. *Что я творю*? От чужого взгляда меня отделяют лишь тонкие «ананасовые» занавески. Как мне вообще пришло в голову изображать тут домашний уют с куриным супом и клецками? Надо же было так уторчаться, чтобы катать по дорожкам оранжевый чемодан?

Никто не должен был знать, что я здесь. Ни Финн. Ни Уайатт. Ни соседка с петуньями. Как

там называлась статья в «Нью-Йорк таймс»? «Техасский городок замер в ожидании». Кто-то неожиданно въезжает в Синий дом. Такое событие ни за что не останется незамеченным, новость разлетится в мгновение ока. Убийца уж точно заинтересуется. Заявится пресса. *И отец.*

В голове пульсируют вопросы. *Это книга Одетты? Финна? Убийцы? Свидетельство одержимости или хроники преступления? Доказательство?*

Выключаю весь свет в доме, проверяю щеколды на каждом окне, опускаю шторы ниже подоконника, баррикадирую дверь коробками с хламом из шкафа, хотя снаружи дверь забита досками.

Говорю себе, что такие идиоты, как я, не заслуживают стипендии на учебу в колледже и что следовало хотя бы оставить прощальное письмо Банни под подушкой.

Труманелл, Одетта, *я* — все трое, погибшие непонятно ради чего, лежим в безымянных и неизвестных могилах на дне озера или в поле. Над нами проплывают рыбаки. Любители пеших походов, сами того не ведая, топают по нашим костям. И одуванчики множатся, множатся, *множатся*…

Мой «глаз» и «нога» Одетты — все, что останется

от нас и что найдут в земле сто лет спустя.

Засовываю поваренную книгу обратно на полку, не долистав до конца. Глаз болит, видит нечетко, читать невозможно. Но образы все так же мелькают в мозгу. Шпильки и блестки. Странные каракули. Окровавленные пальцы Труманелл.

Полтора часа лежу на кровати Одетты, положив пистолет на подушку рядом с собой, и жду, когда стемнеет. Вентилятор заглох и замер, так что теперь слышен каждый звук.

Мне будто снова десять лет.

Но даже тогда я не сдавалась.

Ровно в девять вечера я захлопываю входную дверь. Грохочу чемоданом по гравию. Несколько раз мигаю фарами. «Случайно» включаю сигнализацию.

Все это проделывается в темноте: надо, чтобы соседи знали, что незнакомка уезжает на своей белой машине, но не видели моего лица.

Срываюсь с места, взвизгнув шинами. Стекла опущены, Уэйлон Дженнингс[72] включен на полную мощь.

---

[72] Notes: 72

Уэйлон Дженнингс (1937–2002) — один из самых популярных американских кантри-певцов.

Всем! Всем! Всем! Девчонка выехала из Синего дома.

Отъехав примерно на милю, вклиниваюсь в ряд припаркованных машин. Наверное, тут вечеринка. Семейства среднего класса, в которых есть подростки с правами; на подъездной дорожке не развернуться. Да и ладно, как раз сойдет спрятать машину.

Набираю номер, который Финн оставил на доске. Гудок. Второй.

— Телефон Финна, — говорит женский голос.

Беззаботно. Слегка надменно. Едва не кладу трубку.

— Здравствуйте, — говорю я. — А Финна можно?

Пауза.

— Его сейчас нет. Могу я чем-нибудь помочь? — говорит собеседница с упором на слове «я», будто она управляет жизнью Финна.

— Просто передайте, что звонила Энджел. — Имя я произношу томно, как его, по моему мнению, произнесла бы стриптизерша. Понятия не имею, зачем мне вдруг захотелось помучить незнакомку на другом конце провода.

— С удовольствием передам, — отвечает она, хотя вряд ли выполнит обещание.

Следом я на всякий случай обзваниваю все отели города. Везде автоответчик говорит, что отель закрыт в связи с ремонтом крыши и устранением последствий наводнения.

Подумываю о том, чтобы отправить Бетти по почте в ФБР и выдвинуться домой, где в следующем списке дел значится: «Купить простыни (наверное, голубые) на длинную односпалку себе в общежитие».

Вместо этого я бегу обратно в дом Одетты.

Меня резко будит Вилли Нельсон[73], поющий «Голубые глаза плачут под дождем».

Спросонья не могу сообразить, где я.

Полоска света под дверью. Подо мной стопка одеял.

«Ноги» Одетты.

Ах да. Снова в кладовке. Песню Вилли я поставила на звонок Финна.

— Что? — выдыхаю я в трубку.

— Ты мне звонила, — говорит Финн.

— Который час?

— Почти полночь. Что случилось? — Его голос становится нетерпеливым.

---

[73] Notes: 73

Вилли Хью Нельсон (р. 1933) — легенда кантри-музыки, лауреат 12 премий «Грэмми».

— Хотела сообщить, как идут дела. — Я откашливаюсь. Во рту по-прежнему горечь, несмотря на старые мятные леденцы из кармана пальто в шкафу. — Я упаковала вещи на благотворительность.

— Прекрасно, — равнодушно бросает Финн. — Все?

— Перебрала то, что было на кухне. Тарелки. Поваренные книги. Хотите оставить что-нибудь на память?

— Я же говорил. Все на свалку. — Ни малейшего колебания в голосе.

— Не против, если я возьму себе поваренную книгу Бетти Крокер?

— Да хоть все, что влезет в машину. Белый арендованный «хёндай».

— Откуда вы знаете, какая у меня машина? — Внутри поднимается новая волна тревоги. — Вы ведь не видели ее здесь утром.

— Я видел договор об аренде в твоем рюкзаке.

Что еще ему известно?

— Выведать сведения обо мне, пока я сплю, — аморальный поступок для адвоката.

— Ты утратила право говорить о морали, когда я нашел тебя в моей постели.

— Надеюсь, *ваша подружка* слышала, что вы

только что сказали.

— Зачем ты звонила, Энджел?

— Это была проверка.

— Я ее прошел? — Финн явно развлекается.

— Узна́ете. — Я вешаю трубку.

51

— А Расти здесь?

Немолодая полноватая сотрудница за столом дежурного поднимает взгляд и внимательно осматривает меня с ног до головы.

Надпись на маленькой золотой табличке, еле видной из-за компьютера, гласит: «Мамаша Разрешите». Разумеется, так обращаться к ней не стоит.

Ее взгляд останавливается на моей самодельной татуировке — кривоватому сердечку на тыльной стороне ладони, возле большого пальца. Скрыть ее невозможно.

Бонни говорит, что заплатит, чтобы свести ее лазером, но где-то ходит Мэри с почти такой же. Мы с ней набили эти татуировки друг другу в ночь ее побега. Некоторым людям в разлуке нужно напоминание, что они смотрят на одну и ту же луну. Это расплывчатое голубое сердечко — наша с Мэри «луна».

— Расти в патруле, — сообщает Мамаша Разрешите. — Хотите оставить сообщение?

Не знаю, отшивает она меня или нет. Но невольно задумываюсь о том, как выгляжу. Запомнит ли она меня?

Если не брать в расчет искусственный глаз, мою внешность трудно назвать обычной: нос как у Моны Лизы или Сары Джессики Паркер, который мне же самой затрудняет обзор, большая грудь при общей худобе и длинные черные волосы, которые плохо поддаются окрашиванию, вот я их и не крашу.

Но самая большая проблема — взгляд. «Такой пристальный, что можно дырку просверлить», как говорит Банни в качестве комплимента. Сегодня я постаралась выглядеть скромнее с помощью карего глаза и такой же контактной линзы. Однако, похоже, на подозрительность Мамаши Разрешите это никак не повлияло.

— Да, конечно, — отвечаю я. — Пожалуйста, передайте Расти, что мне приснился вещий сон, где он стоял в коридоре с сотнями дверей.

— Имя назовете? — деловито спрашивает сотрудница. Наверняка это не самое странное сообщение, с которым к ней приходили. — Номер телефона?

— А когда он вернется?

— Не знаю. Девушка, вы хотите заявить о преступлении?

— Просто скажите ему про сон.

— Как пишется ваше имя?

— Не важно, — отвечаю я.

Уже у машины кто-то хватает меня за плечо.

Резко оборачиваюсь, готовая дать отпор и заорать. *Не коли, полосни.*

Это Кровавая Бетти меня *так* накрутила.

— Ого! — с тягучим выговором произносит незнакомец. Тоже полицейский, максимум лет тридцати, с невзрачным, будто слегка расплющенным лицом.

Стряхиваю его руку с плеча.

— Я тут нечаянно подслушал. — Коп машет в сторону полицейского участка. — Она малость непрошибаемая. Я напарник Расти, Габриэль. Может, я могу помочь? — Он переводит взгляд с моей груди на номерной знак машины, который я час назад замазала грязью, набранной возле мусорных баков у Синего дома.

Судя по выражению его лица, он бы хотел и меня как следует разглядеть, только голой. Восемнадцать едва исполнилось, но исполнилось же.

Как далеко в этом городишке мог учесать

Расти?

— Буду *очень* признательна, если вы ему позвоните. — Я напяливаю улыбку участницы конкурса красоты. — Скажите, что встретили девушку, которой приснился вещий сон, где он стоял в коридоре с закрытыми дверьми. За одной была Одетта Такер, а за другой — Труманелл Брэнсон. Я просижу полчаса в кафешке через дорогу. Хотелось бы увидеться с ним, пока дьявол не прочухал, что он помер. Это ему тоже передайте.

— А ты сама, похоже, тот еще дьяволенок, — ухмыляется Габриэль и достает рацию.

— Кто ты, говоришь?

Расти Колтону потребовалось всего тринадцать минут, чтобы подрулить на патрульной машине к кафешке и скользнуть на сиденье напротив меня в красной пластмассовой будке.

Отсюда видно, как на другой стороне дороги его напарник очищает номерной знак моей машины от грязи. *Говнюк*. Машина арендована по фальшивому удостоверению, но это отвлечет его только ненадолго. Глупо было связываться с Расти через него.

Сосредоточься на Одетте.

— Ясновидящая, — говорю я и отпиваю очередной глоток молочного коктейля.

— Слушай, день суматошный. Давай к сути.

Бесит, что глаза Расти скрыты за солнцезащитными очками.

— Суть в том, что мы можем помочь друг другу, — заявляю я. — Раскрыть дело Одетты. Как бы пафосно это ни звучало, но она говорит со мной с того света. И помимо прочего, беспокоится, что вы украли кое-что из ее стола.

Решаю пойти чуть дальше.

— По моему ощущению, ее убил тот же человек, что и Труманелл.

Не отрывая от меня взгляда, Расти делает знак официантке, и она тут же подскакивает к нему с черной чашкой кофе, будто только этого и ждала весь день.

Напарник все еще возится с моей машиной. От этого возникает ощущение, которое я называю «приветом из приюта», — по спине бежит холодок всякий раз от запаха антибактериального мыла или при мысли, что меня вернут обратно к раскладушке и общему туалету.

Расти встает и опускает занавеску, намеренно лишая меня обзора. Потом садится обратно и сдвигает очки на макушку. Глаза у него голубые с красными прожилками.

Снова тяну коктейль через трубочку. Расти от-

рывисто постукивает по столу по очереди всеми четырьмя сторонами пакетика с сахаром.

Проходит пять минут, может больше. Расти теперь сидит, положив руку на спинку скамьи. Чашка почти пуста. Издалека на кладбище рыжие волосы придавали ему юношеский задор. Сейчас же передо мной умудренный жизнью человек.

Невыносимо хочется сказать что-нибудь, нарушить молчание.

— Вам неинтересно, откуда я знаю про сон с дверьми? — не выдерживаю я. — И что строчка про дьявола из песни «Трубадуров» — ваша любимая? И что вы взяли что-то из стола Одетты?

— Интересно, — протягивает он. — Весьма даже.

Провоцирует.

— А что значит седмижды семьдесят, вы разгадали? — шиплю я. — Цифры на лопате с крыльца Одетты?

Это опасная территория, и я тут же жалею об этих словах. Про 70 × 7 даже прессе не сообщалось.

На лице Расти проскальзывает удивление.

— Первый раз экстрасенса вижу, — протягивает он.

Однако по глазам видно, что он мне не верит.

Разумеется, если бы я обладала даром ясновидения, мама и Одетта были бы живы.

Около четырех утра я не могла уснуть, нарыла на кухне под раковиной старые желтые хозяйственные перчатки, поделала йогу для пальцев и дыхательную технику и засела с Бетти Крокер в кладовке.

Перчатки надела, потому что мне была невыносима мысль о прикосновении к этим страницам.

Каждый раз, когда я открываю книгу, от нее пахнет все хуже и хуже, будто что-то гниет в раскаленном мусорном баке. Объедки чего-то жаренного в прогорклом жире. Я говорю себе, что от всех поваренных книг Бетти Крокер так пованивает, что это — плод моего воображения, такой же, как в свое время шепот ветра снаружи трейлера.

Стало чуть легче, когда я *почти* полностью уверилась, что все эти записи сделала Одетта.

Но это также означало, что я начинаю жутковатый путь в потаенные уголки ее сознания.

Судя по датам, поставленным где попало вверху страниц, по меньшей мере половина сведений была собрана и записана в первые несколько лет после исчезновения Труманелл, когда Одет-

та была еще подростком. Почти все листы она надела на пружину переплета, как заправский оформитель альбомов.

Другие фотографии с места преступления были для сохранности проложены файлами-вкладышами. Попадались и разрозненные листки: анатомические зарисовки ног, карандашная схема дома с указанием расстояний до сарая и дерева, газетные вырезки, которые я уже видела в интернете.

В изображении ног сразу узнаю́ копию анатомического рисунка да Винчи. В прошлом году я шесть недель провалялась в постели с мононуклеозом и в полузабытьи посмотрела документальный фильм про дневники да Винчи. Смутно помню, что Леонардо любил делать анатомические зарисовки, не чурался препарирования трупов, носил розовые шляпы и спасал животных — даже скупал птиц в клетках на рынке и выпускал их на волю.

Но в кафе меня привели заметки Одетты в конце книги. Одетта описывала, что происходило и с кем она встречалась в последние недели жизни. Там был Расти. Мэгги. Уайатт.

Увидев свое имя, я машинально стянула перчатки. Возникло ощущение, будто я читаю

собственный некролог.

Стало понятно, как Одетта выяснила, что мой отец — убийца, и что не стоит пить из бутылки с водой в полицейской машине и оставлять ее там после себя.

Разумеется, ничего из этого я Расти не скажу.

Думаю, он меня недооценивает.

Как недооценивал Одетту?

52

— Погоди. — Расти кладет ладонь мне на руку. — Продолжим разговор. Но не здесь. Встретимся возле участка около восьми.

— Чтобы вы засунули меня в допросную? Нет уж, спасибо. Мое предложение о сотрудничестве будет действовать еще два часа. — Я называю время наугад и тут же жалею, что не сказала «час». — Я ведь могу пойти с этими сведениями куда-то еще. В ФБР. Или на телевидение.

Это ложь. Я бы ни за что не подпустила к себе телевизионные камеры. И Расти — единственный, с кем я желаю говорить.

— Ладно, — сразу соглашается он. — На более нейтральной территории. Мне нравится одно уединенное место на озере. Парк за городом знаешь?

— Ага.

Торчала там на дереве. Курила травку и думала о том, как Одетта ныряет за зелеными «эм-энд-эмс».

— Первый поворот направо, и мили через две увидишь мою патрульную машину на обочине под старыми дубами. Там над дорогой арка из деревьев. Давай часов в шесть вечера. — Себе Расти выгадывает больше времени, но я устала спорить.

— Вы с Одеттой там встречались, — говорю я. Это лишь догадка, основанная на ее записях. — Я знаю, где именно то место. (Потому что он *сам* мне только что сказал. Начинаю понимать, как работают всякие психологические приемы.)

Расти поднимается с места и кладет десятидолларовую купюру поверх счета.

— Сотрудничество должно быть обоюдным, — упорствую я. — От Одетты все время приходят новые сообщения. Иногда бессмысленные. Прямо сейчас она показывает мне картинку с мертвыми белками в каком-то темном помещении. Чердак. Много коробок. Дом Брэнсонов?

Выражение лица Расти меняется едва уловимо. Отличная выдержка.

— Не волнуйся, мне есть что тебе рассказать, —

говорит он. — Но с твоими сверхъестественными способностями ты наверняка и так все знаешь.

— Я слышу только Одеттин голос, — отвечаю я. — И к вам в машину в парке не сяду.

Не очень-то приятно стоять в том месте, где чуть не умерла.

Надо было как-то скоротать четыре часа до парка, и я ввела в навигатор координаты GPS из дневника Одетты.

Поле, где Уайатт совершал убийства? Так гласила надпись рядом с координатами.

Я хочу опровергнуть ее подозрения. Извиниться за то, что не объяснила, как оказалась в «могиле» из одуванчиков на обочине. Сказать ей, что *Уайатт никого не убивал в том поле.*

На шоссе меня бросил другой дальнобойщик. Всю дорогу от Ардмора[74] он заставлял меня сосать красные леденцы на палочке, которых у него был целый запас, а сам смотрел. Иначе не стал бы меня подвозить. А после того как шарф сполз с лица при резком торможении, водиле не терпелось поскорее от меня отделаться.

Из записи Одетты выходило, что я чуть ли не с неба свалилась. И не смогла бы пролезть сквозь

---

[74] Notes: 74

Ардмор — город в округе Картер, штат Оклахома.

колючую проволоку, не изранившись.

Я всю жизнь слышала от окружающих: «Там невозможно пролезть». Но как-то же втиснулась под трейлер в тот день, когда умерла мама. И сквозь колючую проволоку пролезла после того, как водила вытолкал меня из машины.

В средних классах школы меня прозвали «тараканом» за способность залезать в узкие щели. И это было еще самое ласковое из моих прозвищ.

Сверчки вокруг устроили рок-концерт. Отмахиваюсь от какого-то более зловредного насекомого. Злюсь на себя, что поддалась на манипуляции Расти. Сама же дала им с напарником время нарыть на меня все, что можно.

Отхожу от ограды на приличное расстояние и останавливаюсь возле пятачка, поросшего одуванчиками. Наверное, я уже не смогу смотреть на них, как раньше, после того как посидела с Уайаттом в подземелье. Всегда буду представлять маленького мальчика, который в полной темноте пытается позвать сестру с помощью полого стебелька. Срываю один цветок. Отрываю желтую головку, как учил Уайатт, и изо всех сил дую в стебель.

Неожиданно раздается жуткий и громкий звук, пробирающий до печенок. Сверчок у моих ног

умолкает.

Я будто сама зову Труманелл.

Может, это и *правда* место, где кто-то убивал своих жертв? Например, дальнобойщик-фетишист? Одетта была права. Мне повезло.

На обратном пути колючая проволока рассекает мне кожу на руке, будто острый нож.

В парке делаю именно то, чего не собиралась: сажусь в машину Расти. Просто очень жарко. Около сорока градусов. Руку с дверцы не убираю на всякий случай.

По обе стороны — густой лес. Солнце клонится к закату. Хорошо, что озера отсюда совсем не видно.

Не выкладывай все сразу. Пусть заговорит первым.

— Где порезалась? — бесцеремонно интересуется Расти. — Кто-то обидел?

— Ерунда. Так что у вас есть для меня?

— Сперва хочу заверить тебя — и Одетту, — что не крал ничего у нее из стола. Что такое было — верю. Просто не имею к этому отношения.

— Ладно, это бесполезные сведения, — нетерпеливо замечаю я. — К тому же я не знаю, слышит Одетта меня или нет, так что не ждите от нее ответа. Что еще?

— Готов поделиться кое-какой полезной информацией. Известной только узкому кругу. Утром в день исчезновения Одетта пообщалась с судмедэкспертом.

Я читала об этом в дневнике, но вовремя удерживаюсь, чтобы не произнести это вслух. Информация существенная, а значит, Расти говорит правду.

— Одетта говорила что-то… про ботинки, — выдавливаю я. — Отца.

— Что? — резко переспрашивает Расти.

Он не знал, чьи ботинки.

— Одетта отдавала ботинки на анализ, — говорит Расти медленно, будто сверяясь с неким текстом. — Судмедэксперт не знала, чьи они: Одетта не говорила. Но после ее исчезновения, когда пришли результаты ДНК-экспертизы, эксперт сочла, что они имеют какое-то отношение к убийце Труманелл. И возможно, к исчезновению Одетты. И отдала их мне.

Помалкиваю. Жду. Учусь у профессионала.

— Более того, на ботинках обнаружили кровь Труманелл, — продолжает Расти. — А частички почвы сообщают кое-что интересное. В ней содержатся токсичные вещества. Мышьяк. Медь, свинец, цинк. Формальдегид.

— Не понимаю, что это значит.

— Мышьяк используется в пропитке гробов. Формальдегид — в лаковом покрытии. А все перечисленные металлы часто встречаются в ручках.

— Хотите сказать, что Труманелл похоронена на кладбище?

— Возможно. Проблема в том, что старые семейные захоронения разбросаны по всей округе. Какие-то отмечены, какие-то нет. Это иголка даже не в стоге сена, а в тысячах, миллионах стогов. А разрешение на то, чтобы разрыть кладбища, — это адская бумажная волокита.

— Хреново, — говорю я, потому что не знаю, что еще сказать.

— Да уж. Мы взяли образцы почвы с городского кладбища на Бандера-роуд и с нескольких других кладбищ округа. Ни одного точного совпадения. — Расти следит за моей реакцией, потому что знает, какой вопрос крутится у меня в голове.

— Вы думаете, отец Одетты как-то связан с исчезновением Труманелл и Фрэнка Брэнсон?

— А Одетта что думает? — парирует он.

— Я же вам говорила. Я только слышу ее. А вопросы задавать не могу.

— Одетта ничего не говорила про ботинки? Или где может быть похоронена Труманелл?

— Я знаю только, что это ботинки ее отца, — упорствую я. — Одетта нашла их в шкафу. Они из… змеиной кожи.

Расти ударяет ладонью по рулю:

— Хватит разыгрывать спиритический сеанс!

Резкая и жесткая перемена тона. Хватаюсь за ручку. Тяну на себя.

— По закону ты обязана сообщить мне все, что тебе известно о преступлении, *об убийстве*, — продолжает Расти приказным тоном. — Ты же не хочешь, чтобы я покопался в твоем прошлом? Там же явно что-то есть. Ты из тех девчонок, что вечно в бегах. Я таких все время вижу.

— Я знаю, почему вы носите солнцезащитные очки! — выпаливаю я. — Даже сейчас, когда тут сплошная тень от деревьев. Это называется «светобоязнь». Одетта сказала, что, кроме нее, никто в участке не знает.

Едва вырвавшись наружу, слова теряют силу. Бесполезно. Расковырять эту рану не получится.

Вот только Расти бледнеет. И сжимает руль такой хваткой, что можно было бы и удушить кого-нибудь.

— Одетта не может быть живой! — кричит он. — *Она жива?!*

Расти раскачивается взад и вперед, будто вот-

вот выскочит из машины.

И я вдруг осознаю́ два факта.

Расти почти поверил, что я слышу голос из могилы.

— Вам она тоже была дорога, — выдыхаю я.

53

Открываю дверцу и выскакиваю на гравий с одним желанием — сбежать.

Судорожно нащупываю ручку «хёндай», но тут дверца патрульной машины распахивается и на землю тяжело ступает потрепанный ботинок. Блокирую дверцы, давлю на кнопку зажигания. Почему машина не заводится? Как Расти успел так быстро до меня добраться?

Он стучит кулаком в стекло.

Зажигание не срабатывает.

Продолжаю давить на кнопку. Напарник Расти явился из леса и нахимичил под капотом, пока я не видела?

Не забывай про слепую зону.

Следи за тенями.

Глазок. Попай. Таракан.

Я последняя страница в книге с плохим концом? Или в ней остались еще сотни страниц-девушек, которые будут искать друг друга, искать и уми-

рать, искать и умирать? Кто будет искать меня? Мэри? Банни?

Не могу этого допустить.

Резко оборачиваюсь.

На пассажирском сиденье пусто.

Давлю на кнопку. *Ну же, давай, давай, давай.*

Расти дергает дверцу.

Разбираю слово то ли «пошел», то ли «потоп». Единственный шанс на спасение — петлять по лесу. Или залезть на дерево.

Врезаю дверцей по животу Расти. Зря. Он — сплошной мускул. Удар болью отдается в шее. Одним резким движением меня вытаскивают из машины и прислоняют спиной к дверце.

— Спятила? — злится Расти. — Все *нормально*. Не трону я тебя. У меня у самого дочери. — Он отступает на шаг с поднятыми руками. — Все, отпустил. Отойди, попробую завести. Хочешь — топай в город пешком, я не возражаю.

Уйти. *Убежать.* Я на ногах-то едва стою. Меня трясет от рыданий. *Мэри. В последний раз я так плакала, когда ее решили отправить в колонию для несовершеннолетних за то, что она ударила девчонку, которая разорвала в клочья книгу Люси про Гарри Поттера. Мэри выбрала побег.*

Смутно осознаю, что происходит вокруг. Густая

листва кружится, как в калейдоскопе, который Банни положила под елку на прошлое Рождество. Где-то наверху передразнивает всех пересмешник. Расти, весь такой крутой коп, уперев одну ногу в асфальт, жмет другой на педаль, пытаясь оживить мотор.

Вот только в машине даже ничего не щелкнет. Заглохла намертво.

— Аккумулятор, — констатирует Расти. — Дохнут на техасском солнце только так. — Он идет к патрульной машине, открывает багажник. Бросает на траву провода для прикуривания. Потом достает две банки пива и ставит одну на бампер.

Снимает крышку с той, что в руке, и делает большой глоток. Другую банку протягивает мне, как лакомую косточку — щенку. Надо прекратить рыдать. Не вести себя как ребенок.

Оглядываюсь на криволесье с диким кустарником, который все равно что колючая проволока. Там не пройти.

Окидываю взглядом дорогу в обе стороны. Напарника нигде не видно. Только белка несется вниз по стволу сломя голову.

Вот и я чувствую себя так, будто единственный выход — вниз головой с обрыва.

Расти так и стоит с банкой пива в протянутой

руке. А мог бы за это время запихать меня в багажник. Утащить в лес.

Неохотно подхожу. Беру пиво, хотя и не хочу его.

— Хватит всей этой чуши, — говорит Расти. — Потеря Одетты меня чуть не прикончила. И то, что я никак не могу найти убийцу, медленно довершает дело. Я блефовал. Мне нужна от тебя любая информация, и мне плевать, кто ты. — Он снова делает глоток. — Но за напарника не ручаюсь. Он звереет, когда надо доказать превосходство над женщиной. — Расти бросает пустую банку на землю и припечатывает ее ботинком.

— Зачем вам такой говнюк в напарниках?

— Как говорится, держи врагов ближе к себе.

— Одетта тоже была врагом?

Расти избегает моего взгляда.

— Можем попробовать прикурить от моей машины или позвонить в прокат. Еще могу вызвать приятеля — он без лишних вопросов подвезет новый аккумулятор через несколько часов. За мой счет. Ты ведь будешь умницей и примешь столь щедрое предложение?

— Да, — отвечаю я еле слышно.

— За это скажешь, как тебя зовут?

— Энджел. — Голос звучит надтреснуто.

— Серьезно?

— Да. — Я вытираю нос тыльной стороной ладони.

От размазанной туши щиплет глаза. Опускаю взгляд и смотрю в землю.

— А какова истинная причина такой одержимости Одеттой? Между вами есть какая-то связь?

— Метафизическая.

И это не ложь. Так и было с самого начала, с того момента, как я коснулась ее протеза. Надеюсь, она *слышит* меня, когда я говорю с ней во тьме.

— Расскажешь, откуда на самом деле знаешь всю эту хрень?

— Когда смогу доверять, — говорю я уже окрепшим голосом.

— Лучше, если это будет побыстрее. Где тебя высадить?

Я решаю: а какого черта — и поднимаю взгляд.

— На нормальной улице, — вырывается само собой.

— А я-то думал, только мы с Одеттой — два сапога пара. Садись в машину.

Снова забираюсь на пассажирское сиденье. Расти выкручивает руль и резко разворачивается. Менее чем через минуту открывается вид на озеро. Завидев патрульную машину, четверо

подростков, которые сидели на мостках, болтая ногами, выбрасывают в воду красные пластиковые стаканчики с пивом. Я и сама так делала. На лужайке справа от них дети помладше играют в футбол — мелькают шлемы да ноги. Снова нервно вдыхаю. Все *нормально*.

— Со мной Одетте приходилось все время слушать «Трубадуров», так что в конце концов она полюбила их так же сильно, — рассказывает Расти. — Ты наверняка знаешь, что песня «Прощай, нормальная улица» была чем-то вроде нашего гимна. Страсть и отчаяние в маленьком городке. Каждый раз, как мы попадали на тяжелую бытовуху, не один, так другой шепнет: «Прощай, нормальная улица». — Расти выруливает на шоссе. — Музыка делает жизнь выносимой. *Она* делала жизнь выносимой.

— Одетты нет в живых, — говорю я.

— Знаю, — отвечает Расти.

54

У ворот кладбища хватаю ртом влажный воздух, пытаясь отдышаться; в правом боку колет. Солнцу осталось светить около трех минут.

Давай, темнота, наступай. Все самое плохое в жизни происходило после заката солнца. Здесь в

темноте, рядом с целым полем мертвецов, я могу опуститься на колени и притвориться еще одной статуей, изображающей ангела. Сложить руки в молитве и замереть, пока кто-то проходит мимо. Я уже проделывала такое у маминой могилы.

Это был забег почти на четыре мили при тридцатиградусной жаре и в основном — по грунтовке. Навигатор в телефоне не показывал колдобины. Я споткнулась и упала, теперь ободранное колено кровоточит. На руке открылся порез от колючей проволоки.

Кажется, пальцы на ногах тоже стерты в кровь — пот не бывает таким липким. Без сил опускаюсь на ближайшую могильную плиту — *простите, Декстер Дэниел Хьюз,* — и стаскиваю дешевые беговые кроссовки. Осматриваю ноги. Полный ужас — вышло бы идеально гадкое фото для «Фейсбука», если бы я такое постила и не боялась, что отец узнает меня даже по кровавым мозолям.

Да, Расти, я девчонка, которая всегда в бегах. И что-то заставило меня снова прибежать сюда.

Полтора часа назад Расти поступил ровно так, как я и хотела, — высадил меня возле «Молочной королевы». Интереса к тому, где я буду ночевать, не выказал. Сказал, что машина будет ждать меня около восьми утра на парковке возле библиотеки

в центре города. Он, конечно, будет меня там поджидать, ну или его напарник. Значит, сейчас надо решить, обойдусь ли я без машины.

Надо было убедиться, что Расти точно уехал, так что я затерялась среди покупателей «Уолмарта» по соседству с кафе. Купила бутылку воды, еще кислых мармеладок, фонарик, кроссовки, носки, шорты и семидолларовую футболку с надписью из золотых блесток «Будьте добрее» на груди. Что бы сказала Одетта, узнай она, что все эти пять лет приходится напоминать людям об этом.

В туалете я сняла платье и шлепанцы и запихнула их в пакет из «Уолмарта» вместе с гамбургером и луковыми кольцами — Расти угостил в знак якобы примирения.

Опускаю босые пальцы в росистую траву, но пятки все равно горят. Вокруг все замерло, только в небе мигают огоньки двух сближающихся самолетов, будто вознамерившихся столкнуться.

Достаю из пакета шлепанцы, оставляю паршивые кроссовки на могильной плите Декстера и включаю фонарик. Это место — настоящая полоса препятствий в виде надгробий, земляных куч, зияющих прямоугольных ям, деревьев, пытающихся корнями вытолкнуть наверх гниющие трупы.

Босые пятки погружаются в грязную траву над костями *Милой малышки Грейс, 4 года*, но меня от этого нисколько не коробит. На кладбищах мне лучше всего думается. С десяти до двенадцати лет я любила спать на маминой могиле. Там меня и находила порой в четыре утра разозленная пьяная тетка.

Мы с мамой гуляли по иному кладбищу — полю в паре миль от нашего трейлера. Повсюду, куда ни глянь, росли кактусы. Она говорила, что мы пробираемся по дьявольскому могильнику, а желтые одуванчики среди колючего зла символизируют воскрешение.

Загадывай самые заветные желания. Так она говорила, когда мы сидели на камнях и дули на одуванчики. У нее таким желанием была черная гранитная столешница.

Я почти точно уже проходила мимо этого каменного пастыря с отколотым носом. Тот, кто немало поблуждал по кладбищам в своей жизни, знает это ощущение, когда могилы будто подвигаются все ближе к тебе со всех сторон, как шахматные фигуры в нечестной игре.

В воскресенье при дневном свете казалось, что «Королева летучих мышей» возвышается тут над всем. Теперь же я заглядываю в лицо каждому ан-

гелу и Деве Марии, будто ищу подругу, с которой разминулась в ночном клубе.

Я уже готова сдаться, как вдруг чуть не спотыкаюсь о нужную статую.

Вокруг ног обернут черно-желтый плед, подобно тому как драпируют основание рождественской елки. Внизу — приношения: мягкие игрушки, пупс с круглым ртом, куколки Бэтгерл и Барби-принцесса, еще в коробках, искусственные красные гвоздики, покрытые спреем с блестками, распятие, воткнутое в землю.

Веду лучом фонарика по каменным складкам платья к лицу статуи. Кто-то вскарабкался наверх и повесил ей на шею серебряное ожерелье с подвеской в виде разбитого сердца.

Все это принесено недавно, за то время, что прошло с церемонии открытия. После нее копы складывали мягкие игрушки и сувениры в черные мусорные мешки. Рабочий поднялся по лестнице и снял со статуи розовый гавайский венок и бусы с карнавала Марди Гра[75], которые набросил ей на шею кто-то из толпы.

---

[75] Notes: 75

Mardi Gras («жирный вторник», *фр.*) — праздник перед началом католического Великого поста, последний день карнавала, аналог восточнославянской Масленицы. Один из атрибутов праздника — пластмассовые бусы-четки фиолетового, зеленого и золотого цветов.

Поднимаю с земли упавшую табличку и втыкаю ее на место.

Оставляйте после себя лишь любовь. С благодарностью от мэра города.

Это похоже на разрешение снять плед с уродливых ног Королевы летучих мышей и использовать его в своих целях. Я расстилаю его перед статуей, как покрывало для пикника. В центре вывязана черная летучая мышь в желтом овале — универсальный сигнал, призывающий на помощь Бэтмена. Я сижу прямо на эмблеме и доедаю остывший гамбургер и луковые кольца. Слизываю сахарную посыпку с мармеладных змеек.

Самого большого плюшевого медведя — белого с алым сердцем в лапах — я подкладываю себе под голову. И закрываю глаза.

Мне видится Одетта-воительница в последний вечер своей жизни. Четкий контур силуэта. Рассеянный свет от фар грузовика.

Вряд ли Одетту ударили по затылку или пырнули ножом в спину. Я думаю, она сопротивлялась. И перед смертью успела увидеть лицо убийцы, и это был кто-то, кого она знала.

И проиграла вовсе не из-за ноги, а потому, что была хорошим человеком.

Одетта, как и моя мама, не могла решить, дол-

жен ли ее потенциальный убийца умереть.

Когда отец поднял пистолет, все мамино внимание было направлено на меня. Она тоже колебалась — вот в чем была ее ошибка.

Я колебаться не буду.

И не стала бы, даже если бы Одетта дала мне список из сотни прекрасных слов.

Просто я не настолько хороший человек.

Резко открываю глаза. Я лежу на твердой земле, надо мной небо. Крыло статуи вырезает из полной луны треугольный кусок. Я проснулась не сама, меня явно что-то разбудило. Сажусь. Лунный пирог снова целый.

Свет далеких фар скачет по дороге, выхватывая из темноты деревья. Плотно прижимаюсь к статуе. Мне, как давнему члену клуба кладбищенских полуночников, известно, что не я одна провожу ночи у могил. Жду, что машина свернет на другую дорогу и огни погаснут.

Однако они становятся все больше и ярче и светят прямо на статую. Некогда подбирать одеяло. Хватаю пакет и перекатываюсь в тень соседнего склепа. Ползу, пока не нахожу дерево, за которым можно спрятаться.

Это легковушка, а не пикап, но какого цвета, не различить. Серая? Зеленая? Фары гаснут, и меня

окутывает темнота. Тихонько хлопает дверца. Подползаю чуть ближе, чтобы лучше видеть. Возле статуи возникает темный силуэт человека, стоящего на коленях. Нет, он не молится, а чем-то занят. Собирает «подношения» и бросает их в коробку.

В вытянутой руке… палка? Ею он срывает со статуи ожерелье с разбитым сердцем. Цепочка касается камня с таким звуком, будто упала капля воды.

Лица не разглядеть, и непонятно, кто передо мной: мужчина или женщина.

Это может быть Финн. Или Уайатт. Или Расти.

Тем временем человек встает, и становится ясно, что он прихрамывает.

55

Подковыливаю к Синему дому, а там — кабриолет Финна. Трехчасовая прогулка с кладбища в носках и шлепанцах выдалась крайне изнурительной.

Каждый шаг отдавался во всем теле. В голове стучали вопросы.

Стоит ли забирать машину со стоянки возле библиотеки? *Возможно, нет.*

Хромая фигура возле статуи — убийца или слу-

чайный расхититель могил? *Надо было рискнуть. Постараться разглядеть лицо человека, номер или марку машины.*

Четвертый день. И как все идет? *Банни говорит, что никогда не знаешь наверняка, как все идет, пока оно к чему-то не придет. Итог бывает неожиданным.*

Прямо сейчас такая неожиданность — Финн. Слабый свет струится из кухни на аллею. Хочется одного: раздеться, бухнуть в теплую ванну пачку парфюмированной соли из шкафа в прихожей, докурить травку и забыться.

Остальной дом погружен в темноту. Может, Финн счел, что я уехала насовсем, и спит в постели Одетты? Или с ним там телефонная секретарша и они *не* спят?

Поворачиваю ручку кухонной двери. Не заперта.

Финн сидит за столом с поваренной книгой Бетти Крокер и ждет меня.

Книга открыта на странице с кровавым отпечатком ладони Труманелл. Стараюсь не смотреть. Каждый раз я замечаю на нем что-то новое. Сейчас — каплю, стекающую с мизинца, будто прошел кровавый дождь.

Сажусь напротив. Кажется, это наименее про-

вокационная тактика. Я так измучена, что не смогла бы противостоять Финну, даже если бы попыталась. Но даже в столь изможденном состоянии, в два часа ночи, я все равно невольно думаю, что он похож на мужа Эмили Блант, только небритого, немытого и не спавшего.

— Ты хотела, чтобы я нашел это? — угрюмо спрашивает Финн. — Поэтому звонила?

— Нет, — признаю́сь я. — Я тогда лишь малую часть прочитала. Думала, может, это у вас такое жутковатое увлечение и вы намеренно оставили книгу мне.

— Ты подумала, что она моя? — Голос Финна звучит недоверчиво. — Что я убил жену?

— Я не знаю, кто убил вашу жену. — Я откашливаюсь. — Но согласитесь, что эта… книга… тяжело читается. Лучше понемногу, а не всю сразу. Ну, как не смотреть сериал «Во все тяжкие»[76] за один присест, чтобы эта мерзость в голове не застревала.

Поэтому мне осталось посмотреть еще три сезона сериала и ни одной страницы Одеттиного «альбома» я до конца не прочитала. Я пропустила несколько запутанных фрагментов. Душеразди-

---

[76] Notes: 76

«Breaking Bad» (2008–2013) — телесериал, криминальная драма об учителе химии.

рающих, полных психологизма. На последней странице почерк стал практически нечитаемым. «Во все тяжкие» — ерунда на постном масле по сравнению с Кровавой Бетти.

— Выглядишь отвратительно, — резко бросает Финн. — Где тебя носило, черт побери? И что у тебя с рукой и коленом?

— У вас вид не лучше. И вообще, *это не ваше дело*.

Его ладонь с растопыренными пальцами накрывает отпечаток руки Труманелл. Властный жест. Мне это не нравится.

— Одетта не говорила мне про эту книгу. *Почему?* Я был в шаге от нее каждый раз, когда делал кофе. Как она могла так поступить? Что за издевательское молчание? Это же как надо было на меня злиться!

Чувствую себя обязанной заступиться за Одетту. Будто сама не о том же думала в кладовке.

— Одетта была такой юной, когда все это случилось. Может, ее мозг таким образом обрабатывал потерю и Труманелл, и ноги? Потому что принять сразу и то и другое не получалось? Труманелл она перенесла на бумагу. А потом, когда повзрослела, было уже слишком поздно. Слишком сложно кому-то рассказать. Может, она… стыдилась, —

лепечу я, имея в виду уже не только Одетту, но и себя.

— Да чего же тут стыдиться, черт подери?!

— Стыд не выбирают. — Мой голос звучит слегка надтреснуто. — Иногда от стыда хочется умереть. Исчезнуть.

— Ты хочешь сказать, что Одетта инсценировала собственное исчезновение? И куда-то уехала?

— Вовсе не это, — нетерпеливо отвечаю я.

Эти Одеттины мужчины совсем не могут мыслить рационально.

Финн вскакивает и начинает мерить шагами крошечную кухню.

— Да ты хоть знаешь, какая у нее была сила воли? Как она *пахала*, чтобы быть в отличной физической форме? Бокс, бег, карате, походы, семь лет тяжелой атлетики и плавания — все ради того, чтобы уверенно себя чувствовать в океане. Можешь представить, сколько мужества это требует? Бороться с океанскими течениями, полагаясь только на здоровую ногу и силу верхней части тела? Кто так поступает? Кто, способный на такое, вдруг раз — и ночью исчезает в родном городе? — Финн все ходит и ходит кругами вокруг стола.

Надо его остановить, иначе я сорвусь. В следую-

щий раз, когда он проходит мимо, я вскакиваю и хватаю его за талию. Он замирает, опустив руки.

— Все наладится, — шепчу я.

Мой взгляд устремлен на стену, на наши тени. Приходя домой после школы, я попадала в параллельный мир, который существовал на стене трейлера. Запрокидывала голову и взмахивала руками, как балерина. Приседала в реверансе, как принцесса. *Вживалась* в черный силуэт на стене, пока не начинало казаться, что тень реальнее меня. Прекрасная, грациозная, и глаз совершенно не виден.

Отступаю на шаг. Единая тень распадается надвое, будто ее рассекли ножом. Теперь нас разделает лишь полоска серебристого света. Рука Финна скользит по обоям. Останавливается на моей талии. Поднимается к шее.

* * *

Финн отрывается от моих губ:

— Что я делаю? Ты еще *ребенок*.

От поцелуя по телу пробежал ток. И кто тут рассуждал про стыд? Говорю себе, что если Одетта смотрит на нас, то поймет, потому что она в том месте, где видно все, от начала до конца. Она поймет, что на мгновение я стала ею.

— Вы поцеловали Одетту, не меня. И мне восемнадцать. Ничего противозаконного.

— А мне тридцать семь. На девятнадцать лет больше. Не знаю, что со мной, черт побери, происходит.

— Между Биллом Клинтоном и Моникой Левински почти тридцать лет разницы.

— Это только доказывает, что я прав. — Финн отошел подальше, и поцелуй уже кажется вымыслом.

Он стоит, прислонившись к холодильнику, рядом с человечком на доске для заметок. И тут я понимаю: рисунок не полустертый, человечек сразу был одноногим. Его нарисовала Одетта? Финн?

— Одетта переспала с Уайаттом за месяц до смерти, — говорит Финн, прерывая мои мысли.

— Что?

Этого не было ни в одном блоге. Одетта не пишет об этом в своем дневнике.

— Я был так зол. Обижен. Заставил ее ждать. Никогда себе не прощу.

Я опускаюсь на стул, открываю Бетти Крокер на последней странице и аккуратно отлепляю приклеенный там пакетик.

— Куришь? — спрашиваю я. — Слышала, что от

старой реально крючит.

— Трава не решит проблем.

— Думаю, эту надо выкурить в память об Одетте. Стереть поцелуй. И всем простить друг друга.

— Откуда знаешь, что это трава?

— У меня нюх собачий, Банни тоже так говорит. Погоди, я сейчас, ладно?

— Что за Банни?

Слова доносятся до меня уже в прихожей. Я срываю липкую ленту с одной из коробок, собранных на благотворительность.

Не проходит и минуты, как я уже снова сижу за кухонным столом с карманной Библией в зеленом кожаном переплете.

— Какой стих был у Одетты любимым? — спрашиваю я Финна.

— Никогда не интересовался. У нее были сложные отношения с Богом. А у тебя какой?

— К коринфянам тринадцать, стихи четыре — восемь, — отвечаю я не задумываясь.

— «Любовь долготерпит, милосердствует… не радуется неправде, а сорадуется истине», — цитирует Финн по памяти. — Вполне обычный выбор.

— Ты удивишься, но я весьма обычная девушка. Веришь в Бога?

— Приходится верить, что Одетта где-то незри-

мо присутствует.

И видит нас в этой кухне.

Долистываю до нужного места и вырываю Послание к коринфянам. Шелковистая страничка вполне сойдет за сигаретную бумагу.

— Это еще хуже, чем сжечь флаг, — замечает Финн. — И вряд ли курить чернила — так уж полезно.

— А что, кроме токсичных чернил, убивать нечему? — Я указываю взглядом на Бетти Крокер. — Тебя совесть замучает за сожженную страничку из Библии? Я как-то надеюсь, что Господь все же взвешивает мои деяния на весах.

— Давай сюда. — Финн выхватывает у меня листок.

Скручивает косяк. Профессионал. Облизывает край, чтобы склеить, а я запихиваю книгу на полку между «Выпечкой с Джулией» и «Секретами кухни»[77]. Сколько же раз Одетта делала то же самое?!

Финн передает косяк мне.

---

[77] Notes: 77

«Baking with Julia» (1996) — книга, написанная на основе телепередач с прославленной Джулией Чайлд: телеведущей, автором кулинарных книг, прославившей французскую кухню. «Kitchen Confidential»: «Adventures of the Culinary Underbelly» — бестселлер американского шеф-повара Энтони Бурдена, выпущенный «Нью-Йорк таймс» в 2000 г.

Вытаскиваю спичку из коробка на плите, чиркаю ею о старую конфорку и смотрю, как слова Божьи сгорают в пламени.

И тут я вспоминаю, что означает седмижды семьдесят.

Приподнимаю голову. Комната плывет. Во рту такой вкус, будто я съела еловую шишку. Финн полулежит на стуле напротив, полностью одетый, и храпит. Убийцы, наверное, так себя не ведут.

Мозг твердит, что надо срочно встать. Отчетливо чувствую, что вспомнила что-то важное, но… о чем? Это связано с Финном? Глаза слипаются. Еще минуточку…

Когда я просыпаюсь снова, его нет.

Поваренной книги Бетти Крокер — тоже.

56

— Как дела, Гарриет?

— Вы ошиблись, — мямлю я в трубку, все еще пытаясь выветрить дурь из головы.

Ради этого телефонного звонка я в третий раз открываю глаза за много часов. Я даже как-то умудрилась вернуться в постель Одетты с одеялом-облачком.

Судя по оттенку утреннего света, который струится в щель жалюзи, сейчас часов девять-десять. Отлепляю от щеки мармеладного червячка. На простыне пятно крови, наверное от пореза на руке.

— Да нет, все верно.

И тут я узнаю этот голос с ноткой сарказма. Расти. Отследил сотовый. Смотрит на экран компьютера, на котором мелькает точка над Синим домом? Или сидит под дверью?

Но кто такая Гарриет? В результате поисков вышел на чужое имя?

— Мы с близняшками читаем «Шпионку Гарриет»[78], — поясняет Расти. — Она их кумир. Сказали, что хотят стать шпионками, а не полицейскими, когда вырастут. Я ответил, что прямо сейчас имею дело со шпионкой-любительницей, настоящей живой Гарриет, и она по уши увязла в одном деле.

— Поддерживаю. Гарриет — настоящая героиня. Маленькая, но настырная. — Я выглядываю из-за штор. Никаких полицейских машин.

---

[78] Notes: 78

«Harriet The Spy» (1964) — повесть американской писательницы Луис (Луизы) Фитцью об одиннадцатилетней девочке Гарриет Уэлш, которая наблюдает за соседями, друзьями и ведет дневник. Классика детско-юношеской литературы.

— Звоню сказать, что тачка готова. Аккумулятор поменяли, можно ехать. С вечера стоит у библиотеки. Я проезжал мимо утром, а она все еще там, вот и забеспокоился.

Не сомневаюсь.

— Круто, — говорю я. — Спасибо. Меня просто немного отвлекли.

Теперь надо отвлечь его.

— Одетта передала мне новую информацию для вас. Можно встретиться сегодня там же, в парке?

— Конечно, — отвечает Расти.

— В два часа дня, — уточняю я. — Само собой разумеется, если приведете напарника, ничего не получите.

Я кладу трубку.

Первым делом выуживаю из мусорки старые кроссовки, покрытые грязью, и зеленую карманную Библию.

Я сижу высоко на дереве, когда на парковой дороге раздается шорох шин — на двадцать минут раньше назначенного времени. На ноге под джинсами у меня закреплен нож.

Я извела почти пачку пластыря на пальцы ног, надела две пары носков и пробежала пять миль досюда — в противоположную сторону от кладбища. Маршрут знакомый, почти целиком

— ровная грунтовая дорога, так что телефон я выключила.

К моему облегчению, в окнах патрульной машины видна только одна голова. Выжидаю полных двадцать минут, плюс еще десять — убедиться, что лишних гостей на «вечеринке» не будет, — и спускаюсь с дерева.

— Я знаю, что означает седмижды семьдесят, — с ходу заявляю я, скользнув на пассажирское сиденье. — Иисус — апостолу Петру: не говорю тебе, прощай до семи раз, но до *седмижды семидесяти* раз.

— Одетта с небес подсказала? Или сама нашла второй строчкой в гугл-поиске?

— Вообще-то, просто вспомнила. В трейлерный парк, где я жила, наведывался проповедник. В детстве меня таскали на все палаточные евангелистские сборища. Душа уже устала постоянно спасаться. Но вам-то уже несколько лет известно, что это значит. Напрашивается вывод, что Одетту убил кто-то свой. Последовал за ней на поле и забрал и ее, и то, что она выкопала. Наверняка что-то связанное с Труманелл.

— Многовато выводов из одного библейского стиха.

— Одетта говорила мне, что папаша Труманелл

переимел всю округу.

— Эту сплетню можно прочитать в любом таблоиде. В «Твиттере». В блоге.

— Я пытаюсь обсуждать, а не доказывать.

— Валяй.

— Лиззи Рэймонд была до жути похожа на Труманелл, вот никто и не сомневался, что она дочь Брэнсона, — решительно продолжаю я. — На самом деле — нет. Это доказано. Но Одетта знала про еще одну девочку. Мартину Макбрайд — дочку владельца самого большого автосалона в городе.

— Ради ясности: отец Мартины — мой приятель. Полностью выплачивает алименты, потому как ДНК-тест подтвердил, что она на сто процентов его дочь.

— Выходит, его жена соврала Одетте? — говорю я, а про себя думаю: «Или ты сейчас врешь?» — Зачем ей резать себе алименты?

— Не меньше, чем деньги, Гретхен любила доставать мужа. Мужей, я бы сказал.

— Выяснили, кто подбросил лопату на крыльцо Одетты? — требовательно интересуюсь я. — Или звонил ей в тот день с утра и рыдал в трубку? По ее словам, она вам об этом сказала.

— Я отработал каждую чертову версию. И здесь я не для того, чтобы выслушивать, как облажался

с этим делом. В «Твиттере» семь аккаунтов этим занимаются. Я — коп, а ты — малолетка, которая лезет на рожон и вот-вот погибнет. Говори, откуда ты все это берешь. *Сейчас же.*

— Это угроза? — выдыхаю я.

— Черт. — Расти сжимает руль до побеления костяшек.

Забрасываю удочку еще раз, перед тем как выскочить из машины:

— Перед смертью Одетта ездила к психотерапевту, которая лечила ее в детстве. И та, похоже, записала их разговор. Одетта назвала мне адрес. И имя. Доктор Андреа Греко. У нее свой дом в трех часах езды отсюда на запад.

После потери глаза у меня резко улучшились способности к запоминанию, видимо в качестве утешительного приза. Именно поэтому я дала исчерпывающие свидетельские показания против отца в суде, когда мне было десять лет; набрала максимальное количество баллов на вступительном экзамене по математике и помню имя и адрес доктора Греко, хотя на полке с поваренными книгами не нашлось ничего, чтобы освежить эти сведения в памяти.

— Одетта являлась мне во сне прошлой ночью, — не сдаюсь я. — Сказала, что наговорила

психотерапевту лишнего. Будто бы что-то вспомнила. И беспокоится, что там, на пленке. Она не говорила прямо, что была под гипнозом, но…

Эти утверждения — хлипкая конструкция, ведь я их придумала.

Расти медленно снимает солнцезащитные очки и кладет их на приборную панель.

— Анжелика Одетта Данн, я расскажу тебе одну историю.

Мое имя. Настоящее. Он его знает. Сердце начинает колотиться.

— Мне было двадцать с небольшим, и перед отправкой на войну я пошел с дружками к гадалке на Венис-Бич[79]. Хотел узнать, убьют ли меня. И не важно, что гадалка намалевала себе точку на лбу черным маркером и бешено вращала глазами. Она пялилась на мою ладонь с минуту, а потом сказала, мол, извини, не могу сказать. А если я хочу узнать, погибну ли в бою, то еще за пятьдесят баксов она глянет на другую руку. Я был пьян и напуган, и пятьдесят баксов показались ерундой — лишь бы мне сказали, что я выживу. Дал вторые пятьдесят. А она и говорит, мол, ты умрешь.

---

[79] Notes: 79

Venice Beach — известный район Лос-Анджелеса с пятикилометровым пляжем.

История не вызывает у меня ничего, кроме раздражения.

— И теперь вы не верите, что я слышу голос с того света? Потому что какая-то фиговая калифорнийская гадалка умела пудрить мозги лучше вас? Как по-вашему, может психотерапевт Одетты что-то знать или нет?

— Пристегнись, — велит Расти, переключая передачу. — С превышением поедем.

57

Дом доктора Андреа Греко повис на краю утеса, будто его очень-очень аккуратно спустили туда на тросе. Большие окна, острые углы, суровые виды. Банни назвала бы дом крутой ловушкой, хотя и оценила бы, что у кого-то хватает духу жить в одиночестве на отшибе.

Удивительно, что нам открывает женщина — божий одуванчик. Больна? Улыбаюсь своей «конкурсной» улыбкой. Еще в машине, на сумасшедшей скорости, Расти уведомил меня, что во время краткого разговора с доктором мне следует держать язык за зубами. Я жестом «застегнула» рот на замок и всю оставшуюся дорогу сидела в наушниках.

Первым делом Расти показывает хозяйке

свой значок и удостоверение личности, а меня представляет двоюродной сестрой Одетты и «родственницей, заинтересованной в установлении справедливости».

Все оказывается гораздо проще, чем я думала. Доктор Греко ведет нас на заднюю террасу.

— Ни хрена себе! — выпаливаю я и невольно опираюсь на стеклянную стену, похожую на музейный бокс для гигантского пейзажа. — Вот бы полетать здесь на дельтаплане.

— Тот, кто сказал, что счастье не купишь, не имел достаточно денег, — отвечает доктор Греко.

Расти бесится, что я уже нарушила обет молчания.

Я согласна с доктором. Будь у меня деньги, мы с мамой готовили бы курицу с клецками из книжки Бетти Крокер на мраморной черной столешнице, а не на узенькой полоске дешевой пластмассы между раковиной и кофейником в трейлере ее сестры.

Она могла бы заплатить моему отцу, своему бывшему бойфренду, чтобы тот никогда не возвращался, или нанять киллера, или уехать далеко-предалеко.

У меня были бы очки виртуальной реальности. Я могла бы обнять сегодня вечером маму, если

бы захотела.

Деньги решают все. Это жизнь. Это счастье. Это шоры, которые я хочу иметь.

Вот только по доктору Греко не скажешь, что купить можно все. В солнечном свете она тощая, как моя тетка, которая ела готовый бутерброд с беконом на завтрак, а на обед и ужин — пила.

На маленьком столике стоит бутылка «Джонни Уокера» и ополовиненный бокал. Мы с Расти отказываемся от виски, но соглашаемся на прохладные бутылки газировки.

— Нам стало известно, что Одетта Такер посещала вас непосредственно перед своим исчезновением, — начинает Расти без предисловий. — Хотелось бы узнать зачем.

— Ответить было бы незаконно. Да и безнравственно.

— Она сказала, что вы тайно записали ее. Это тоже было бы безнравственно.

— И оказалось бы неправдой.

— Тогда почему она так решила?

Доктор пожимает плечами.

— Она сидела там же, где вы сейчас. В кресле, куда садились интервьюируемые, когда я собирала материал для книги. — Доктор указывает на большую вазу, увитую плющом. — В вазе каме-

ра. Но могу заверить вас, что ни сейчас, ни при Одетте она не работала. Я никого не записываю без разрешения.

Что это на ней надето? Свободная летящая хлопковая блуза, которая означает либо «Сегодня я чувствую себя жирной», либо «Я прячу оружие», а жира там никакого нет.

По пути сюда я погуглила доктора Греко. Когда-то она была самым известным и ненавидимым психотерапевтом Техаса. Бралась за любые дела и давала показания в суде во время самых скандальных и спорных процессов.

Однажды она свидетельствовала в пользу матери, которая застрелила троих своих детей, пока отец по телефону умолял их пощадить. После этого я перестала гуглить. В таких случаях я всегда думаю, что есть вещи похуже потери глаза. В последние два года частной практики доктор Греко наняла телохранителя, бывшего «зеленого берета». А потом внезапно бросила работу, без объяснения причин.

Главным открытием моих поисков стало видео на «Ютубе», где она выступает вместе с доктором

Филом[80]. Я его сохранила, чтобы потом показать Банни. Она ненавидит психотерапевтов вообще и доктора Фила в особенности. Называет его Доктор Филлер, Дегенерат наук или просто Телепроститут. Каждый год 20 августа, в годовщину одного из самых отвратительных его твитов, Банни делает ретвит с эмодзи среднего пальца. Трудно поверить, но он действительно написал: «Если девушка пьяная, нормально с ней переспать? Ответьте „да“ или „нет“ на @drphil.#teensaccused».

В первую годовщину нашей совместной жизни Банни сказала, что благодаря мне изменила свое мнение об оклахомцах, а то до того оно было ниже плинтуса.

— Это ваша книга, о которой вы говорили? — Расти берет со столика книгу, которая лежала рядом с «Джонни Уокером». — «С черного хода», — читает он. — Да… ваша. Интересное название. Обложка замечательная.

Он показывает мне обложку: фотографию черной двери с десятками замков сверху донизу. Цепочек, запоров, амбарных замков, висячих, щеколд, защелок. В замках я разбираюсь.

---

[80] Notes: 80

Филлип Кэлвин Макгроу (р. 1950) — американский психолог, ведущий чрезвычайно популярной телепрограммы «Доктор Фил», автор бестселлеров по психологии.

— И обложка превосходная. И книга, — говорит доктор. — В ней собран весь мой профессиональный опыт. — Она берет бокал, допивает виски и наливает еще четверть. — Продали аж целых шестьсот тридцать один экземпляр.

Расти подходит к вазе и приподнимает ветку плюща.

— Вон там. Крошечная черная точка чуть ниже вашей левой руки. — Доктор указывает на камеру пальцем. — Я хотела сделать ее как можно менее заметной, чтобы люди забывали про нее и говорили свободно. Но это, пожалуй, объясняет, почему Одетта убежала отсюда. Она демонстрировала признаки паранойи еще до того, как уехала.

Расти закрывает плющом черную точку, так что если камера и работает, то нас на записи не будет. Это хорошо.

В дневнике Одетты не было явно сказано, доверяла ли она своему бывшему психотерапевту. Возможно, доктор поняла, что, если написать книгу «Все об Одетте», продастся гораздо больше шестисот тридцати одного экземпляра. Но мне совсем не улыбается стать героиней одной из глав.

— А вы не забеспокоились, когда она пропала вскоре после вашей встречи? — заходит Расти с козырей. — Наверняка же слышали в новостях.

— Я беспокоюсь обо всех пациентах. Но не вторгаюсь в их мир после того, как они встают с кресла в моем кабинете. — Доктор допивает виски. — Давайте закончим на этом. Без ордера я отвечу на два вопроса. Не больше.

— Хорошо, — соглашается Расти. — Одетта считала, что ее отец убил Труманелл и Фрэнка Брэнсон?

Я вскидываю голову. Быстро он. Не такого первого вопроса я ожидала.

— Понятия не имею. Второй вопрос?

— Одетта считала, что Уайатт Брэнсон сыграл роль в убийстве сестры и отца? Защищала его?

— Мы с Одеттой не дошли до обсуждения этого вопроса. И все же я записалась в число психотерапевтов, имеющих право посещать Уайатта на бесплатной основе во время одного из его пребываний в психиатрической лечебнице по решению суда. Мне не давало покоя лицо Одетты во время нашего последнего сеанса. Уязвимый ребенок. Без ноги. Шестнадцать лет. Наполовину сирота. Отец прямо как из фильма «Старикам

тут не место»[81]. Мне нужно было убедиться, что Уайатт Брэнсон по выходе не собирается ее убить, потому что ей, как он думает, что-то известно. С моей стороны было неэтично посещать его, так что больше я к нему не ездила. Но вот что я скажу: я вышла из его палаты с полным ощущением, что он способен на убийство.

Доктор Греко проявила свое истинное лицо. Вот та женщина, которая переубеждала присяжных.

Расти смотрит на нее так пристально, что мне становится не по себе.

— И вы не предупредили Одетту?

— Я оставила сообщения. Отец не отвечал на мои звонки. У меня не было доказательств, что Уайатт что-то совершил. Я не могу сказать, что он виновен. Скорбящие люди ведут себя непредсказуемо, иногда их поступки кажутся доказательством вины. Тридцать лет я пытаюсь отличить одно от другого. Прочитайте книгу. Возьмите ее себе. — Доктор открывает обложку.

Достает из-за уха авторучку, запутавшуюся в

---

[81] Notes: 81

«No Country for Old Men» (2007) — криминальный триллер братьев Коэн, в ролях Джош Бролин, Хавьер Бардем, Томми Ли Джонс, Вуди Харрельсон; снятый по одноименному роману Кормака Маккарти, выпущенному в 2005 г., фильм номинировался на восемь «Оскаров» и получил четыре. Действие происходит в 1980 г. в Техасе, где ветеран вьетнамской войны случайно находит место перестрелки наркоторговцев.

седеющих черных прядях. Банни назвала бы ее подпись *показушной*.

Доктор Греко захлопывает книгу и подталкивает ее ко мне.

Никто не шевелится.

— Уайатт Брэнсон рассказал вам что-нибудь? — медленно спрашивает Расти. — О той ночи?

Доктор Греко встает, слегка пошатываясь:

— Он сказал, что блестки с заколки Труманелл держались на его коже несколько дней, но глупая полиция ничего не заметила. Он не мог заставить себя их смыть. Делайте выводы сами. А сейчас — убирайтесь.

Менее чем через минуту я уже открываю пассажирскую дверцу. Расти вполголоса чертыхается. Доктор Греко кричит что-то с крыльца, размахивая книгой.

— Иди возьми, — командует Расти. — Только быстро.

Улыбаюсь, как на конкурсе красоты, и спешу к доктору. Совсем не хочется, чтобы меня запомнили как-то иначе, чем приятную глуповатую девушку, помогающую правосудию.

— Ваша книга точно лучше той, что я сейчас читаю перед сном, — восторженно говорю я. — Было бы очень обидно ее забыть. Благодарю.

Доктор Греко не слушает. Пристально вглядывается в мой глаз. Искусственный.

Тянусь за книгой. Не успеваю ее схватить, как доктор намеренно роняет ее на землю.

Мы одновременно опускаемся на колени. Касаюсь книги, но доктор резко накрывает мою руку своей. Веет сладковато-пряным запахом виски. Теткин «парфюм».

Мысленно возвращаюсь в трейлер. Древняя пыль, от которой саднит в горле. Раскаленный алюминий, который оставлял красные полосы на коже, если задеть его в жаркий день. Ужасный зуд от укусов комаров, пролезавших сквозь дырки в сетке, которые я заклеивала скотчем. Искусственный глаз, ощущавшийся как камень и не совпадавший по цвету со здоровым, — тетка не разрешала мне вынимать его днем, потому что не выносила вида пустой глазницы.

Прошлое настолько захватывает меня, что я не сразу понимаю: чем бы мы тут ни занимались, доктор Греко не хочет, чтобы Расти об этом знал.

— Одетта рассказывала о девочке, которая отказывалась говорить, — шепчет она. — У меня странное ощущение, что это ты. Считай это профессиональным чутьем. Хочу тебя успокоить: я никогда не нарушала ее доверия. — Доктор

неодобрительно кивает на патрульную машину. — Не знаю, зачем ты с ним связалась. Но вот что знаю точно. Одетта отдала бы жизнь за свою подругу Труманелл. За тебя. Но не хотела бы, чтобы ты умерла ради нее.

58

Отец появлялся раза два в год и неизменно привозил мне большую бутылку вишневой колы и пачку пластиковых червяков-приманок для ловли окуня. И уводил меня рыбачить в реке, к которой надо было спуститься по склону из трейлерного парка.

В последний раз он решил, что таким образом заработал право уединиться с мамой в трейлере.

Когда мы вернулись, она в красно-полосатом бикини загорала на террасе, если так можно назвать маленький деревянный квадрат со сломанными сосновыми перилами. Я несла окуня величиной с половину моей ноги.

Отец неспешно подошел к маме и расстегнул застежку бикини у нее на спине. Мама дала ему пощечину.

Мы думали, он сейчас уедет, потому что дверца пикапа хлопнула.

Когда он спустил курок, я как раз бежала к нему.

Думала, обниму и это его остановит.

Две дробинки пробили мне глаз так точно, будто сработала некая система наведения. Лицо вокруг не было задето. Отец оставил нас лежать на земле. Я забилась под трейлер — к неподвижному черному пауку и парочке милых, почти мультяшных крысок. Там меня и нашла тетка, спустя полчаса вернувшаяся из бара.

К тому времени повсюду висела желтая оградительная лента, будто плакаты на кровавый день рождения.

Я не рассказала тетке, что, пока я сидела под крыльцом, один из копов в форме высказался про белый мусор из трейлера и по поводу размера маминой груди. Но мужчина и женщина, которые убирали маму в черный полиэтиленовый мешок, вели себя деликатно. Оба прикрыли глаза, перед тем как спрятать ее лицо от меня навсегда. Уверена, они молились.

Никто не знал, что я за ними наблюдаю.

Но за ту долгую минуту после того, как отец выстрелил в меня и раздумывал, не выстрелить ли еще раз, я поняла, что он всегда будет за мной следить.

59

Как только я запрыгнула в машину, Расти велел отдать ему книгу. Пролистал, потряс за корешок — наш междусобойчик с доктором Греко явно вызвал у него подозрения.

Не знаю, зачем ты с ним связалась. В голове крутится голос доктора Греко. Она меня предупреждала? Или просто сболтнула спьяну? Как много ей известно обо мне?

Проходит полчаса пути, и, когда почти максимальная скорость перестает таковой ощущаться, я нарушаю молчание.

— Итак? — нервно спрашиваю я.

— Что — итак? — говорит Расти.

— Вы верите доктору? Мне показалось, она намекала, что Уайатт убил Труманелл.

— Не новость.

— Доктор… не в себе, вам не кажется? Она так одинока.

— Если неоднократно продаешь душу дьяволу, именно это и происходит. Оказываешься в тюрьме. Просто в ее тюрьме окна большие. Доктор Андреа Греко принимала скоропалительные решения о защите преступников. Карма догнала. У меня есть приятели в полиции Далласа, кото-

рые праздновали ее уход на пенсию, будто свой собственный.

Расти опускает стекло и плюет.

Обратно плевок не прилетает — прямо чемпионское умение на такой-то скорости.

Расти смотрит на меня, а не на мелькающую дорогу. Будто читает мои мысли. Будто он совершенно безрассудный человек и это один из его методов допроса, из-за которых его прозвали Чудом. А может, всё вместе. Я же мысленно воплю, чтобы он снизил скорость.

— Возможно, опять тупик, — говорит Расти. — Не грузись. Мое расследование все время что-то тормозит.

— А нельзя сейчас притормозить, хотя бы немножко? — молю я.

— У близняшек футбол в шесть. Хочу успеть.

Однако стрелка спидометра слегка отодвигается от крайней отметки.

— Я видела их на церемонии в честь открытия памятника, — осторожно начинаю я. Что угодно, лишь бы разрядить напряжение. — Милашки. Как их зовут?

— Олив и Пимьенто. Не как в свидетельстве о рождении. Там Оливия и Пенелопа, в честь бабушек. Но я их зову Олив и Пимьенто. Так-то

вот, Анжелика-Энджел-Энджи.

Я затаиваю дыхание, когда он обгоняет фуру.

— У меня в свидетельстве о рождении написано «Рассел Арнольд Колтон» в честь дедов. А у тебя? Уж точно не Анжелика Одетта Данн.

— Да вы уже знаете, что там написано.

— Ага, знаю. Красивое имя. Монтана. Красивое слово — «гора» по-испански. Тебя так мама назвала? И это имя ты стерла, будто его не было. Мне очень жаль. И что мама твоя умерла. И что твой отец — чертов подонок, который сделал так, чтобы ее больше не было.

Слезинка падает на сиденье. Расти видел? Он знает не только про имя, но и про глаз? И тоже, как все глупые люди, считает, что плакать я могу только одним глазом? *Я плачу двумя, идиот.*

— Ты боишься, что отец хочет тебя… убить?

— Вы должны знать, что его посадили из-за меня. — Сердитые слова вырываются сами собой. — Знаете, почему я копам не доверяю? Они мне наврали. Сказали, если я дам показания суду присяжных, ему дадут от двадцати лет до пожизненного. А потом прокурор скостил срок до трех лет, потому что ни ружья, ни других свидетелей не нашли. Я стараюсь следить за ним через соцсети, звоню инспектору по надзору. Отец может

появляться в «Фейсбуке» целый месяц, а потом исчезнуть на полгода. Я узна́ю, где он, только если он ошибется и встанет рядом с каким-нибудь памятником, а барные стулья в их число не входят. У него сменилось девять инспекторов. Большинство из них называют меня «дорогуша», — мол, тебе не о чем беспокоиться, дорогуша. Я же просто живу одним днем. И пока мне это удается.

Благодаря моему волшебному глазу.

И *словам Одетты.*

Одно из них — стойкая.

Еще одно — находчивая.

— Позволь мне помочь тебе, девочка. Я могу заставить копов следить за ним, пока он не облажается, и тогда его упекут туда, где ему и место. Знаешь, где он сейчас?

Слово «девочка» раздражает. Звучит по-старчески слащаво, как «милая», «дорогая» или «малышка». Я только что вывалила все человеку, которому не доверяю. Может, это знак, что в душе я знаю: все почти кончено.

— У нас с напарником есть четкое предположение, где он, — заявляет Расти.

Это правда? Такое ощущение, будто Расти к чему-то клонит, но я за ним не поспеваю.

— В обмен на то, что мы займемся твоим па-

пашей, ты вернешься домой к мисс Боните Мартинес с Клиффдейл-авеню. Договорились?

Вот оно.

— Вы знаете про Банни? — Не могу скрыть панику в голосе. — Вы ей звонили?

Она так гордилась, когда на выпускном я поднялась на сцену. На ней было желтое платье в цветочек и красные туфли на каблуке, а она никогда не носит каблуки, потому что, по ее словам, они делают ее похожей на корову. Я никогда не врала ей раньше, только в самом начале, про глаз. Ни на секунду, ни на единую секунду ей не пришло в голову вернуть меня в приют после того, как она случайно открыла дверь ванной.

— Я не разговаривал с мисс Мартинес… пока что. Так что пришло время рассказать про твои экстрасенсорные способности.

Меня переполняет ненависть к нему.

— Я засыпаю, — говорю я тихо. — И Одетта приходит ко мне. Мы всегда на озере, таком зеленом, будто это огромное ведро с краской. В конце она погружается в воду. Губы. Нос. Глаза. Макушка. Остаются идеальные круги на воде. Как будто метка на карте, только круглая.

Расти сворачивает на парковку у библиотеки и останавливается рядом с моей машиной. Я так

увлеклась разговором, что едва заметила, что мы уже в городе. С каждой милей выражение лица Расти становилось все страшнее и злее.

Доктор, она его раззадорила.

Понадобилось лишь немного золотых блесток.

Скорее всего, Расти не на матч торопится. А за Уайаттом, может в последний раз.

— Если не будешь сотрудничать со следствием, покинь город, — рычит Расти. — Сделаешь?

Киваю. Ложь.

60

Из библиотеки выпархивает шумная стайка ребят. *Обычных*. Расти умчался сразу, как только я закинула рюкзак на плечо и пошла к машине. Теперь я сижу внутри, до упора подняв стекла, и думаю, не погибнет ли Уайатт из-за меня.

Я не верю, что Одетту убил Уайатт. Или Расти, или Финн, если уж на то пошло.

Вот в чем проблема. Я ведь и от отца не ожидала, что он окажется убийцей.

На руку падает слеза. Это что-то новое — плакать одиночными слезами.

Однажды я видела высохшую слезинку под мощным микроскопом. Она была похожа на черно-белый аэрофотоснимок оклахомского ранчо:

извилистые ручьи и четкие очертания построек. Учитель сказал, что под микроскопом слезы выглядят по-разному, в зависимости от того, от радости мы плачем или от горя.

Именно это я и пытаюсь сделать: найти Одетту в аэрофотоснимке одной-единственной горькой слезы. Может, это и не важно. Может, весь наш мир — всего лишь чья-то слеза.

Одетта записала номер телефона Уайатта в свой «кулинарный» дневник, будто знала, что он мне понадобится. Проблема в том, что я не могу вспомнить последовательность последних четырех цифр, помню только, что там были восьмерки и нули.

Напоминаю себе, что цифры — моя стихия, они меня успокаивают, а мой идеальный результат на экзамене по математике — одна из причин, почему у меня полная стипендия. Надо только, чтобы пальцы перестали дрожать.

Существует всего шестнадцать возможных вариантов этих четырех цифр.

Будь их десять, получилась бы тысяча. Двадцать — миллион. Тридцать — миллиард.

Если продолжать удваивать, вскоре окажешься в области чисел, которые используют для расчета субатомных частиц во всем Млечном Пути и в во-

енном шифровании. Я пытаюсь с помощью этой логики убедить Банни, что лотереи — развод. Она же просит не лишать игру элемента чуда.

Однако шестнадцать комбинаций — вполне разумное число.

Набираю номера. Восемь автоответчиков, два подростка, магазин одежды, «Макдональдс» и какой-то старичок.

На четырнадцатой попытке слышу голос Уайатта, слегка удивленный, будто ему не так часто звонят или он забыл о моем существовании.

— Это Энджел, — говорю я нетерпеливо. — Надо поговорить. Я сегодня виделась с психотерапевтом Одетты. Доктором Греко. Она говорит, ты тоже с ней встречался. Она говорит…

— Хватит.

— Уайатт, ты убил Труманелл?

— Нет.

— Знаешь, кто это сделал?

— Да.

У меня перехватывает дыхание.

— А Одетту? — запинаясь, выговариваю я.

— Нет.

— Что было закопано там, где исчезла Одетта?

— Пистолет.

— Если ты знаешь убийцу Труманелл, почему

ты его не сдал? — Я почти шепчу. — Чего ждал? Убийца *мертв*?

— Труманелл хочет, чтобы я не лез в это дело.

— Пожалуйста, скажи мне, кто убийца! — умоляю я. — Пожалуйста, Уайатт! Не мне, так Расти.

Слышу дыхание в трубке.

А теперь — нет.

— Не вешай трубку, пожалуйста, ну прошу тебя! — кричу я в телефон. — Я думаю, Расти с напарником едут за тобой. Не знаю, что они сделают на этот раз, чтобы получить ответы. Уайатт! Пожалуйста! Если не хочешь говорить, просто уезжай.

Меня саму удивляет мое отчаяние.

Тишина.

— Уайатт, ты здесь? Труманелл меня не волнует, Одетта хочет, чтобы ты уехал. — Я замолкаю. Телефон так плотно прижат к уху, что я слышу собственный пульс. — Пожалуйста, скажи что-нибудь.

На другом конце раздается краткий звук: то ли глубокий всхлип, то ли горький смешок. И тут я понимаю: знание того, что это было, может все изменить.

А потом Уайатт исчезает, напоминая мне о том, что спасатель из меня так себе.

И часа не прошло, а я уже снова в парке. Проезжаю мимо озера, мимо любимого места Расти и сворачиваю на дорогу без указателей. Спустя примерно милю нахожу подходящее место.

Открываю багажник. Там ничего нет, кроме лопаты и пилы.

Банни однажды сказала: главное — принять обдуманное решение, а дальше пусть все идет своим чередом. Вряд ли она бы назвала обдуманным решением напилить веток и спрятать машину в лесу. Но я почти уверена, что на ней установлен как минимум один трекер прокатной компании и еще один — от Расти. А я не готова уезжать из этого города. По крайней мере, сейчас.

Отступаю на шаг и футболкой вытираю грязь и пот со лба. Поправляю ветки. Не идеально, но сойдет. Перед тем как тронуться в путь, нащупываю в рюкзаке рукоятку пистолета.

Не знаю зачем. Он не заряжен.

Есть черта, которую я никогда не переступлю. Ни за что не стану никого убивать, в отличие от отца.

61

Однажды отец подослал ко мне наемного убийцу.

Осенний пикник в большом далласском парке, куда приходили приемные семьи со своим угощением, был в самом разгаре. Все говорили, что в этом празднике главное — еда, но это полная чушь. Потенциальные усыновители присматривали ребенка, которого еще можно превратить в нечто путное или потерпеть ради пособия. Чувствуешь себя как на выставке собак. Но как иначе попасть в семью?

Наевшись хот-догов и шоколадных пирожных, мы с Мэри и еще шестью девчонками удалились к ряду цепных качелей в стороне от главного сборища.

Мы уже бывали на таком мероприятии не раз. У старших девчонок вроде нас шансов не было. А вот маленькую Люси Альварес мы заставили держаться поближе к столу с десертами, хотя она отчаянно просилась пойти на качели и почитать «Гарри Поттера». В тот день она познакомилась с мексиканской семьей, которая в итоге скупила ей все на свете книги Джоан Роулинг.

Пикник шел примерно час, когда какой-то мужчина отделился от толпы и зашагал в сторону качелей. В одной руке он держал клочок бумажки. Другую прятал в кармане куртки.

Когда он подошел совсем близко, я узнала в нем

одного из старых дружков отца со времен работы в нефтянке. Прошло уже шесть лет, а тогда мне было всего семь, но я его запомнила. Это он показал мне, как наточить рыбацкий нож о камень, найденный возле железнодорожных путей. Сказал быть осторожной: нож может распороть мне живот, как спелый персик.

В этот раз он без каких-либо приветствий пошел вдоль ряда качелей, будто выбирал малолетнюю проститутку, и пристально всматривался каждой в глаза. Бейдж у него на груди был не совсем такой, как у остальных. Там было написано «Билл Смит», хотя отец всегда звал его Хэнком. Неплохо придумал — заявиться на пикник.

Все качели остановились. Он шел вдоль ряда, и его обдавало волной девичьей ярости.

Дыхание перехватило. Мне удалось углядеть, что́ у него в руке: фотография.

Я сидела на четвертых качелях. Мэри — на пятых. Передо мной Хэнк резко остановился. Стоял и смотрел: то на меня, то на фотографию. Я мысленно благодарила приют за обилие углеводов в рационе, поскольку мои щеки округлились. И конечно, Одетту. За волшебный глаз.

Хэнк никак не мог понять: я это или нет. Цвет моих глаз ни с каким другим не спутать. Но

отец-то велел искать девочку без глаза или с очень дешевым искусственным. Он же сам видел черную дыру вблизи. Мой глаз стал главным аргументом прокурора против ужасной сделки со следствием.

А теперь у меня были два идеальных зеленых глаза.

И Хэнк никак не мог решить, что делать.

Я затаила дыхание. Руку убийца по-прежнему держал в кармане. Что у него там? Пистолет? Или тот самый рыбацкий нож, который он учил меня точить?

Я будто слышала его мысли. *Вдруг я убью не ту девчонку?*

Мэри встала с качелей. Шрам отливал синевой на солнце. Крепко сжав цепи, Мэри то привставала на цыпочки, то опускалась, будто она в пуантах, — балет был ее детской мечтой. На самом деле так она всегда разминалась перед дракой.

Я не могла допустить, чтобы Мэри погибла из-за меня.

Сзади, по тропинке, пересекавшей зеленую лужайку, к нам решительно шагала женщина с крошечной собачкой. Хэнк, сосредоточивший все внимание на мне, ничего не замечал, пока у его

ног не раздалось тоненькое рычание.

— Этот человек пристает к вам? — спросила женщина, обращаясь ко мне.

Уходи, лихорадочно думала я.

Спасайся.

Спаси моих подруг.

Меня уже не спасти.

Но слова не шли. Во рту пересохло, язык будто прилип к нёбу, а сама я примерзла к черному резиновому сиденью.

— Да я просто дочку ищу, — протянул Хэнк.

— Ищите в другом месте, — велела женщина.

Она подняла телефон так, чтобы было видно экран с номером 911 и занесла палец над кнопкой вызова. Ее взгляд был прикован к руке Хэнка, которую тот держал в кармане.

Мэри закончила свою разминку и перестала пружинить на цыпочках, готовая к броску.

Клубок шерсти, Мэри и незнакомая женщина — до смешного мелкие — встали на мою защиту, как питбули.

Перед тем как направиться в сторону парковки, Хэнк бросил на меня взгляд, в котором читалось: «Я с тобой еще не закончил».

Незнакомка не сводила глаз с его спины, пока не убедилась, что он не передумает и не вернется.

А собачка уже качалась на качелях, уютно устроившись на коленях у Мэри.

Женщина повернулась ко мне и с улыбкой протянула руку. До сих пор помню, что от ее прикосновения веяло речной прохладой. Я будто прошла обряд омовения от грехов.

— Безошибочно определяю ублюдков, — сказала моя спасительница. — Меня зовут Банни.

62

В этом жилом районе пугающе тихо. Я слышу только собственное дыхание и ритмичные шаги по тротуару.

Пять лет назад здесь стояли лишь скелетные остовы будущих домов. В то первое утро в доме Мэгги я проснулась от удара молотка за окном, эхо от которого, как от выстрела, пробирало до костей.

Я тогда отодвинула занавеску в гостевой комнате и подумала, что любой из рабочих, балансирующий на стропилах, может оказаться моим отцом. Его называли королем экстрима с буровой

вышки в Элк-Сити[82] за то, что он мог взобраться куда угодно.

Это он научил меня лазить по деревьям, которые густо росли возле реки, где мы рыбачили. «Дело не в сложности самого дерева, а в твоей способности понять, как оно устроено», — протяжно говорил он. Когда я, как мартышка, повисала на хлипкой ветке, он не помогал мне спуститься, а с отвращением уходил, бросив: «Думай, Монтана. Обдумывай каждый шаг».

И вот я на Нормальной улице в США, где и дерева-то нет, чтобы залезть, и совсем не могу соображать ясно.

Потому что нормального ничего *нет*. Кругом ложь.

Район назван Поконо-Эстейтс в честь очень далеких гор в Пенсильвании, а здесь гор нет и в помине.

Сказочные башенки на дорогих особняках притворяются третьим этажом, но на самом деле их два.

Я сбиваюсь с шага и замираю посреди тротуа-

---

[82] Notes: 82

Буровая вышка Паркера № 114 — одна из самых высоких буровых вышек в мире, которая после окончания ее эксплуатации в 1991 г. была установлена в историческом центре Элк-Сити, штат Оклахома, расположенном в богатом нефтью и газом районе США, и стала главной туристической достопримечательностью города.

ра.

Улица Маунтин-Вью-драйв, 526.

Вместо красной глины — ярко-зеленый газон с аккуратно взрыхленной кромкой.

Дверь красная, а не черная.

Все жалюзи плотно закрыты.

Мне так же страшно, как и пять лет назад.

Никто не открывает.

Вглядываюсь в стеклянный ромб на двери. К моему удивлению, сквозь него просматривается вся прихожая и даже кусочек гостиной. Деревянных ангельских крыльев над диваном больше нет.

Может, я ошиблась домом? Мэгги нарочно указывала неправильный адрес на открытках ко дню рождения? От этой мысли становится больно.

Мэгги всегда заботилась о безопасности: закрывала все жалюзи, набирала код на панели сигнализации. Пять лет — срок немалый, но, если мое лицо сейчас появилось на экране компьютера, Мэгги, без сомнения, меня узнала.

Почти подхожу к бордюру, и тут меня окликает Мэгги.

* * *

Она заключает меня в объятия так стремитель-

но, будто ловит мячик, который вот-вот укатится на проезжую часть.

Ее мокрые волосы касаются моей щеки. Пахнет фруктовым шампунем, отчего к горлу подкатывает комок. Сначала я думаю, что она так рада меня видеть. На самом же деле она поспешно увлекает меня к двери, а я пытаюсь справиться с рыданиями.

Мне кажется, что моя кожа плавится под солнцем будто воск. В ногах пульсирует боль: я бежала сюда от парка по раскаленному шоссе. Мышцы все еще ноют после того, как я пилила ветки.

В прихожей, за закрытой дверью, Мэгги буквально поедает меня взглядом.

Длинная царапина от колючей проволоки.

Синяки и грязь на коленях.

Сопли текут ручьем.

Сквозь дурацкий спортивный бюстгальтер проступают соски — признак взрослости.

Взгляд Мэгги останавливается на моих глазах, где, по словам Банни, за зеленой завесой прячется моя душа. *Почему я не могу перестать плакать?*

По глазам Мэгги тоже нелегко понять, что она думает. Она только что из душа, поэтому, наверное, и не открыла сразу. Такая же невысокая, какой я ее помню. Но худощавее, мускулистее и

без прежней теплой улыбки.

Еще на улице она шепнула мне на ухо: «Так рада тебя видеть». Но теперь мы стоим в шаге друг от друга, и она молчит. Не задает очевидных вопросов: «Что ты тут делаешь?», «Почему плачешь?». Но я чувствую, что́ она думает. «Зря я открыла дверь».

Вытираю нос рукой. Как стыдно!

— Гормоны. Банни говорит, что это подростковые гормоны.

От этих слов Мэгги улыбается. Широкой, фальшивой улыбкой. Не помню, чтобы раньше она делала что-нибудь неискренне.

— С удовольствием послушаю про твою приемную маму, — говорит Мэгги, будто мое появление полностью соответствует нормам приличия и оговорено заранее. — Лола на детской вечеринке у бассейна в соседнем доме. Беа — в летнем лагере, прыгает на надувных батутах. Девочки тоже будут так рады тебя увидеть!

Лоле было всего три, когда мы бегали по дому с повязками на глазах и лепили кривоватые кексы. Сейчас ей восемь. Если она меня и помнит, то смутно. А малышка — тем более.

Скажи что-нибудь еще, Мэгги. Искренне.

Мэгги проводит меня через «полосу препят-

ствий» на полу гостиной: ноутбук с погасшим экраном, стопку документов с синими стикерами, светло-рыжего кота, который нисколько не желает сдвинуться с места, несколько порванных детских книжек с картинками.

Не успеваю опомниться, как мы уже на кухне. За спиной Мэгги, на холодильнике, под магнитом в виде Микки-Мауса — моя выпускная фотография, где я стою возле магнолии в саду Банни.

Слезы подсыхают. Но мне вдруг становится трудно дышать. Перед глазами пляшут сполохи. Микки-Маус будто оживает: удваивается, утраивается…

Ладонь Мэгги на моем плече кажется ледяной.

— На этом самом месте мы виделись в последний раз, — шепчу я.

— Я так по ней скучаю. — Лицо Мэгги искажает боль.

И тут я понимаю, почему она вела себя нерешительно. Присылала открытки с пятидесятидолларовыми купюрами, но ни разу не приехала — ни в приют, ни к Банни, даже ненадолго, хотя я и внесла ее в список разрешенных посетителей.

Мэгги пришлось убрать Одетту в дальний ящик.

А я своим появлением извлекла ее на свет

божий.

Мэгги сидит там же, где сидела Одетта, когда дала мне те шесть слов.

На этот раз я будто оправдываюсь за свое тогдашнее молчание. Говорю без остановки.

Я рассказываю Мэгги все.

Про отца.

Маму.

Банни.

Синий дом.

Зеленое озеро.

Поваренную книгу Бетти Крокер.

Окровавленные ботинки в шкафу.

Хромого человека на кладбище.

Финна. Расти. Уайатта.

Шесть слов.

И про то, что я все бегу, бегу, бегу…

Мэгги тянется через стол и прижимает палец к моей татуировке-сердечку. Скорее всего, специально. Говорит, что постоянно чувствует себя виноватой, что Одетта приходит к ней во сне и они вместе летают на огромной черной летучей мыши.

Она уверяет меня, что все будет хорошо. Вновь кажется той Мэгги, которую я помню.

Но тени со слепой стороны начинают что-то

нашептывать.

Лола разглядывает мое лицо с трогательной серьезностью, на которую способен только восьмилетний ребенок. Просит вынуть глаз и вставить его обратно. Потом осторожно гладит меня по щеке, будто я хрупкая статуэтка.

В своей фиолетовой комнате она показывает мне альбом с вырезками, где хранится прощальная записка, которую я оставила ей под подушкой. Там же — повязка с пайетками, которую мы смастерили вместе. Она лежит в запечатанном пакетике, прямо как губная помада Труманелл в книге Бетти Крокер.

От этого альбома меня бросает в дрожь. Я теперь тоже легенда, хранящаяся между страницами. Точно так же, как Одетта. И Труманелл.

Финн сейчас листает страницы Одеттиного альбома. Или сжигает их. Я по глупости не дочитала книгу и теперь, возможно, никогда не узнаю, что там в конце.

Мэгги настаивает, чтобы я осталась на ночь, и по-матерински строго велит мне больше никогда не переступать порог Синего дома. Она там не была уже несколько лет. Финн ее не пускал. Она называет дом «Одеттин склеп», что одновременно и жутко, и точно.

Мэгги теперь оказывает бесплатную юридическую помощь некоммерческим организациям. В ее доме больше нет чужих. Это означает, что гостевая комната почти всегда пустует. Мэгги говорит, что «исчезновение Одетты… полностью изменило ее взгляд на мир», и ее глаза наполняются слезами.

Род по-прежнему работает в неотложке и сегодня дежурит в ночь. Завтра мы сядем втроем и все обсудим. Я знаю, что это значит: Род отвезет меня домой, к Банни. В груди поднимается тихая паника, я будто медленно закипаю изнутри.

Мы смотрим диснеевские фильмы, готовим попкорн, качаемся на качелях во дворе. *Обычная* жизнь. После пиццы Мэгги включает мультики, и я устраиваюсь поуютнее — с каждого бока по сонной малышке.

Около девяти Мэгги говорит, что ей надо позвонить, и уходит в спальню. Отсутствует двадцать минут. Тридцать.

Возвращается с покрасневшими глазами.

— Мама, — поясняет она. — Это тяжело. Несколько лет назад у нее был инсульт. Я звоню ей каждый вечер. Медсестры в пансионе говорят, что мой голос ее успокаивает. Через пять минут она уже не помнит, что я звонила. Но важен ведь

сам момент, верно? Надо жить *здесь и сейчас*.

На экране синий кролик обнимает зеленого койота.

Мне так хочется верить в Мэгги. И в счастливый мультяшный мир.

Мэгги укрывает меня прохладным одеялом, будто маленькую. Так делала мама. Те же бежевые занавески, что висели здесь, когда мне было тринадцать, скрывают меня от внешнего мира. Будто и не было этих пяти лет и я все время бегу на месте.

Около полуночи Лола вылезает из своей кроватки и приносит мне пушистое фиолетовое одеяло с крошечными розовыми сердечками. Снова гладит меня по щеке. Говорит, мол, пусть клопы не кусают.

Я пытаюсь уснуть. Дождаться завтрашнего дня.

Но внутренний голос настойчиво повторяет два слова:

Забери Бетти!

63

Фонарь на крыльце светит холодным светом. Флаг безжизненно повис. Во всех окнах темно. Машин во дворе нет.

Синий дом. *Склеп Одетты.*

Глотаю густой, душный воздух, но надышаться не получается. Ноги как ватные после еще одной пробежки в три мили. Кожа поблескивает в лунном свете. Всю дорогу сюда я думала о том, в чем абсолютно уверена.

На ботинках Одеттиного отца была кровь Труманелл.

Подковыливаю к двери и вставляю ключ в замок. Щелкаю выключателем на кухне. Мне все равно, кто увидит свет сквозь занавески. Главный страх я ношу с собой.

Синяя тарелка сохнет на полотенце — там, где я ее оставила. Стулья аккуратно задвинуты под стол. Все вещи на своих местах.

Даже поваренная книга Бетти Крокер.

Финн вернул ее на полку.

Отпечаток окровавленной ладони на том же месте — плотно приклеен под полиэтиленовым файлом. Быстро пролистываю страницы — вроде бы ничего не вырвано.

Можно дочитать все до конца. Каждое слово, которое оставила после себя Одетта.

Почему теперь Финн хочет, чтобы я это сделала?

Заглядываю под каждую кровать, проверяю за каждой дверью. Звоню Финну, но вызов пе-

ренаправляется на голосовую почту. Кому еще позвонить? Расти? Я ему не верю. Попробовать дозвониться до Уайатта? Убедиться, что с ним все в порядке? Но ему я тоже не верю. Мэгги? Я не доверяю и ей.

Как там говорит Банни? Если никому не доверяешь, может быть, проблема в тебе?

Засовываю Бетти в рюкзак рядом с пистолетом. Сгребаю все свои вещи из ванной и с полки в шкафу и тоже запихиваю в рюкзак.

Уже у двери замечаю грязный след на кухонном полу. Меня охватывает непреодолимое желание стереть все, что напоминает обо мне. Все до единого следы моего пребывания здесь. Каждую ворсинку, хлебную крошку, капельку зубной пасты.

Принимаюсь полотенцем оттирать свои отпечатки пальцев с кухонного крана и вдруг понимаю, как это глупо.

Моя кровь из мозолей и царапин уже въелась в простыни. Волосы застряли в сливе ванны. Частички кожи прилипли к липкой ленте, которой я заклеивала коробки.

Беру себя в руки.

Крепко и вызывающе прижимаю ладонь к холодной стальной дверце холодильника.

Я была здесь.
Запомните меня.

* * *

Я снова в кладовке с Бетти.

Стараюсь изучить все методично, как во время учебы, чтобы на этот раз ничего не упустить. Слова сливаются в сплошной поток. Мышцы так ноют, что я едва могу шевелиться.

Я знаю, что щеку мне щекочет одна из Одеттиных розовых юбок, но все равно раз за разом отмахиваюсь от нее, будто от паука.

Сна не будет. Только передышка.

Еще несколько часов — прочитаю Бетти, соберусь с мыслями. Так я себе твержу. Уйду на рассвете, до того как Мэгги обнаружит пустую постель. «Убер», такси, автобус, автостоп — способ сбежать всегда найдется.

Я приоткрыла дверцу кладовки ровно настолько, чтобы тонкий лучик света от настольной лампы проник внутрь и лег мне на ногу. Лампу я оставила включенной, чтобы она чуть-чуть меня успокаивала, как крошечный костер. Но спокойствия нет и в помине.

Снова смотрю на запись передо мной. Одетта разоблачает то, что говорилось в документаль-

ном фильме под названием «Подлинная история Тру».

«Подлинная история Тру»: Труманелл увлекалась колдовством.

Правда: Девочки-чирлидеры гадали по руке, чтобы собрать деньги на благотворительность.

«Подлинная история Тру»: Труманелл пришла в школу со странными отметинами на шее.

Правда: В одиннадцатом классе у нее был дерматит.

«Подлинная история Тру»: Труманелл пыталась утопиться.

Правда: Однажды на вечеринке у озера она так долго плавала под водой, что половина футбольной команды бросилась в воду ее спасать. А она вынырнула и рассмеялась.

«Подлинная история Тру»: Спустя год после исчезновения Труманелл сантехник, чинивший трубу в доме Уайатта, услышал стук на чердаке. Уайатт сказал, что это белки.

Правда:????

На следующей странице — странный верлибр. *Луна встает, кукуруза шепчет, пикап переворачивается, нога умирает.*

Рядом — набросок надгробия с надписью: «Здесь покоится нога».

Под этим — слова, которые меня добивают.

Папа сказал, я могу сделать из своей ноги оправдание, а могу — историю.

Эта книга — ее история. Может быть, ответ, который я должна в ней найти, состоит не в том, как Одетта умерла, а как она жила. Как безумие и здравый смысл, разорванная и здоровая ткань сплетаются воедино и возникает прекрасный человек.

Долистываю до последней страницы — почти нечитаемой.

Взгляд невольно скользит вниз.

И тут ход времени резко дает сбой.

Говорят, если внезапно пробивает дрожь, значит кто-то прошел по твоей будущей могиле. Наверное, Одетта тогда содрогнулась. Предчувствовала будущее пять лет назад. Ей, наверное, показалось, будто что-то коснулось затылка, а это я перебираю страницы, сидя в кладовке.

Не сдавайся.

Это последнее, что она написала. Себе. Мне.

На кратчайший миг мы становимся единой вибрацией в этом временно́м разломе.

А затем я снова остаюсь наедине с бумажной страницей и словами Одетты.

64

Резко просыпаюсь и задеваю один из Одеттиных протезов. Тот падает, сбивает Бетти с моих колен, страницы разлетаются по полу.

Что-то звякнуло? Не шевелюсь, хотя каждый нерв вопит: «Вставай!» В ушах тоненький высокий звон. Бесшумно подбираю листы с пола.

Карандашный рисунок дома и сарая.

Набросок в стиле да Винчи: кость ноги.

Уже собираюсь вложить эскиз обратно в книгу, но замечаю каракули внизу страницы. Те же самые синие чернила, которыми Одетта писала в начале дневника, в семнадцать лет, через год после аварии.

Приоткрываю дверцу кладовки, чтобы впустить побольше света. Да, каракули. Чуть ли не иероглифы.

Про звук я уже не думаю.

Да Винчи писал перевернутыми буквами — зашифровывал свои потрясающие открытия. Я узнала про зеркальное письмо из документального фильма о нем, который посмотрела тысячу лет назад, не подозревая, что та временна́я точка соединится с этим мгновением.

Он выписывал по-итальянски невероятные

гениальные завитушки. Одетта писала по-английски девчачьим круглым почерком, как и я.

Подношу страницу к глазам. Кажется, Одетта тоже писала задом наперед.

И вот я уже держу страницу у зеркала в ванной.

Круглый почерк Одетты. Мои ярко-зеленые глаза. Мы обе заперты в зеркале и пытаемся что-то сказать друг другу.

На этот раз звяканье железа на крыльце — не плод воображения.

Как и буквы в зеркале, волшебным образом сложившиеся в слова.

Я не хочу умирать.

Листок выскальзывает из пальцев.

Именно в этот ночной час приносят лопаты на крыльцо Синего дома.

И ни один звук не бывает безобидным.

Думай, Монтана. Обдумывай каждый шаг.

Так велел отец, когда я изо всех сил карабкалась на труднодоступную ветку дерева. Слышу эти слова так отчетливо, будто он прячется за занавеской душа.

Резко отдергиваю ее.

Ползу на четвереньках в прихожую, а в голове крутятся слова из зеркала, будто назойливый

мотив.

Снаружи входная дверь заколочена досками. Отсюда в дом не попасть.

Выключаю лампу в комнате Одетты и как можно тише приоткрываю окно. Внутрь льется воздух. Розы и бархат — парфюм этого городка. Похоже на какой-то дурман. Нигде прежде я не ощущала такого аромата в воздухе.

В обычный день я бы вдохнула поглубже. Но сегодня от этого запаха жжет горло. Слова в зеркале отражают мой собственный ужас.

Я не хочу умирать.

Моя героиня, Одетта, написала это в невыносимых муках. Девушка, выводившая слова задом наперед в доме, полном секретов.

«Дом, милый дом» — вышито на подушке в гостиной. Но правду всегда следует искать на неприглядной изнанке: путаница, уродливые узлы, дорожки стежков, которые пересекаются там, где не должны, как жизненные пути моих родителей.

Прокрадываюсь к крыльцу; кусты меня скрывают, но недолго. Подтягиваюсь за перила и оказываюсь в луче света. Лопаты нет. Надписей красным лаком для ногтей тоже. Только жухлые листья, грязь и коврик, такой протертый, что

надпись на нем едва угадывается.

Звяканье повторяется. Ветер колышет цепь качелей на крыльце, и она стучит в окно. Этот звук я слышала? Обхожу дом против часовой стрелки, держась вплотную к стене. На заднем дворе — голая веревка для белья, сарай. Еще один старый дуб. Заворачиваю обратно к кухне.

Дверь слегка приоткрыта.

Меня захлестывает паника.

Я закрыла дверь? Заперла? Бешено бьющееся сердце подсказывает, что да.

Мне нужно забрать свои вещи. *Обязательно.*

Документы с моим адресом. Адресом *Банни*.

Мой пистолет. Пистолет *Банни*.

Никогда не прощу себе, если из-за меня в ее дверь постучится ужас.

Проношусь через темную кухню — неуклюже и бешено. В спальне Одетты резко включаю верхний свет. Свет — это хорошо. Это *честно*.

Дверца кладовки распахнута. *Я ее так оставила?*

И что это лежит на подушке Одетты?

Подхожу ближе. Еще один прозрачный пакетик. Маленький. Из поваренной книги?

Нет. Я там такого не помню. Содержимого не видно из-за бурых пятен.

Надо позвонить Расти, так? Пакетик может быть уликой, которую надо сохранить.

Легкий, будто внутри морская ракушка.

Это какая-то западня?

Твержу себе: «Не надо», но все равно вываливаю содержимое на мягкую белую постель Одетты.

На меня смотрит глаз.

Ненастоящий. Не та дешевая зеленая подделка, которую тетка купила, чтобы заткнуть мне пустую глазницу. И не предыдущий протез, который отец украл из ванной трейлера, чтобы сообщить мне: он больше не заключенный оклахомской тюрьмы, а теперь я его пленница.

Искусственный глаз на кровати Одетты грязно-коричневого цвета. Я никогда его раньше не видела.

Мой отец обычно играет в такие игры. Задолго до того, как изувечить меня, он вырезал глаз у большеротого окуня и тайком положил его маме в чай. Она его чуть не проглотила. И все равно отпускала меня с ним на рыбалку, потому что ей казалось: это лучше, чем хоть раз сказать ему «нет».

Надо позвонить, пока еще могу. Один звонок. Нутром чувствую, что надо. Расти? Финну? Уайатту? Мэгги? Банни? Нащупываю телефон. Он

был выключен, чтобы Расти с напарником меня не отследили, и теперь включается бесконечно долго. Экран загорается, но пальцы дрожат, и я промахиваюсь мимо всех нужных цифр. Телефон выскальзывает из руки.

Как только он касается пола, свет гаснет.

В следующее мгновение раздается выстрел.

Плечо обжигает. По коже стекает капля чего-то теплого, как сироп.

Падаю на пол. Я знаю, что подо мной пол, но одновременно это — твердая земля. Я одна, хотя мама лежит совсем рядом. Моя рука тянется к ее руке, на кольце с аметистом — моим зодиакальным талисманом, которое она подарила мне на день рождения, крошечное пятнышко крови.

Мне восемнадцать. И одновременно десять.

Эффект неожиданности — *вот* что убивает. Даже если ожидаешь нападения, оно все равно застанет врасплох.

Одетта не хотела умирать. Но умерла.

Ныряю под невероятно низкую кровать. Плечо вопит от боли. Я под трейлером с пауком и крысами, глаз нестерпимо жжет.

Я таракан, что сплющивается и протискивается в щели.

Молюсь, чтобы человек в Синем доме расте-

рялся. Не стал водить пистолетом под кроватью. Подумал, что я как-то проскользнула мимо него. При первом же шорохе в коридоре я тихонько доползаю до ванной и захлопываю дверь.

Один выстрел — ничто в трейлерном парке. На улице маленького городка, наверное, тоже. Петарда, чихнувший двигатель, мусорный бак, который с грохотом уронил на асфальт рабочий, повисший на борту мусоровоза и злящийся на свою жизнь. Если выстрела два, ты уже встаешь и подходишь к окну. Три или четыре — и ухо улавливает мерзкий трескучий призвук. Значит, пистолет. Вот тогда ты звонишь в полицию.

Этот человек не хочет, чтобы кто-нибудь вызвал полицию.

Он не станет палить наугад сквозь дверь ванной — ведь я уже в ловушке и можно просто пнуть дверь, отдернуть занавеску и сделать один точный выстрел, приглушенный утиным пухом. Таков его план. В руках он держит Одеттину белоснежную подушку.

Удар титана по кости. Почти самый ужасный звук, который я только слышала. Он рассекает воздух и отдается в позвоночнике, когда я, подкравшись сзади, врезаю Одеттиным протезом убийце по бедру. Один раз. Второй.

Я была не в ванной, кусок ты дьявольского дерьма. А в кладовке, и мне хватило времени продумать, как спастись.

Убийца тяжело оседает на пол и ударяется головой о плитку. Пистолет улетает за унитаз.

Я не в силах отвести взгляд.

Удивительно, что я победила, а Одетта и Труманелл — нет.

Удивительно, что это не мой отец.

Не Финн.

Не Расти. И не Уайатт.

Немолодой. От него пахнет потом, тленом и тем самым сладким и жутким парфюмом этого городка. Глаза закрыты, так что неясно, какого они цвета. Нога неестественно вывернута.

Если до этого он не хромал, то теперь будет.

Надеюсь, не умер.

Не хочется говорить Банни, что я убила человека с распятием на груди.

Часть четвертая
Правда

65

5 июня 2005 года, в воскресенье, до того как погибла Труманелл, преподобный Родни Такер произнес особенно страстную проповедь о правде и необходимости каяться в грехах.

Его жена и тринадцатилетняя дочь Мэгги сидели на своих обычных местах в первом ряду Первой баптистской церкви. Для прихожан их затылки были такой же неотъемлемой частью убранства, как и большое белое распятие над алтарем.

Одетта, двоюродная сестра Мэгги, сидела шестью рядами дальше. С балкона Уайатт не видел лица своей девушки, только ее красивые безупречные ноги, которые она то скрещивала, то выпрямляла. Его сестре Труманелл то и дело приходилось толкать его, чтобы он перестал отвлекаться, а слушал проповедь.

Для Мэгги это было просто обычное воскресное утро. Та же истеричная проповедь отца, только слова переставлены. *Дьявол. Покаяние. Грех. Ад.*

С кафедры о Ветхом Завете вещает тот же самый человек, чье ветхое белье она вчера вечером складывала на диване.

Жена пастора слушала внимательнее обычного — не столько проповедь, сколько собственную вину и обиду, что точили ее изнутри. Ей до смерти надоело пускать в дом бродяг, которые пачкают ее постельное белье и ванну. И изображать любовь к мужу. Она осознала свою ошибку уже через десять месяцев после того, как сказала: «Да, согласна», но по-прежнему сидела здесь, кивая и говоря «Аминь».

Два дня спустя, во вторник, 7 июня 2005 года, она выбрала время, когда Мэгги не было дома, приготовила ужин: свиные отбивные с картофельным гратеном и шпинатом в сливочном соусе, вымыла посуду и поведала мужу тайну, которую держала в себе четырнадцать лет.

Преподобный Такер не сказал ни слова. Молча подошел к книжной полке и достал Библию с вырезанным внутри тайником для пистолета.

Когда он ворвался в дом Брэнсонов, Уайатт расставлял фишки на доске для скрэббла — ждал свидания. Труманелл спускалась по лестнице, особенно нарядная с чем-то золотисто-блестящим в волосах. Фрэнк Брэнсон умывался в ванной на

первом этаже после тяжелого дня в поле.

Преподобный загнал всех троих в гостиную при помощи пистолета и молитв. Клялся, что Мэгги — его дочь, даже если жена утверждает, что она от Фрэнка Брэнсона. *Обман. Прелюбодеяние. Геенна огненная.* Преподобный Такер достиг крайней степени своего проповеднического неистовства.

Когда к дому подъехал пикап Одетты, ее дядя велел Уайатту отделаться от нее, иначе он застрелит их всех.

Все это время пистолет был направлен на Фрэнка Брэнсона. Вот только Фрэнк крепко обхватил и прижал к себе Труманелл, будто живой щит.

Едва пикап рванул с места, Уайатт принял молниеносное решение: бросился на пастора, пытаясь вырвать пистолет.

В пылу отчаянной борьбы раздался случайный выстрел. Преподобный даже не помнил, слышал ли его. Уайатт же сказал, что выстрел прозвучал как трубный глас, возвещавший конец света.

Труманелл прижала руку к груди, будто пытаясь удержать кровь. Пошатываясь, вышла из дому, зовя Одетту. Но далеко уйти не смогла. Схватилась за дверь и медленно осела на крыльцо.

Кому-то надо было скрыть все следы. Пастор позвонил брату, потому что так у них было за-

ведено. Мальчики из Синего дома не бросали друг друга, даже когда подводил и полицейский значок, и Бог.

Уайатт горестно раскачивался на полу возле тела сестры, а полицейский и священник дожимали его морально, пока в сознании шестнадцатилетнего подростка что-то не надломилось. *Это ты виноват в ее смерти. Твои отпечатки тоже на пистолете. Кому, по-твоему, поверят? Брэнсону или священнику? Брэнсону или лучшему копу города? Брэнсону или братьям из Синего дома? Мы можем тебя прикрыть или уничтожить.*

Фрэнк Брэнсон наблюдал за тем, как двое мужчин обрабатывают его сына. Он прислонился к перилам крыльца, разорвал на груди рубашку и ткнул пальцем в дыру. Пуля прошла сквозь тело Труманелл и попала в него. Он истекал кровью, а может, рана была поверхностной. Притворился, что потерял сознание, а может, и правда отключился.

Отец Одетты поставил Фрэнка Брэнсона на ноги. Вырвал пистолет из рук брата.

— Сейчас я окажу вам обоим громадную услугу, — бросил он ему и Уайатту.

Уайатт смотрел, как Одеттин отец тащит его отца по двору. Как они исчезают в том самом поле,

где он когда-то дул в одуванчик, как в дудочку.

Этот выстрел прозвучал гораздо тише.

Отец Одетты всю жизнь будет считать, что плата, которую Господь потребовал с него за убийство Фрэнка Брэнсона, — нога дочери.

Так сказал его младший братишка, пастор.

Я рассказываю все это репортеру монотонно и как можно бесстрастнее. Я уже выучила эту историю наизусть.

Не понимаю, почему он хочет услышать ее от меня. Мы же с ним читали одни и те же показания Уайатта, Мэгги и преподобного Такера.

Репортер говорит, мол, это для того, чтобы понять, как каждый из нас воспринимает происшедшее, и сложить объективную картину. Будто кому-то еще есть до этого дело.

Наверняка просто хочет незаметно ввернуть вопросы, на которые мой адвокат, Финн, советовал не отвечать. *С чего началась моя одержимость малознакомой женщиной? Что я почувствовала, когда ударила убийцу Одетты ее протезом? И какие ощущения от того, что я разгадала тайну убийства и стала героиней этой истории, хотя ею должна была стать Одетта?*

— В смысле, *должна была*? — огрызаюсь я, прежде чем Финн успевает меня остановить. —

Она и *есть* героиня этой истории.

Напоминаю себе, что Расти доверяет этому репортеру. Говорит, что, если я подтвержу факты крупной газете, пусть даже в конфиденциальной беседе, городу легче будет исцелить свои раны. Он просит об этом одолжении, мол, взамен он железно выполнит то обещание насчет моего отца.

Репортер клянется, что не назовет моего имени и в статье я предстану как «стойкая девушка, оказавшаяся в гуще событий во время расследования дела Одетты Такер», а не «одноглазая бедняжка, найденная в поле».

Он пододвигает диктофон ближе. Спрашивает про Мэгги.

Болезненный вопрос.

Потому что она чуть было меня не погубила.

В девять вечера Мэгги, как обычно, позвонила матери в дом престарелых, пока я сидела на диване в обнимку с ее дочерьми. Медсестра, как и всегда, включила громкую связь и вышла из комнаты.

Мэгги плакала. Сказала матери, что Одетта прислала меня, чтобы напомнить ей обо всем, что она не сделала. Ей просто нужно было выговориться кому-то, кто ее любит, пусть даже на следующий день мать ничего не вспомнит.

Мэгги не знала, что ее слушает еще кое-кто, кроме матери. Преподобный, часто навещавший жену, проскользнул в палату посреди разговора. Тихо сел в кресло и услышал, как Мэгги рассказывает про одноглазую девушку, которая прячется в Синем доме. А еще узнал, что Одетта вела дневник.

Затем он так же незаметно вышел. Медсестра сказала, что преподобный улыбнулся ей, пожелал доброй ночи и попросил принести жене еще одеяло.

Когда полчаса спустя он открыл свою Библию с тайником, там было два предмета.

Пистолет, который он зарядил.

И еще фотография — одна из серии.

Это ее отец Одетты хранил в ящике рабочего стола под замком, ключ от которого носил на шее.

Снимок, сделанный со странного ракурса, при лунном свете.

Обряд омовения, шестой по счету.

Двое мужчин: отец и дядя Одетты смывают с себя грехи в озере.

На обороте накорябано: «7 июня 2005».

Я рассказываю репортеру то, что узнала от Мэгги о дне исчезновения Одетты пять лет назад.

Мэгги приехала к матери в дом престарелых разделить с ней свое горе. Та коснулась родинки у нее на затылке. *Как у твоего отца, на этом же месте.*

Мэгги не помнила, чтобы у отца была родинка. Но в ее детстве пастору поставили диагноз — рак кожи. Возможно, родинку прижгли. А может, мать что-то перепутала из-за деменции.

Первым делом Мэгги попросила Расти очень внимательно посмотреть, нет ли у пастора шрамика на затылке. Его не оказалось.

Мэгги сказала Расти, что хуже всего не то, что в ней течет кровь Фрэнка Брэнсона, а то, что они с Одеттой не родственницы.

— Я верю Мэгги, — повторяю я репортеру. — Верю, что она ничего не знала.

— А преподобный? Ты сможешь его простить?

Финн ерзает на стуле. Я знаю: он никогда не простит.

Даже несмотря на то, что преподобный во многом признался в своих показаниях.

В том, что оставил лопату на крыльце. *Одетта так и не постигла сути прощения.*

Он же тогда позвонил, раскаиваясь и всхлипывая. *Я был пьян. И той ночью чуть было не рассказал Одетте правду.*

Он последовал за Одеттой в поле, где Уайатт закопал пистолет, из которого были убиты Труманелл и Фрэнк Брэнсон. *Это была единственная задача Уайатта, и он ее провалил.*

— Давайте на этом закончим! — Голос Финна гневно звенит в воздухе.

— Нет, я хочу ответить, — тихо говорю я.

Резко вдыхаю:

— Преподобный сказал, что это рука Господа направила его тогда к дому Брэнсонов. А его рука вынула глаз у Фрэнка Брэнсона — на память, — перед тем как набрать земли лопатой. И если бы пришлось, он сделал бы то же самое еще седмижды семьдесят раз, кем бы ни пришлось пожертвовать, и Господь простил бы его.

Я показываю ладонь с растопыренными пальцами, как у Труманелл.

— И еще он сказал, что эта рука, моя рука, и удар головой об пол в ванной стерли из его памяти то, что произошло с Одеттой в ту ночь. *Я не позволю ему уйти от наказания.*

Остаться бесстрастной не вышло. На последней фразе я срываюсь на писк.

Финн вскакивает со стула в углу. *Беседа окончена.*

Репортер кивает. Выключает диктофон и пря-

чет его в рюкзак. Благодарит.

Но я знаю, о чем он думает.

Он считает, что я всего лишь оклахомская девчонка из трейлерного парка, которая угодила в небольшую передрягу.

И что мое обещание — лишь слова.

Так и есть. Ровно шесть слов.

Я перебираю в кармане обмахрившиеся края Одеттиного письма.

66

До начала занятий две недели, а я снова в Синем доме, несмотря на возражения Банни. Финн тоже не в восторге от этой идеи.

Я его упросила. *Можно я доразбираю вещи? Мне нужно поставить точку.* Я пообещала работать с девяти до пяти, как на обычной работе, а ночевать в отеле, а не в кладовке. Если Финна до сих пор беспокоит тот случайный поцелуй, со мной можно даже не пересекаться.

Он сказал, что оставит ключ под ковриком и чек на 750 долларов за работу.

Разумеется, я не в поисках душевного покоя сюда пришла. Его не существует для того, кто с десяти лет безуспешно пытается запечатать сургучом воспоминания о гибели матери. Я ищу

то, что могли упустить тридцать восемь копов и криминалистов.

В то же мгновение, как я переступаю порог кухни, взгляд цепляется за пустоту среди книг на полке. Поваренная книга Бетти Крокер исчезла навсегда: ее в коробке вместе с другими уликами отвезли в специальный трейлер, предварительно просмотрев все страницы и взяв пробы для экспертизы, что не принесло существенных результатов. Без нее в кухне будто бы стало намного свободнее.

Открываю во всем доме жалюзи, впуская солнце.

Хорошо, что пол в ванной уже отмыли от крови, унесли мое «орудие», убрали следы дактилоскопического порошка и сняли белое одеяло-облако с кровати.

Методично обхожу дом, комнату за комнатой. Упаковываю старую жестяную банку из-под лент от пишущей машинки, полную шпилек, кружевное нижнее белье, соль для ванн, протез с фиолетовым лаком на ногтях и пять коробок патронов, найденных под неприколоченной доской пола.

Каждую ночь звонит Банни. И я говорю ей, что все идет отлично.

Каждую ночь я сплю в кладовке и снова ныряю в озеро с Одеттой и Труманелл. Звоню Расти и нечаянно бужу его. Он заверяет меня, что озеро прочесывали каждый год после исчезновения Труманелл, и приглашает заглянуть к нему в гости и поджарить бургеры на гриле.

На третье утро я снимаю портрет старика с его поста на стене у входной двери. Лестно чувствовать, что я вправе определить: мусор это или сокровище. Решаю, что ни то ни другое. Впрочем, как и каждая третья вещь в этом доме.

Переворачиваю картину. Побуревшая бумага крошится под пальцами. Кто-то вывел на ней: «Шериф Реджинальд (Реджи) Хорнблэк, 1829–1898».

Так вот кто этот угрюмый говнюк.

Расти упоминал его в одном из своих предвыборных интервью. Он баллотируется в мэры с программой, в которой обещает изменить имидж города, при этом яростно обличая клан Синего дома и предлагая, чтобы достоянием города отныне считались «кукуруза и доброта».

Под именем шерифа еле заметно накорябана схема. Посередине бумага разорвана. Прижимаю края друг к другу. Линии почти выцвели, так что едва разберешь, что нарисовано. Прямо-

угольники с номерами. Улица под названием «Птица-горюн».

Не сразу понимаю, что передо мной план кладбища. Один из прямоугольников помечен буквой «Т».

Вокруг старого надгробия разрослись одуванчики — маленькие желтые символы воскрешения. Такие же, как на могиле мамы.

Может, в этом есть глубокий смысл? И Бог посадил их *не случайно*? Не могу так думать, иначе возникает вопрос, зачем он направил две дробинки прямо в мой левый глаз.

Я однажды загуглила: один одуванчик может дать две тысячи семян. Две тысячи желаний. Если бы все эти миллиарды желаний сбывались, если бы одуванчики в самом деле обладали какой-то силой, я сейчас не смотрела бы, как судебные археологи аккуратно раскапывают могилу.

Расти тогда сказал, что найти могилу по земле на ботинках — все равно что искать иголку в миллионах стогов сена. Все становится намного проще, если один из тех двоих, кто копал могилу, оставил тебе карту.

Кто-то громко сообщает про железный протез, и у меня подкашиваются ноги.

Два тела. Не одно.

Я еще сижу на земле, когда эксперты осторожно подтверждают: останки Труманелл Брэнсон и Одетты Такер лежат рядом — прямо поверх гроба Реджинальда Хорнблэка. Лицом вверх, разная стадия разложения, в прямой видимости от мемориальной статуи.

Ко мне подковыливает хромой старик в полинявшем синем комбинезоне и помогает встать. Расти сказал, что это смотритель кладбища. Он ветеран Корейской войны, страдает от хромоты и бессонницы, из-за которой ночами бродит по кладбищу. Расти просто пытался отвлечь меня от тошнотворного момента, не зная, что добавляет еще одну недостающую частичку к пазлу.

Старик настаивает, чтобы я не подходила к сетке вокруг могилы. Но я вижу щеточку, которая аккуратно выметает землю из глазниц Одетты.

Мне хватает и этого.

Тяжко, наверное, было преподобному в одиночку снова раскопать могилу, отодвинуть останки Труманелл и освободить место для Одетты. А может, ему кто-то помогал укладывать труп в яму? Или это еще одна ложь, которая будет жить вечно?

Одетта и Труманелл лежат рядом, будто одна подруга осталась на ночевку у другой. Пастор

накрыл их белой простыней, прежде чем засыпать могилу.

А потом, наверное, пошел писать очередную проповедь.

Часть пятая
Найденная

67

Я гляжу в потолок, слушая в темноте, как дышит моя соседка по комнате.

Час назад она рыдала, повернувшись к постеру с Билли Айлиш[83] на стене. Теперь наконец уснула. Я прижимаюсь к ней сзади, обняв руками ее живот. Когда ее тепло согревает меня, тогда моя тайна ощущается острее всего.

Мы дружим четыре семестра, с первого курса. У нас общий санузел. Мы говорим о парнях, о музыке, о поэзии, о вечеринках, о своих проблемах. Это она впервые уговорила меня снять селфи. Я знаю дозировку ее антидепрессантов, как будто принимаю их сама. Мы засыпаем в обнимку, когда нам грустно, вместе смотрим допоздна телик, вместе готовимся к экзаменам. Но я так и не рассказала ей про свой глаз. Не пригласила ее спуститься по лестнице в мою черноту.

---

[83] Notes: 83

Билли Айлиш (р. 2001) — американская певица, автор песен и общественная активистка.

Я постоянно спрашиваю себя: почему? Почему я считаю, что про ее депрессию говорить можно, а про мой глаз — нет? Будь черные дыры каждого так же очевидны, как отсутствие части тела, что означало бы слово «калека»? Вычеркнем ли мы его из словаря? Исчезнет ли оно совсем, коли уж все мы разом ущербны и целостны?

Так говорит девочка в зеркале. Она не дает мне уснуть. Заставляет меня вспоминать.

Через шесть часов после того, как это случилось, я увидела две вещи.

Черную дыру на месте моего глаза.

Лицо медсестры.

В свои десять лет я сразу все поняла.

Ничего страшнее меня она в жизни не видела.

Мне хочется сказать ей: «В темноте мы все одинаковы».

Я много думаю о тьме.

Звон лопаты, копающей могилу.

Расти прячется за темными очками.

Одетта записывает свою боль в обложке от книги Бетти Крокер.

Труманелл нашептывает истории на залитом луной поле спящих цветов.

Мой отец, в тюрьме до конца дней, боится закрыть глаза.

Уайатт по-прежнему спит в доме Брэнсонов, как призрак.

Преподобный в черные секунды после того, как шагнул с табурета и повис в петле.

Одуванчики пускают по ветру свои пушинки.

Чтобы вырасти на могилах сплошным ковром.

Чтобы девочки загадывали желания.

Чтобы они доказали: мертвые воскресают.

Я не назвал бы себя конспирологом. Я всего лишь продаю краску. С тех пор как нашли Труманелл, «Кружева шантильи» — самый ходовой у меня товар. Несомненный знак, что город никогда эту девушку не отпустит. Я лично не верю, что цвет краски отпугивает от дома чертей. Или в бред о том, что призрак Труманелл седьмого июня рассыпает у вашего дома одуванчики, если хочет сгубить ваш урожай. Или что кладбищенский памятник ей и Одетте ночами немного двигается, как что-то из «Гарри Поттера». Но остается куча законных вопросов. Например, почему Уайатт обошелся годом общественных работ под фиговым романтическим предлогом, что пятнадцать лет молчал из нежелания причинить Одетте боль? Одетта Такер все бы выдержала. Одетта Такер была о-го-го. Никто не говорил этого вслух, но когда мы набирали 911, то надеялись, что на вызов приедет она. Так как же старый проповедник оказался ловчее ее? Невольно задумаешься, что от нас скрывают. Некоторые думают даже, что Фрэнк Брэнсон по-прежнему жив — что покойный великий полицейский Маршалл Такер той ночью просто пальнул в воздух и дал Брэнсону убежать. Эти люди считают, Брэнсон сейчас загорает на пляже в Мексике и потягивает пиво. У меня и у

моих друзей теория другая. Мы думаем, Фрэнк Брэнсон лежит под Синим домом. И не он один. Мы думаем, там целое кладбище моральных уродов, которых наши полицейские устранили за годы. И знаете что? Мы считаем, так и надо.

Дикки Томсон, владелец хозяйственного магазина, в интервью психотерапевту Андреа Греко для ее документального бестселлера «Девочки не покидали город»

Благодарности

Каждая книга меняет меня тем материалом, который я для нее собираю, и эта изменила особенно. Я вошла в мир протезов и внутреннюю жизнь тех, кто ими пользуется, а попутно избавилась от ряда заблуждений — и не только в том, что касается технических деталей. Глазные протезы не стеклянные, и люди, которых их носят, тоже.

Я благодарна трем техасским девушкам, которые своими историями помогли мне найти голоса для моих героинь.

Одна из них потеряла глаз в десять лет из-за несчастного случая при запуске фейерверка. Помимо прочего, она подсказала сцену, когда Энджел, разглядывая в больнице черную дыру у себя на лице, гадает, чем она стала. В настоящей жизни та девушка стала манекенщицей. Она открыла мне сердце за столиком в гостиничном вестибюле, хотя мы виделись впервые. Никто так честно не рассказывал мне о суровых реалиях, о повседневных неудобствах и сложностях, о любви близких после травмы, о том, каково красавице жить с тайной. Ее глазной протез в

точности повторяет настоящий глаз, и она долгие годы скрывала его, поскольку работает в профессии, где царит культ совершенства.

Младшая из моих консультантов, очаровательная девочка-подросток, беседовала со мной однажды утром вместе со своими мамой и папой. Она родилась без одного глаза и почти всю жизнь носит глазной протез. Лишь самые близкие друзья знают, что один глаз у нее искусственный. Я задала ей вопрос: «Есть что-нибудь, о чем мне следует знать, а я этого не спросила?» Она ответила: «Это вовсе не так уж тяжело». Список слов, который появляется в книге, — нежная, стойкая, сильная, находчивая, добрая, чуткая — это дословная цитата из ответа ее матери на мой вопрос: «Как бы вы описали свою дочь?»

Третья девушка — Мэдди Гарбаж, дочь любящих родителей Дженет и Дэна Гарбаж, которая потеряла руку и едва не лишилась жизни однажды вечером во время учебы в колледже, когда врезалась на машине в стоящий на темном шоссе автомобиль — хозяйка просто бросила его и ушла. Мэдди помнит, как перевернулась ее машина, и ужас при мысли, что больше не увидит близких. Из-за этой аварии Мэдди носит на одной руке высокотехнологичное произведение искусства.

Она тоже красавица и поражает своей зрелостью и принятием своей судьбы. Теперь она работает в индустрии протезов.

Я не справилась бы с этой книгой без Рэнди Травника, всемирно известного далласского офтальмолога-протезиста, и его жены Карен (эта милейшая женщина тоже очень помогла мне в сборе материала для книги). Люди едут со всего света к Рэнди, блестящему «иллюзионисту», который рисует и создает глазные протезы в таких филигранных подробностях, что их почти невозможно отличить от настоящего глаза. Офтальмолог в этой книге во многом списан с него. Загуглите Рэнди Травника. Он герой.

Герой и Майкл Витцгалл, ветеран военных действий и бывший полицейский, который шагает по жизни без одной ноги. Шагает уверенно: сейчас он тренирует полицейский спецназ. Майкл ответил на все мои вопросы, даже на самые личные и глупые. И не только он, но и Лесли Грей, директор протезно-ортопедической программы в Юго-западном медицинском центре Техасского университета в Далласе; Лесли познакомила меня с Майклом, лично провела мне экскурсию по своей лаборатории, выправила мой взгляд на многое, включая Оскара Писториуса, и даже про-

чла черновой вариант книги на предмет ошибок. Так что если какие-нибудь ошибки и остались, то лишь мои. Одетта явилась на свет благодаря Лесли и Майклу.

Я также хочу поблагодарить:

— Преподобного Боба Крилли за очень интересный разговор о случайности вселенной и роли в ней Бога. Это помогло мне справиться и с этой книгой и с личной трагедией, которую я переживала во время работы над ней.

— Потрясающего библиотекаря Сесилию Бархем и ее коллег в Норт-Ричленд-Хиллской библиотеке за то, что позволили мне рыться в их книгах, чтобы написать эту.

— Патрицию Хеннели, одну из моих любимейших читательниц, которая привнесла в мир столько энергии и радости, прежде чем его покинуть. Бабушка Пэт названа в честь нее.

— Труманелл Маплс, одолжившую мне свое прекрасное и необычное имя.

— Мишель Хиберлин за ее фразу, что заботиться о ребенке — все равно что не давать пьяному эльфу самоубиться.

— Дугу Хиберлину за красивейшую математику.

— Моей команде издательства «Пингвин Рэн-

дом-Хаус» в Великобритании, особенно Максин Хичкок за редактирование и блестящий маркетинг техасской писательницы, и Ребекке Хилдстон — я уверена, в прошлой жизни она была ковбойской девушкой.

— Моей команде издательства «Пингвин Рэндом-Хаус» в США, особенно моему редактору Энн Шпейер, за преданность и поддержку в работе над сложной историей.

— Кейт Мисиак за то, что изменила курс моей истории, купив эту книгу и другие.

— Лауру Дикаро, которой я звоню в первую очередь (и которая всегда отвечает).

— Моих родителей, Чака и Сью Хиберлин, за то, что поддерживают огонь в домашнем очаге, и я по-прежнему могу писать и погружаться в мечтания перед сном в своей детской спальне, когда бы мне этого ни захотелось.

— Брендону Коканоферу за то, что изобразил мою душу, прошлое и будущее на картине, которую я вижу каждый день, и за то, что он такой человек и блистательный художник, каким все мы, остальные, хотим быть. Дома́ для тебя — полноценные персонажи, как и для меня.

— Моих друзей, соседей, родственников, библиотекарей, журналистов и читателей, которые

так поддерживали меня во время работы над книгой. Я не могу перечислить здесь всех, но вы себя знаете.

— Моих мужа и сына, Стива и Сэма Касковичей, за то, что служат мне опорой во всем.

— Моего агента, Ким Уизерспун, редкую умницу. Ты всегда подхватываешь меня, когда я падаю. И еще я признательна тебе и Марии Уэлан из «Инкуэлла» и добрые и полезные советы по этой книге.

— И наконец, Дейе Монтемайор Мартинес, которой посвящена эта книга. Ты оказала огромное влияние на мою жизнь, и я каждый день горюю, что не говорила этого чаще. Когда люди критикуют несовершенную иммиграционную систему, я рассказываю им о тебе — лице и сердце каждого иммигранта, делающего Америку добрее, лучше и сильнее. Но главным образом ты для меня та, кого я очень любила и слишком рано потеряла. *Te extraño*[84].

---

[84] Notes: 84
Скучаю по тебе *(исп.)*.